

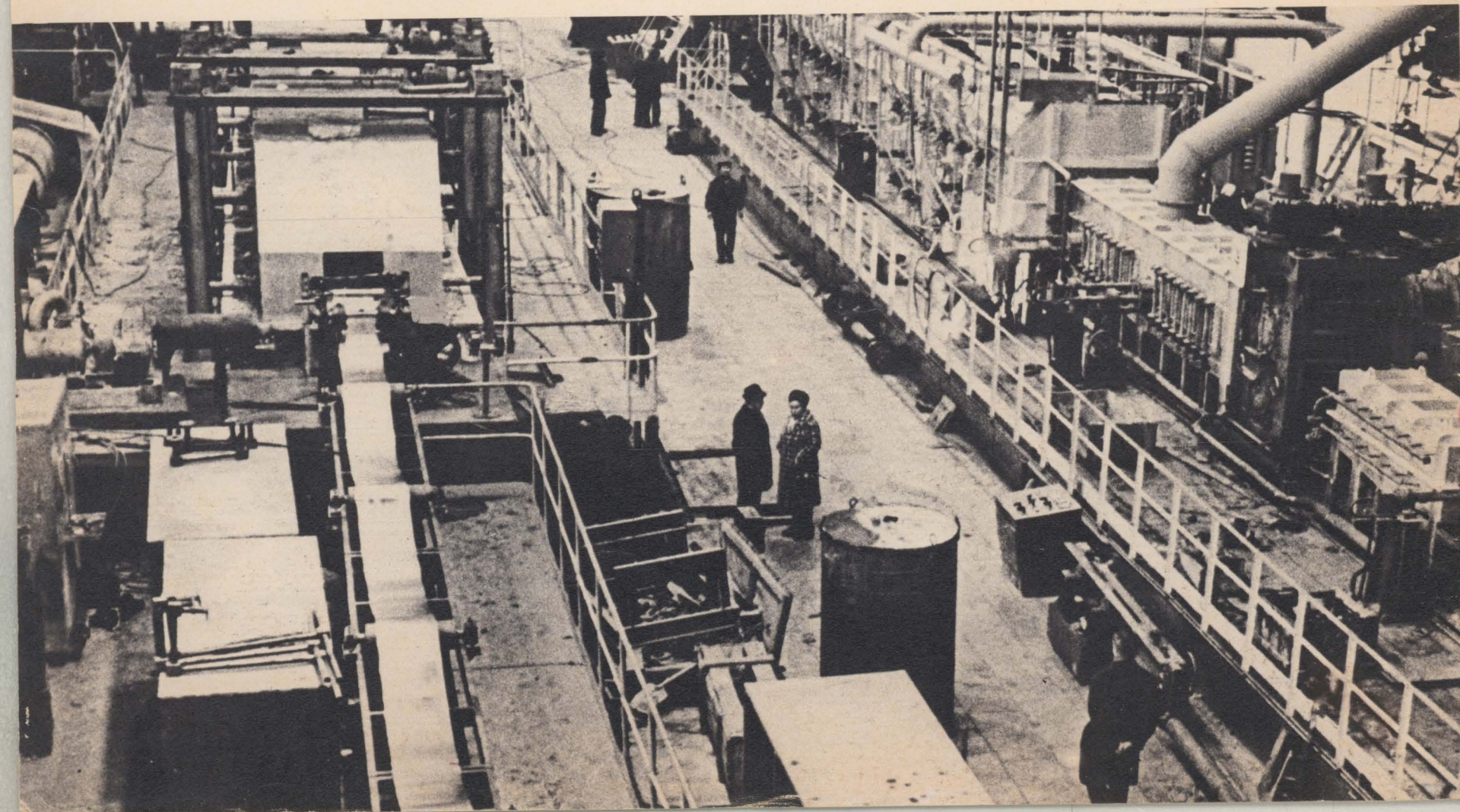
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 50 ДЕКАБРЬ 1979

СТАН УЧИТСЯ

...При достигнутом уровне производства металла главное направление дальнейшего развития черной металлургии—не столько количественный ее рост, сколько коренное улучшение качества и расширение ассортимента металлопродукции.

Из выступления Л. И. БРЕЖНЕВА на ноябрьском (1979 г.) Пленуме ЦК КПСС.

В Москве на заводе «Серп и молот» завершены строительные и монтажные работы в новом цехе холодного проката. С выходом на проектную мощность он ежегодно станет выпускать около семи тысяч тонн нержавеющей ленты. Эта продукция пользуется большим спросом у создателей летательных аппаратов и конструкторов медицинской техники, автомобилестроителей и электротехников.

Снаружи новый, 40-метровой высоты корпус, поднявшийся неподалеку от площади Ильича, мало похож на сталепрокатный комплекс. Его светлая керамзитовая облицовка резко контрастирует с кирпичной, побуревшей от времени кладкой старых заводских цехов. Такое архитектурное оформление цеха, который далеко просматривается с ближайших улиц и площадей, позволяет сохранить своеобразие сложившегося в этом районе городского ландшафта.

Обычно прокатные станы монтируются в корпусах, длина которых достигает полутора, а то и двух километров. Однако за счет высоты проектировщикам удалось «упаковать» уникальную начинку комплекса в довольно скромное по понятиям прокатчиков здание протяженностью всего лишь в триста метров. Но при этом энерговооруженность цеха почти равна мощности всех действующих производств завода!

Я побывал на комплексе в ту пору, когда на всех его этажах шло опробование оборудования. «Внимание, идет прокрутка!» — предупреждали на каждом шагу таблички.

Один из тех, кто «учит» работать новые агрегаты, — кавалер ордена Трудовой Славы Ж. Лемешко из треста Металлургпрокатмонтаж. Это его бригада, перейдя на полный хозяйственный расчет, смонтировала от нуля «под ключ» два стана «500».

Установка уникального оборудования требовала точности, которую монтажники называют ювелирной. Действительно, сборка отдельных узлов осуществлена с точностью в несколько сотых миллиметра. Чтобы выдерживать подобные допуски, точности традиционных инструментов — отвеса, нивелира, струны — уже недостаточно. Монтажники использовали лазерный луч. С его помощью было установлено около полутора тысяч тонн технологического оборудования. Причем продолжительность монтажа была сокращена почти в полтора раза.

— Для нас, монтажников, — говорит Ж. Лемешко, — нет более сложного задания, чем строительные и монтажные работы в условиях действующего предприятия. В этих условиях прокладывались многокилометровые эстакады, монтировались сотни километров трубопроводов и других коммуникаций, и все это приходилось делать, приспособившись к ритму «горячих» цехов «Серпа и молота».

Сегодня главные трудности позади.

...Вот, повинувшись команде оператора, дрогнули и пришли в движение барабаны прокатного стана. Стремительно захватывается его валками стальная холодная нержавеющая лента и прямо на глазах намного «худеет». Контрольно-перемоточные линии принимают пробную продукцию.

А. ПЕРЕВОЗЧИКОВ,
корреспондент пресс-центра
Минмонтажспецстрой

Бригадир Ж. Лемешко.

Новый цех на старом заводе.

РАБОТАТЬ

Фото А. БОЧНИНА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 50 (2735)

8 ДЕКАБРЯ 1979

© Издательство «Правда», «Огонёк», 1979

Депутаты голосуют за принятие Закона о Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1980 год.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева.

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

С 28 по 30 ноября в Москве, в Кремле, проходила вторая сессия Верховного Совета СССР десятого созыва.

Сессия открылась в Большом Кремлевском дворце совместным заседанием Совета Союза и Совета Национальностей.

10 часов утра. Бурными, продолжительными аплодисментами депутаты и гости встретили товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, В. В. Гришину, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Д. А. Кунаева, А. Я. Пельше, Г. В. Романова, М. А. Суслова, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, В. В. Щербицкого, Г. А. Алиева, М. С. Горбачева, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, П. М. Машерова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитанова, В. И. Долгих, К. В. Русакова.

В повестке дня сессии были следующие вопросы: о Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1980 год и о ходе выполнения

Государственного плана экономического и социального развития СССР в 1979 году; о Государственном бюджете СССР на 1980 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1978 год; о проекте Закона СССР о народном контроле в СССР; о проектах Закона СССР о Верховном суде СССР, Закона СССР о Прокуратуре СССР, Закона СССР о Государственном арбитраже в СССР и Закона СССР об адвокатуре в СССР; об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

С докладом «О Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1980 год и о ходе выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР в 1979 году» выступил заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР депутат Н. К. Байбаков.

Затем с докладом «О Государственном бюджете СССР на 1980 год и об исполнении Госу-

дарственного бюджета СССР за 1978 год» выступил министр финансов СССР депутат В. Ф. Гарбузов.

На отдельных заседаниях палат шли прения по первому и второму вопросам повестки дня.

Утром 30 ноября депутаты собрались на совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей. Верховный Совет СССР раздельным голосованием по палатам единогласно принял Закон о Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1980 год и постановление о ходе выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР на 1979 год.

Депутаты раздельным голосованием по палатам единогласно приняли Закон об утверждении Государственного бюджета СССР на 1980 год. Верховный Совет СССР утвердил отчет об исполнении Государственного бюджета СССР за 1978 год и принял соответствующее постановление.

С докладом «О проекте Закона СССР о народном контроле в СССР» выступил первый заместитель Председателя Совета Министров СССР депутат Н. А. Тихонов.

Раздельным голосованием по палатам депутаты единогласно приняли Закон СССР «О народном контроле в СССР». Принято также постановление Верховного Совета СССР «О порядке введения в действие Закона СССР «О народном контроле в СССР».

С докладом «О проектах Закона СССР о Верховном суде СССР, Закона СССР о Прокуратуре СССР, Закона СССР о Государственном арбитраже в СССР и Закона СССР об адвокатуре в СССР» выступил председатель Комиссии законодательных предложений Совета Союза М. С. Горбачев. Депутаты раздельным голосованием по палатам единогласно приняли эти законы.

С докладом об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР выступил секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе.

КРЕПНУТ БРАТСКИЕ СВЯЗИ

3 декабря в Софии состоялась встреча Первого секретаря ЦК БКП, Председателя Государственного совета НРБ Т. Живкова и члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко, находящегося в НРБ с дружеским визитом по приглашению ЦК БКП.

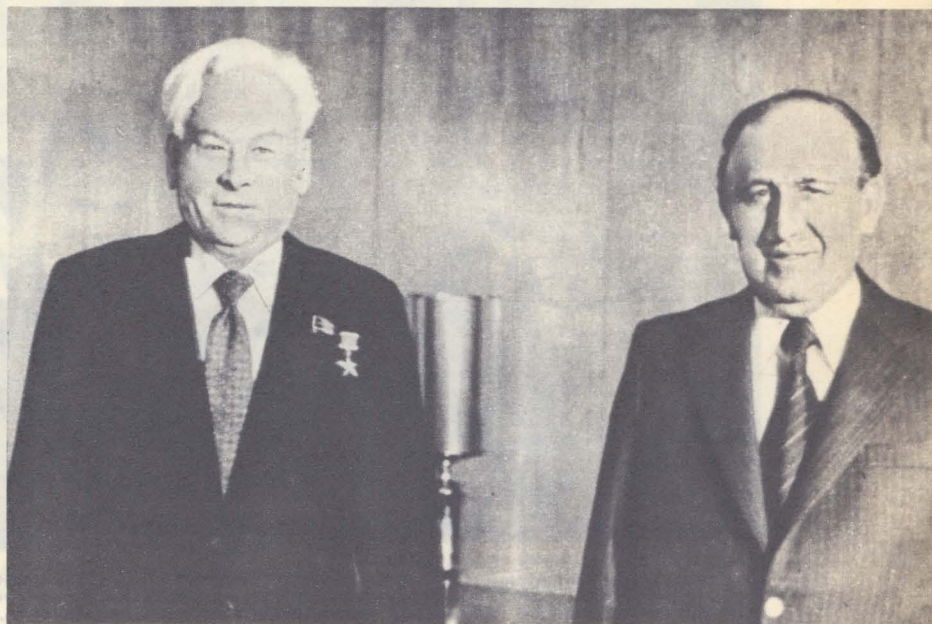
Т. Живков и К. У. Черненко обменялись информацией о деятельности КПСС и БКП в решении задач коммунистического и социалистического строительства, рассмотрели ряд вопросов дальнейшего развития советско-болгарского сотрудничества, а также актуальные международные проблемы.

В этот же день состоялась встреча К. У. Черненко и членов руководства Болгарской коммунистической партии. В ней приняли уча-

стие Т. Живков, члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК БКП, секретари ЦК БКП.

За большой вклад в развитие и углубление братских связей между КПСС и БКП, всестороннего сотрудничества и сближения между двумя странами и народами К. У. Черненко награжден высшим орденом НРБ — орденом Георгия Димитрова. 3 декабря состоялось вручение награды. Выступивший при этом Т. Живков сердечно поздравил К. У. Черненко и передал теплые пожелания от болгарских коммунистов, от трудящихся республики.

В ответном слове К. У. Черненко выразил Центральному Комитету БКП, Государственному совету НРБ, товарищу Т. Живкову большую благодарность за высокую награду.

Перед началом беседы.

Телефото В. Будана (ТАСС).

НАПРЯЖЕННЫЙ ВЗГЛЯД ЕВРОПА: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ДОРОГ

Юрий КОРНИЛОВ

Тревожные политические ветры веют над древней Европой. В семидесятые годы этот континент дал миру поистине добрый пример, осуществив весомый сдвиг в пользу разрядки напряженности, — и вот ныне дело разрядки подвергается все более ожесточенным атакам агрессивных империалистических сил. Стараниями этих сил Европа давно перенасыщена оружием, а сегодня речь идет о том, чтобы еще более «укрепить» уже существующий атлантический потенциал — именно на это направлены планы Пентагона и НАТО по созданию на западноевропейской земле мощного ракетно-ядерного погребца, содержанием которого — почти 600 новейших американских ракет «Першинг-2» и крылатых ракет с увеличенной дальностью полета — предполагается нацелить на Советский Союз.

Нет нужды говорить, что империалистический курс на гонку вооружений в корне противоречит самой идее смягчения напряженности, он несовместим с принятым в Хельсинки Заключительным актом, в котором подчеркивается, что государства-участники преисполнены решимости «расширять, углублять и сделать поступательным и прочным процесс разрядки». Планы же США и НАТО, связанные с превращением Западной Европы в ракетно-ядерный полигон Пентагона, особенно опасны, ибо развертывание на континенте этого принципиально нового вида оружия серьезно усилило бы риск ядерной войны. Вполне очевидно и то, что стремление определенных империалистических кругов изменить в свою пользу военно-политическую обстановку в Европе поставило бы СССР перед необходимостью укрепить собственную оборону: Советский Союз и его союзники не могут сидеть сложа руки, безучастно наблюдая, как противостоящая им военная группировка увеличивает угрозу нашим странам, мирному труду наших людей.

Значит, что же — конфронтация вместо разрядки? Новый стремительный взлет гонки вооружений?

«Нет!» — решительно отвечают миллионы людей доброй воли в Европе и за ее пределами. «Нет!» — говорит Советский Союз.

Верная ленинской политике мира, наша страна целеустремленно, последовательно выступает за подкрепление разрядки политической разрядкой в военной области, за обуздание гонки вооружений. За послевоенные годы СССР внес более 100 предложений, направленных на то, чтобы затормозить и повернуть вспять производство орудий разрушения и смерти. И сегодня, когда враждебные миру силы замахиваются на саму судьбу европейской разрядки, Советский Союз от своего имени и от имени своих друзей и союзников выдвинул широкую и принципиальную программу упрочения мира в Европе, четко сформулированную товарищем Л. И. Брежневым в его недавней речи в Берлине и ответе на вопрос корреспондента газеты «Правда». Вместо того, чтобы без кон-

ца наращивать ракетно-ядерное оружие, как это делают США и НАТО, Советский Союз предлагает сесть за стол переговоров и по деловому, серьезно и конструктивно обсудить меры по уменьшению уровня военного противостояния на континенте, пути снижения количества ядерного оружия на европейской земле.

Широко комментируя новые внешнеполитические инициативы СССР, видные политические и общественные деятели разных стран, печать подчеркивают, что эти инициативы, охватывающие все основные стороны военной разрядки, открывают реальную перспективу оздоровления политического климата. Чем же отвечают на советские предложения Вашингтон и НАТО?

И с той стороны говорят о необходимости укреплять мир, продолжать разрядку, и с той стороны заявляют о «желательности» вести переговоры об обуздании гонки вооружений. Однако стоит лишь повнимательнее присмотреться к этим декларациям, как обнаруживается, что переговоры, предлагаемые Западом, — это нечто прямо противоположное тому, что имеет в виду Советский Союз. Концепция, выдвинутая в этой связи в США и других странах НАТО, гласит: сначала мы осуществим свои милитаристские планы, развернем в Западной Европе мощный парк ракет, которые-де обезопасят нас от «советской угрозы», а уж потом сядем за стол переговоров. Но как же увязать со здравым смыслом «идею» о том, дабы «сначала довооружиться, а потом — разоружаться»? Какой резон, какая логика может содержаться в линии на то, чтобы сначала создать новый вид оружия, затратив огромные средства, привезти его в Европу, а затем вести переговоры о сокращении этого самого оружия? Ответ на этот вопрос можно найти, например, в недавнем выступлении премьера Великобритании М. Тэтчер, которая прямо заявила в палате общин, что, дескать, Запад готов вести с СССР переговоры, но — «с позиции силы».

Вот оно, оказывается, в чем дело! Суть вопроса не в мифической «советской угрозе», которая существует лишь в воспаленном воображении тех, кто эту угрозу изобретает. Суть вопроса — в стремлении определенных империалистических кругов, связанных с Пентагоном и НАТО, выражающих устремления военно-промышленного комплекса и не заинтересованных в разрядке, во что бы то ни стало нарушить сложившийся паритет, примерное равновесие сил сторон, обеспечить себе военный перевес и, базируясь на своем военном превосходстве, диктовать условия другой стороне. Что сказать по этому поводу? Только одно: можно лишь удивляться атлантическим стратегам, которые до сих пор не усвоили ту очевидную истину, что всякие попытки применить в отношении СССР «силовые приемы» в политике — дело абсолютно бессмысленное и бесперспективное.

Европа стоит ныне на перекрестке политических дорог. Советские инициативы, широко поддержанные миролюбивой международной общественностью, открывают единственно приемлемую альтернативу росту военного противостояния на континенте, и если есть на Западе элементарное желание договориться, основа для этого налицо, причем основа солидная, создающая реальные условия для быстрого продвижения вперед. Если же те, кто определяет политический курс США и некоторых других государств НАТО, предпочтут политике честных договоренностей попытку диктата и возрождения «холодной войны», они возьмут на себя тяжелую ответственность перед народами своих и других стран.

Что же касается Советского Союза, то его политика остается неизменной: наша страна — за мир, а не за подготовку к войне, за переговоры, а не за конфронтацию. Советский Союз готов к конструктивным переговорам и практическим шагам по обузданию гонки вооружений, если другие ответят тем же.

Участники юбилейной сессии ВАСХНИЛ: академик, Герой Социалистического Труда Б. П. Соколов, директор специального проектно-конструкторского бюро Сибирского отделения ВАСХНИЛ И. Д. Бухтияров, народный академик, дважды Герой Социалистического Труда Т. С. Мальцев, главный зоотехник племзавода имени Ленина Ставропольского края В. А. Мороз, академик, Герой Социалистического Труда Т. Н. Кулаковская, директор Литовского НИИ земледелия А. Будвитис. Фото Г. Копосова

К 50-летию ВАСХНИЛ

3 декабря открылась юбилейная сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина. В Колонном зале Дома союзов состоялось торжественное заседание, посвященное 50-летию ВАСХНИЛ, на которое собрались ученые, научные сотрудники, передовики сельскохозяйственного производства, советские и зарубежные гости.

Перед собравшимися с приветственной речью выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС товарищ М. С. Горбачев. Затем товарищ М. С. Горбачев зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении ВАСХНИЛ орденом Трудового Красного Знамени и прикрепил орден к знамени академии.

С докладом «Всесоюзной сельскохозяйственной академии имени Ленина — 50 лет» выступил первый вице-президент ВАСХНИЛ А. А. Созинов.

В. ШАЙКИН, кандидат сельскохозяйственных наук

В самом начале нынешнего столетия, когда неурожайные и голодные годы, следовавшие один за другим, стали все больше беспокоить передовую общественность России, Климент Аркадьевич Тимирязев в лекции «Наука и земледелие» призвал ученых помочь крестьянину «...вырастить два колоса там, где прежде рос один, две былинки травы, где росла одна...», то есть удвоить производство продуктов сельского хозяйства. И далее подчеркивал: «Задача о двух колосьях, быть может, самый жгучий, самый коренной политический вопрос, который в ближайшем будущем предстоит разрешить и нашей стране».

За годы Советской власти производство зерна в стране увеличилось более чем в 3 раза, сахарной свеклы — почти в 9 раз, хлопка-сырца — в 12 раз. Намного возросло и производство кормов, а следовательно, и продуктов животноводства. И неопределима заслуга в этом наших ученых, прежде всего Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, которая координирует и направляет все исследования в области сельского хозяйства.

Основанная в 1929 году по завещанию Ленина, она стала крупнейшим научным центром и сейчас отмечает свое 50-летие. У ее колыбели стоял и первым президентом ее был Николай Иванович Вавилов, великий ученый, внесший неоценимый вклад в генетику и селекцию растений, в организацию самих исследований. Всемирно известны также работы И. В. Мичурина, В. Р. Вильямса, Д. Н. Прянишникова, Н. М. Тулайкова, П. Н. Константинова, П. И. Лисицына, П. М. Жуковского, П. П. Лукьяненко, В. С. Пустовойта, А. Н. Костякова, В. П. Горя-

кина, М. Ф. Иванова, К. И. Скрябина и десятков других ученых, сделавших очень многое для развития нашей науки и сельского хозяйства.

Одним из главных направлений в исследованиях ВАСХНИЛ, интегральным их результатом является проблема программирования урожая, которой занимается большая группа ученых.

Несколько лет назад в совхозе «Волго-Дон», что под Волгоградом, любой желающий мог увидеть необычное поле. Посевы озимой пшеницы чередовались на нем с полосами люцерны. Пшеница была крепкая, хорошо раскустившаяся, устойчивая против полегания и, естественно, впечатление производила необычное.

Так выглядел эксперимент, начатый еще в пятидесятые годы учеными Волгоградского сельскохозяйственного института профессорами А. А. Климовым, Г. П. Устенко, Г. Е. Листопадом, А. Ф. Ивановым. Он был, по существу, первым серьезным шагом к выработке нового метода — оптимального программирования урожая, позволяющего получать при любых погодных условиях на орошаемых землях Нижнего Поволжья рассчитанный сбор зерна озимой пшеницы — до 120 центнеров с гектара.

Программирование урожая — новое, принципиально важное явление в нашем земледелии. Оно возникло как закономерный результат научно-технического прогресса и открывает невиданные перспективы в повышении продуктивности земли. Только сейчас

для него сложилась необходимая научная и материальная база. Поэтому новый метод вызывает самое пристальное внимание специалистов и руководителей хозяйств, всех земледельцев.

Программирование урожая — это непосредственное управление фотосинтезом в поле. Суть его в том, чтобы в достатке обеспечить растения на всех этапах их развития нужными питательными веществами, влагой, световой энергией. А для этого все без исключения работы надо проводить только в самые благоприятные для возделываемых культур и сортов сроки с постоянным учетом показаний приборов, непрерывно наблюдающих за растениями и сигнализирующих об их потребности. Современная техника позволяет выполнять все это в больших масштабах.

— В принципе программирование применимо повсюду, на любых участках, — сказал мне крупный специалист, много лет работавший в агрофизическом институте, ректор Ленинградского университета Николай Филиппович Бондаренко. — Агрофизики много лет изучают действие на растения света, атмосферных осадков, ветра и других факторов внешней среды, а также свойств почвы. Они накопили огромный экспериментальный материал. Поэтому, естественно, тема программирования стала здесь стержневой, объединяющей все другие.

В разных зонах страны сейчас создаются специальные полигоны по программированию урожая, — продолжает ученый. — Для чего они нужны? Для изучения всех параметров влияния среды на развивающийся организм. Для определения «потолка» урожайности того или иного сорта и гибрида. Исследования и работу по внедрению возглавляет академик Иван Семенович Шатилов. Образован совет по программированию.

Из чего же складывается программа? Из подробного анализа климатических особенностей и почвенного плодородия каждого поля. Каждого. Выявляются факторы, которые больше всего мешают повышению урожайности. Затем определяется ее возможный уровень. В соответствии с ним рассчитывают дозы удобрений, сроки и способы их внесения, время и нормы поливов. Так разрабатывают подробную технологическую карту, устанавливают контроль за развитием посевов с помощью специальной регистрирующей аппаратуры. Необходимые меры принимают немедленно; во многих случаях сами приборы автоматически включают поливные и другие устройства.

Попытки программировать урожай без достаточной подготовки и сразу в больших масштабах, конечно, предпринимались не раз. Но чудес в природе не бывает.

ПОЛЕ ПОД ИНТЕГРАЛОМ

Нужна база. Тут никак нельзя обойтись без хорошо знающих это дело людей, без предварительных исследований на месте, без применения высокопроизводительной современной техники. И без сортов самого интенсивного типа, способных поглощать как можно больше солнечной энергии. Без надежной защиты растений от болезней, вредителей и сорняков, от засух и суховея. Иначе ждет неудача. Поэтому отнюдь не все специалисты и руководители хозяйств уверены в том, что программирование вообще осуществимо. Тем более непосредственно в колхозе или совхозе. Действительно, и опыты и практика убеждают: надо соблюдать по крайней мере десяток основных принципов, чтобы получить нужный эффект. Сложно? Да. Однако выполнимо. При желании, конечно. А все расчеты изданы и доступны каждому, подробно изложены в методиках. Нужно только захотеть, не пожалеть сил и времени. И результат получится удивительный.

В 1976 году в Ленинградской области были начаты производственные опыты по программированию — в совхозах имени Тельмана, «Красная Балтика», «Гомонтово», «Петровское», «Ильич», а также на Меньковской опытной станции. К участию в них были привлечены сотрудники многих научных учреждений. Возглавил работу агрофизический институт.

Изыскания опирались на опытные и производственные данные хозяйств, сортоучастков, метеостанций, взятые в среднем за пять предыдущих лет. На основе агрохимических паспортов полей были рассчитаны на электронных вычислительных машинах оптимальные дозы удобрений по каждому полю, разработаны детальные технологические карты, предусматривающие дополнительные агротехнические меры.

Карты, могут возразить, и сейчас применяются в хозяйствах. Да, но они служат главным образом для подсчета себестоимости продукции и... фонда зарплаты и ни к чему не обязывают, а по сути своей должны были бы давно стать обязывающими документами! Как, например, строительные проекты. Вот при программировании технологическая карта становится не чем иным, как научно обоснованным проектом, чертежом — интегрированной моделью будущего урожая! А раз так, ее составлению придается гораздо большее технологическое значение. Это обязательная программа агрономических работ с начала и до конца строительства урожая.

Первые опыты программирования урожая... Первые шаги к земледелию близкого будущего. Много в этом деле, безусловно, требует дальнейшего изучения и совершенствования. Но уже доказано главное: метод является действенным средством мобилизации внутренних ресурсов растений для повышения их продуктивности. Стоит подчеркнуть, что хорошо показал себя новый метод и под Москвой, и на Украине, и в Сибири, и в других местах.

Поле с запрограммированным урожаем — это поле, работающее под интегралом самой современной культуры земледелия, постоянного и всестороннего воздействия науки и техники. За ним будущее.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Конец года — время подведения итогов, вынесения оценок тому, что сделано и как сделано. И естественно, что ноябрьский Пленум ЦК КПСС и речь Леонида Ильича Брежнева — важнейшие события для всех нас. В речи Генерального секретаря нашей партии товарища Л. И. Брежнева подчеркивалось: «Нужно создать обстановку высокой требовательности, организованности, творческого отношения к делу на всех участках народного хозяйства, в каждой производственной ячейке».

Да, организованность, требовательность, творческое отношение к делу должны быть подняты на более высокий уровень. Ведь все более объемным и сложным становится наш хозяйственный механизм, а потому совсем уж нетерпимо, когда в нем нарушаются нормальные связи.

Вот я опять собираюсь в дорогу. Собираюсь, чтобы попытаться еще раз «пробить» вопросы, которые, по идее, должны решаться совсем иными путями — без разъездов директора (подобные вылазки не входят в обязанность руководителя завода), без ненужных волокут и нервозов. Но приходится ездить — если поедешь, больше шансов что-то подтолкнуть, добыть.

Но почему же так?

В последнее время металлургия систематически недодает нам металл. Причем сейчас их долг заводу по 1979 году составляет примерно полторы тысячи тонн. Переписка, телефонный перезвон не помогают. Толкачи, как мы убедились, уже теряют свою пробивную силу, а с директором пока считаются, разговаривают.

В ноябре я объехал все заводы, которые поставляют нам ме-

талл. Но толку добился лишь на одном. На остальных отделивались ссылками на объективные трудности, и всюду мне говорили, что подводят-то не только наш завод. Но нам ведь от этого не легче!

Одна из причин такого положения — произвольная корректировка государственных планов (а как же с железным правилом: план — закон?!). Нашим поставщикам-металлургам их, как правило, корректируют. Было бы логично, если бы одновременно корректировали и планы потребителей металла. Но ничего подобного. В октябре протоколами, утвержденными заместителем министра черной металлургии СССР тов. Колпаковым и заместителем председателя Госснаб СССР тов. Куликовым, план нашим поставщикам уменьшили на полторы тысячи тонн металла. Где же выход из положения? Хочешь требуй, хочешь проси... А что толку?

Я работаю директором не первый год и осмеливаюсь утверждать, что подход по принципу: в высоких инстанциях решили, а нижестоящие пусть выкручиваются, как знают, — стал своего рода нормой. Приведу пример, подтверждающий этот «принцип». Мы уже получили план на 1980 год. К нашей потребности недодают примерно шесть тысяч тонн металла. А для нашего завода это очень много! Нам объясняют: планируется экономия. В принципе разумно. Но нельзя же планировать одинаковую экономию и тем, кто пропускает металл через металло-режущие станки, и тем, кто штампует изделия. А у нас именно так. По всему объединению запланировали экономию 5,8 процента от годового лимита расходования. Как

же мы можем столько сэкономить, если коэффициент использования металла на заводе равен 0,96—0,98? И самое большее, что мы можем сэкономить, — 2—4 процента.

Подобный подход к планированию и у тех, кто распределяет определенную долю нашей продукции — запасные части. Известен спрос на них. Их ждут. А управление комитета по материально-техническому снабжению «Союзавтосельмаш» никак не возьмет за правило выдавать нам наряды на отгрузку запчастей. Мы-то их делаем. А кому отправлять — не знаем.

И кстати об отгрузке. Нас замучили бесконечные конфликты с железнодорожниками. С начала года заводу недодали двухмесячную норму платформ, месячную — полувагонов и двухмесячную — контейнеров. Сколько же нашей продукции не получило вовремя народное хозяйство!

...Езжу, звоню, пишу сердитые письма... А когда же заниматься кровным директорским делом — изучать перспективы, осмысливать пройденное, воспитывать людей — тем более, что всяческие вихляния в планировании бьют по дисциплине, организованности, сплоченности коллектива? Убежден: одна из главных задач в процессе выполнения решений ноябрьского Пленума ЦК КПСС нынешнего года — это повышение ответственности во всех звеньях. Иначе тугих узлов нам не развязать.

А. ЧЕБЛАКОВ,
директор рессорного завода
производственного объединения
«Белавтомаз».

Минск.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ

В Москве открыта XIV традиционная выставка произведений членов Академии художеств СССР. Признанные мастера советского изобразительного искусства показали на ней свои лучшие произведения, созданные в последнее время. В картинах, скульптурах, графических листах, экспонированных в залах Ака-

демии, предстал сегодняшний день страны, его трудовые ритмы, облик человека-творца, создателя 70-х годов, пейзажи нашей прекрасной Родины. Здесь же выставлены иллюстрации к сочинениям, ставшим классикой русской литературы, произведения декоративно-прикладного искусства, карикатуры, плакаты.

На открытии выставки выступает первый заместитель министра культуры СССР Ю. Я. Барабаш.

Фото М. Савина

ЛЕНИНГРАД

ПЕРВЫЙ РЕЙС

275 лет исполнилось в ноябре старейшей Адмиралтейской верфи Ленинграда. Этот юбилей труженики прославленного предприятия (ныне Адмиралтейского объединения) отметили созданием уникального судна — первого в мире научно-исследовательского ледокола «Отто Шмидт».

До сих пор океанографические суда не имели возможности работать в акваториях, непосредственно прилегающих к полярной шапке Северного полюса, — слишком велик риск встречи с тяжелыми льдами. «Отто Шмидту» льды не страшны: несмотря на сравнительно небольшие размеры, он может успешно действовать во многих малоизученных районах Арктики.

— Мы не случайно называем этот корабль плавучим филиалом нашего института, — говорит исполняющий обязанности заместителя директора Арктического и антарктического научно-исследовательского института А. А. Романов. — Собственный вычислительный центр, четырнадцать лабораторий позволяют осуществлять комплексные геофизические, метеорологические, океанографические изыскания, оператив-

но обрабатывать полученную информацию.

К достоинствам корабля следует также отнести новейшую систему «успокоителя качки», гидрологическую шахту, с помощью которой можно вести различные подводные наблюдения, а также специальное подвижное устройство, дающее возможность проводить точные измерения, не опасаясь влияния металлического корпуса судна на показания приборов. «Отличный корабль построили адмиралтейцы!» — таково единодушное мнение и членов команды и научных сотрудников ледокола, недавно вернувшегося из первого рейса.

Во время арктической экспе-

диции, длившейся месяц, ее участники успешно завершили намеченную программу, получили новые сведения о взаимодействии атмосферы и морской поверхности, структуре подводной части ледовых массивов. Впереди — исследования в районах Северной Атлантики и арктических морей. Они помогут решению таких задач, как продление сроков навигации, обеспечение безопасности плавания по Северному Морскому пути.

О. ПЕТРИЧЕНКО

На снимке: научно-исследовательский ледокол «Отто Шмидт».

Фото А. Китаева

ОРЕНБУРГ

ДЕЛО МАСТЕРОМ СЛАВИТСЯ

«Благословен мастер, достигший вершины мастерства, но трижды благословен тот, кто помог взойти на эту вершину своим ученикам!» — такими словами встречает вязальный цех каждого.

Эти слова в полной мере относятся к Сании Мазитовой, бригадиру Оренбургской фабрики всемирно известных пуховых платков. Семнадцать лет она в этом цехе. Начала когда-то ученицей, как Эльза Кремер, которой она что-то сейчас объясняет, как многие девушки, которые приходят сюда после десятилетки. А теперь вот сама наставник, многих обучила искусству рождения «паутинок», палантинов и пушистых, теплых платков.

В бригаде двадцать человек. Саня придет к каждому на помощь, если случается неполадка. А сама она работает на двух станках. И управляет: 56 платков вместо положенных

49 сдает она. Каждую смену, каждый день! Свою пятилетку завершила за три года и десять месяцев.

Таких мастериц на фабрике немало. Потому и растет выпуск изделий, неизменно пользующихся повышенным спросом, уже достиг он миллиона

двухсот тысяч штук в год. Платкам и шалям пятнадцати артикулов присвоен государственный Знак качества.

Г. ВЛАДИМИРОВА

На снимке: Саня Мазитова и Эльза Кремер.

Фото В. Андреева

ВЛАДИВОСТОК

ТИХООКЕАНСКИЙ МИЛЛИАРД

Событие это произошло в Тихом океане, у берегов острова Шикотан в обычный рабочий день. Всего лишь несколько секунд, и свершилось то, к чему давно готовились.

Дальневосточные рыбаки с трибуны XXV съезда КПСС обязались довести в 1980 году выпуск рыбных консервов до одного миллиарда банок. Это свое обязательство они выполнили на год раньше срока. Телеграмма, переданная с плавучего завода «Андрей Захаров», сообщила, что почетное право выпуска миллиардной банки рыбных консервов завоевал коллектив смены, которой ру-

ководит Людмила Сергеевна Еланцева.

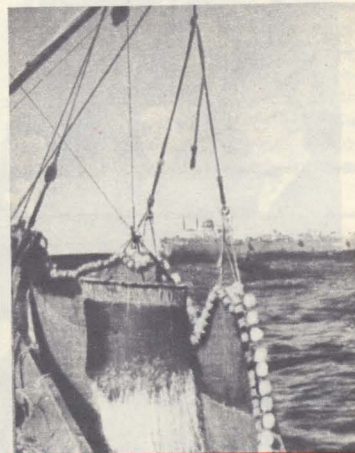
Слаженный коллектив передового завода имеет большие заслуги. Поэтому руководство Дальрыбы и доверило ему изготовление юбилейной банки.

Сейчас начался выпуск второго миллиарда. До конца года страна получит еще двести тысяч банок рыбных консервов, изготовленных дальневосточными плавучими заводами.

В. КУЗНЕЦОВ,
сборкор «Огонька»

На снимке: идет лов рыбы.

Фото автора

ДОМ-МУЗЕЙ В ПАЛИБИНЕ

ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Село Палибино находится в Псковской области, в сотне километров от Великих Лук. Под шатром кленов и берез на невысоком постаменте — скульптурный портрет одной из самых прославленных женщин России, Софьи Васильевны Ковалевской. Она прожила в Палибине десять лет — с 1858 по 1868 год. Здесь прошла ее отроческая пора. В семейной библиотеке она читала комплекты герценовского «Колокола» и тайком переписывалась с Достоевским. С сестрой Анной, впоследствии участницей Парижской коммуны, вела беседы о судьбах униженных и оскорбленных. Мечтала стать поэтессой. Но жизнь распорядилась иначе. Говорят, что в одной из комнат, где шел ремонт, она обнаружила наклеенные на стены печатные листы с одними математическими формулами. Еще не понимая, интуитивно, тем шестым чувством, которое называется талантом, ощутила их логику и магическую силу.

Разумеется, не стоит считать источником ее трудов и открытий только оклеенные формулами палибин-

ские стены. Основные даты ее короткой и блистательной жизни хорошо известны: в 1874 году она становится доктором философии, математических наук и магистром изящных искусств Геттингенского университета, в 1884-м — профессором Стокгольмского университета, в 1889-м — членом-корреспондентом российской Академии наук.

В музее есть небольшой уголок, от него веет уютом старинных комнат. Здесь собраны собственные вещи Софьи Ковалевской, переданные ее дочерью, родственниками и друзьями. Стоит тут книжный шкаф с книгами на русском и шведском языках, шкафчик-секретер, зеркало. В витринах выставлены пушистое пальто-накидка, сумочка, узкая длинная лайковая перчатка с застежкой на запястье, маленькие атласные туфельки — все это красноречиво свидетельствует: профессор, академик Ковалевская оставалась женщиной, а не «синим чулком». Здесь можно увидеть ее записную книжку и коротенькое письмо к Юлии Лермонтовой, самой близкой подруге, шкатулку, старинные часы. И рукопись ее романа «Нигилистка».

Мила сердцу неброской своей красотой и сбереженной историей псковская земля, где век тому назад жила, готовилась к своим звездным часам удивительная русская девочка.

Н. ХРАБРОВА,
сборкор «Огонька»

На снимке: памятник Софье Ковалевской у дома-музея.

Фото Б. Кузьмина

В глубине комнаты стояли обычные книжные шкафы. В них за стеклами выстроились в ряд большие тома в красных тисненых переплетах. Буквы казахского алфавита сияли золотом на корешках — «Казахская энциклопедия». Я коснулся их рукой и подумал, что каких-то 60 лет назад это издание было бы просто бесполезным — не нашлось бы достаточного числа грамотных казахов, чтобы прочитать эти книги на родном языке. Интересно, хватает ли теперь тиража в 40 тысяч экземпляров? Я раскрыл наугад один, другой том и отправился в путешествие по страницам «Энциклопедии». Передо мной предстал исторический путь казахского народа с древнейших времен до наших дней — образование жузов, племен и родов, быт, традиции и обычаи, экономика, культура, искусство, связи с братскими народами. Я перелистывал страницы и слышал гимны Революции, песни акына Джамбула, последние слова героев-панфиловцев, гул тракторов и комбайнов на возрожденных целинных нивах. Все уместилось в этих томах: и старина и современность...

— Уже вышло двенадцать томов энциклопедии, — говорит

главный редактор «Энциклопедии», академик АН Казахской ССР Мухамеджан Каратаев. Сейчас мы работаем над очень важным томом под названием «Казахстан». В него войдут все сведения о республике, причем этот том выйдет как на казахском, так и на русском языках...

Каждый том энциклопедии вместил от трех до четырех тысяч статей по самым различным отраслям знаний и до тысячи цветных и черно-белых иллюстраций. В создании энциклопедии участвовало, кроме сотрудников редакции, около двух тысяч ученых, специалистов, писателей, журналистов, деятелей культуры, работников музеев... Тираж, к сожалению, оказался маловат, весь он разошелся мгновенно... Если говорить о перспективах, то сейчас мы приступаем к изданию четвертомной сельскохозяйственной энциклопедии также на казахском языке. Началась работа над двухтомной энциклопедией — «Домашнее хозяйство» и трехтомной «Детской энциклопедией».

Ю. ЛУШИН,
сборник «Огонька»

На снимке: в этих томах все: и старина и современность.
Фото автора

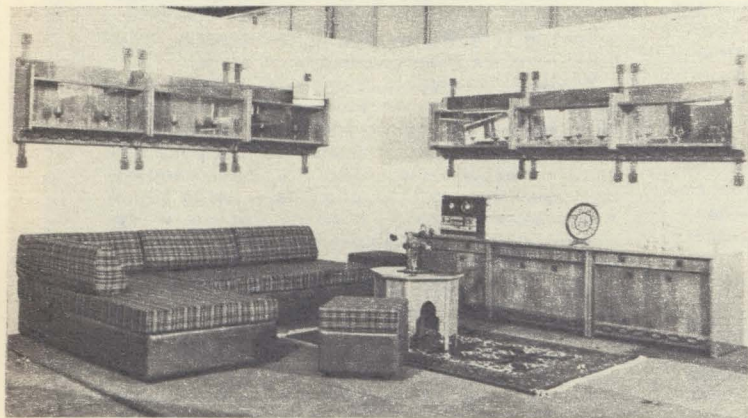
КАЗАХСТАН

И СТАРИНА И СОВРЕМЕННОСТЬ

АЗЕРБАЙДЖАН

НА ЛЮБОЙ ВКУС...

Предметы азербайджанского быта далеких времен подсказали специалистам Центрального проектно-конструкторского бюро Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности республики формы национальной мебели. По их разработкам на Бакинской мебельной фабрике № 1 осваиваются получившие высокую оценку экспертов гарнитуры «Ширван» и «Дэст» для гостиных и набор «нахраба» для чаепития. В так называемую этнографическую мебель заложены образ традиционного азербайджанского жилья, которое невозможно представить себе без полон-ламэ, ниш для домашней утвари и предметов быта, сундуков для хранения одежды и тканей. Эти четыре доминирующих элемента легли в основу новой мебели.

В ней, стилизованной под современность, — и подвесные полки для книг и посуды, снабженные наклонными зеркаль-

ными отражателями для создания дополнительного объемного эффекта, и выкатные сундуки, которые могут служить одновременно и баром и подставкой для радио- и телеаппаратуры, и тахта с мягкими мутаклами, и столик для чаепития и настольных игр, имеющий форму восьмигранника.

Такая мебель, изготовленная из ценных пород, ореха или дуба, обитая шерстяной ковровой тканью и искусственной кожей ярких тонов, насыщена декоративными элементами.

По желанию покупателей каждый такой комплект можно пополнить и национальными сувенирами: наборами для чая, шербета, декоративным мангалом для шашлыка, вазами, кувшинами, сахарницами, конфетницами...

Г. ПОГОСОВ

На снимке: набор «Ширван».

А ЖЕНЩИНЫ ЖДУТ...

«Огонек» уже писал (см. № 33 за 1976 год) о применении импульсных токов в современной медицине, особенно в акушерской практике. Метод обезболивания родов с помощью электричества (или по-научному — центральная электроанальгезия) используется у нас в стране уже около десяти лет. С его помощью тысячи женщин, страдающих различными нарушениями родовой деятельности, благополучно произвели на свет здоровых детей.

Но уже тогда, три с лишним года назад, ныне покойный академик АМН СССР Л. С. Персианинов высказал беспокойство по поводу того, что аппаратов для электроанальгезии в стране выпускается явно недостаточно. Как же обстоит дело сегодня? С этим вопросом наш корреспондент С. Власов обратился к одному из изобретателей аппарата, заведующему лабораторией Московского областного НИИ акушерства и гинекологии, доктору медицинских наук Э. М. КАСТРУБИ-НУ. Вот что ответил ученый:

— По самым скромным подсчетам, для родов страны нужно двадцать тысяч аппаратов типа «Электронаркон». При тех темпах, которыми их вы-

пускает ленинградский завод «Измеритель», эту потребность удастся удовлетворить лишь... в будущем столетии. Но применение аппаратов не ограничивает-

ся обезболиванием родов. Их успешно используют и при подготовке к родам, и во время сложных гинекологических операций, и для послеоперационного обезболивания. Так что потребность в аппаратах возрастает как минимум вдвое. Вот почему совсем недавно приступили к серийному выпуску аппаратов ЛЭНАР, более совершенных, чем «Электронаркон». Новый аппарат представлен на высшую категорию качества.

— В чем же их отличие? — ЛЭНАР компактнее, легче и, что очень важно, в четыре раза дешевле — он стоит 150 рублей. Новый аппарат успел прекрасно себя показать в операционных, в машинах «Скорой помощи» — он способен снимать сердечные боли, ликвидировать предынфарктное состояние.

— А кроме медицины, где еще он может найти применение?

— Оказалось, что ЛЭНАР очень эффективен для снятия нервного перенапряжения, например, у работников ткацких фабрик, шахтеров, шоферов, операторов сложных систем. Аппаратом очень заинтересовались и спортсмены, ведь импульсные токи помогают избавиться от излишнего волнения.

Но, несомненно, больше всего новый аппарат ждут женщины, будущие матери. Запросы на него поступают отовсюду и все чаще, ведь уже сегодня каждый день у нас в стране появляется на свет свыше одиннадцати тысяч малышей.

— А сколько выпускается аппаратов ЛЭНАР?

— К сожалению, в этом году только 300 штук.

— Да, есть о чем задуматься Министерству здравоохранения СССР...

— И другим министерствам, отвечающим за выпуск аппаратов.

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

НЕПРОИЗНЕСЕННАЯ РЕЧЬ ГАГАРИНА

Виктор МИТРОШЕНКОВ

«Д

орогие товарищи!» —

сказал он и долго ходил по кабинету, думая о тех словах, которые должны были лечь следом. Но слова не шли, не рождались...

Недавно, в день, когда он возобновил полеты, позвонил Константин Александрович Федин. Юрий только что вернулся с аэродрома, заполнял послеполетную документацию. Сегодня он налетал 1 час 52 минуты...

— Выступить? — испуганно изумился Гагарин предложению Федина. — Ведь это же Горький!

— Да, Горький, — спокойным глуховатым голосом говорил председатель юбилейного горьковского комитета, — именно вам и следует говорить о нем. Горький был близок к ученым, занимающимся ракетно-космическими проблемами, многим помог, многих поддерживал...

— Хорошо, Константин Александрович, — ответил Гагарин, — буду готовиться.

Но пока из будущего доклада родилось лишь несколько фраз, в мучительных раздумьях, почти страданиях.

Да, Горький был ему очень близок. Алексей Максимович, несомненно, любил авиацию, принял горячее участие в судьбе Циолковского...

В чем задача его, Гагарина? Соединить Горького с авиацией и космосом, показать влияние гения на распространение идей воздухоплавания? Или как авиация отразилась в судьбе Горького? Тут есть над чем подумать! Великие личности не остаются безразличными к выдающимся свершениям века...

Осенью 1906 года в тихом и живописном местечке Фонтэн-о-Роз под Парижем впечатлительный, нервный, энергично-неукротимый девятилетний Максим Пешков наблюдает первые полеты французских авиаторов. Он посещает аэродромы, знакомится с героями неба и «необузданных стихий», разговаривает с Блерио, с Дидье Дора, Гийоме и шестилетним Экзюпери, которого он первым называет «Сент-Экз» и великодушно дарит ему крылатую фразу: «Я из моего детства. Я пришел из детства, как из страны». Она потом очень поможет юному французцу. Впоследствии многие странные обитатели планеты усомнятся в самом факте такого презента, ведь Сент-Экзю было всего шесть лет, как возможно это! Смешные люди: Максиму было девять лет, он был старше Сент-Экзю, а старших, это известно давно, положено слушать.

Авиация всецело захватила Максима, он решает стать пилотом. В 1913 году он ошарашит отца заявлением: «Свой двухфюзеляжный самолет-катамаран Ньюпор украл у меня». Было чему подивиться: перед Горьким лежал рисунок самолета, как две капли воды похожий на Ньюпор. Рисунок был сделан Максимом в 1911 году, на два года раньше появления аппарата Ньюпора.

«Я очень, очень обрадован тем, что тебе не понравились «мертвые петли» Габер-Вльинского, — писал в 1914 году Горький сыну о полетах известного летчика. — Ты, дорогой мой, совершенно справедливо и верно называешь эти фокусы «игрой со смертью», да верно и то, что эта игра возбуждает в толпе, в публике, звериные, жуткие чувства. Ведь эти «петли» ничего не доказывают, кроме известного навыка, известной ловкости авиаторов, но если взорвется бензин, перестанет работать мотор, сотрется в нем какой-нибудь винт, — гибель авиатора неизбежна, и во всех этих случаях «петли» не помогут — так ведь?»

Но желание сына было непоколебимо. Он хотел парить, как птица.

— Ну вот что, Дука, — Максим разнообразил имя отца. — А теперь я займусь шасси. Мне показалось, что они очень мешают в полете. Их надо убрать, ну, например, в пузо, накинуть на них юбки...

— Послушай, сынище, ты, кажется, собирался поймать облако за хвост, а теперь — что я вижу? Вместо полетов ты бредишь техническим моделированием.

Максим — завсегдатай Ходынского аэродрома, шумных братских сборищ пилотов. Максим — участник испытаний авиационных новинок на заводе Мюллер-Дукс. «Все принадлежит воздухоплаванию, и моя душа тоже», — решает дикпурьер Максим Пешков и оформляет документы для полного и окончательного перехода в ведомство «Воздухоплав».

Он еще не знает, что его подкарауливает неприятность, тяжелый удар судьбы.

«Максим очень, очень болен», — писал советский посол в Германии Крестинский, — он очень истощен, у него расширение сердца, падает в обморок на улице, совершенно теряя сознание... Это приводит Алексея Максимовича в отчаяние».

Мечту об авиации пришлось оставить. Куда жить дальше? Чем заняться? Какой избрать путь?

В июле 1921 года Максим летит на аэроплане из Рима в Неаполь. Ура! Он познал небо! Он видел Солнце ближе, чем люди Земли, на тысячу восемьсот метров.

В 1923 году Максим Пешков узнает о строительстве воздушного гиганта «Максим Горький». Его неудержимо влечет в ЦАГИ, в конструкторское бюро Андрея Николаевича Туполева, на завод. Самолет-гигант имеет фантастические размеры. Восемь двигателей, взлетный вес — сорок две тонны, дальность беспосадочного перелета — две тысячи километров.

Самолет строился на средства, собранные почитателями таланта Алексея Максимовича. Испытывал самолет высокий элегантный Михаил Громов — самый известный и отважный летчик того времени.

Максим почти ежедневно встречается с создателями самолета, дружит с ними, с нетерпением ждет первого пролета над Москвой, помогает им. Девятнадцатого июля 1934 года самолет-гигант «Максим Горький» в связи с возвращением в Москву героев-челюскинцев пролетел над Красной площадью.

Максим этого уже не видел, незадолго он заболел крупозным воспалением легких, потерял сознание и, находясь в бреду, стремительно угасая, говорил об аэропланах будущего, о том, что он мог бы их сам сконструировать, создать, испытать. Приходя в сознание, он вялой рукой, не видя карандаша, делает на коробке от папирос рисунок будущего аэроплана...

Теперь Гагарин уверен: привязанность к нему у Алексея Максимовича — от сына.

Кажется, двинулось, родились первые фразы, зыбкое и робкое выкристаллизовывалось, обретало материальную зримость, беспорядочно ложилось на лист попавшейся под руку тетради. «Невозможно измерить одухотворяющую силу горьковских образов», — писал Юрий Алексеевич Гагарин, — образов смелых и мужественных людей, людей благородного и высокого свершения...

«Мы убеждены», — писал Юрий Алексеевич, — что наше стремление вырваться на просторы Вселенной является органическим продолжением великого дела нашей эпохи, которое всю жизнь утверждал Горький».

Эту мысль он подтверждает словами самого Алексея Максимовича. «Затерянный среди пустынь вселенной», — писал Алексей Максимович в 1903 году, — один на маленьком куске земли (Горький еще не был знаком с работами Циолковского, не вчитывался в романы Герберта Уэллса, как он это сделает в 1920 году), несущемся с неуловимой быстротой куда-то в глубь безмерного пространства, терзаемый мучительным вопросом — зачем он существует? — Он мужественно движется — вперед! и — выше! — по пути к победам над всеми тайнами земли и неба».

Горький постигал смысл существования человечества, пределы его возможностей. «Я вижу его гордое чело и смелые, глубокие глаза», — пишет Гагарин. — Алексей Максимович укладывал словечки в строчки, как печник притирает кирпич, — с них лучи бесстрашной Мысли, той величавой силы, которая в моменты утешения — творит богов, в эпохи бодрости — их низвергает».

...Впервые о Циолковском Горький услышал летом 1920 года. Два дня назад директор института биофизики академик П. П. Лазарев просил писателя принять молодого перспективного ученого А. Л. Чижевского и похлопотать о его научной поездке за рубеж.

— А кто из наших ученых ознакомлен с вашими экспериментами? — спросил Горький юношу.

— В Москве — профессор А. О. Бачинский и академик П. П. Лазарев. В Калуге — Константин Эдуардович Циолковский — основоположник ракетодинамики и космонавтики.

Фамилию Циолковский писатель слышал впервые.

— Как вы сказали? — заинтересовался Алексей Максимович. — Циолковский? Вы с ним знакомы?

С пылкостью, так присущей юношескому возрасту, Чижевский проговорил:

— Да, знаком. Я его ученик. Константин Эду-

А. Лопатников. Род. 1948. СТАРАЯ БАРЖА. 1979.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

В. Харлов. Род. 1949. ЛИСТВЕННИЦА. 1979.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

ардович — гениальный ученый, к тому же хорошо знаком с материалистической философией...

— Интересно, интересно. Об этом самоучке я слышу впервые.

— Почему самоучке? — обиделся Чижевский. — Он занимается новыми областями человеческой деятельности, а все новое ученый постигает самостоятельно, сам. Я уверен, что труды Циолковского окажут влияние на развитие всех наук. По его расчетам в недалеком будущем люди полетят к другим планетам. Циолковский гений, учение о Вселенной ставит его в ряд выдающихся ученых нашего времени.

— Все, что вы говорите о Циолковском, чрезвычайно интересно. Прелюбопытно...

Позже он напишет из Сорренто в Калугу своему другу С. В. Щербанову:

«Сергей Васильевич!

Разумеется, я приеду в Калугу, и мы посеемся за чаем. У вас, кстати, некто Циолковский открыл наконец «причину космоса», так мы и его чай пить пригласим, и пусть он покажет нам эту «причину», если она имеет вид приятный. Ты, Сергей Васильевич, тоже когда-то причину эту в трубу на звезды глядел усердно, искал, так что Циолковского, наверное, знаешь? Любопытный, должно быть, народ калужане, если они способны эдакие «причины» открывать...»

Об этом письме становится известно К. Э. Циолковскому. Обрадованный вниманием великого писателя, ученый посылает Горькому свою книгу «Монизм Вселенной», предпослав ее такими словами: «Дорогому писателю и мыслителю М. Горькому от автора».

Циолковский становится постоянным корреспондентом Горького, посылает ему свои книги, делится своими планами.

«Дорогой Алексей Максимович! Благодарю вас за ваш привет. Пользуясь вашим расположением, чтобы сделать полезное для людей. Я пишу ряд очерков, легких для чтения, как воздух для дыхания. Цель их: познание вселенной и философия, основанная на этом познании. Вы скажете, что все это известно. Известно, но не проникло в массы. Но не только в них, но и в интеллигентные и даже ученые массы...»

Воодушевленный поддержкой и вниманием к своим работам, Константин Эдуардович пишет: «Беллетристы в живых красках дают понятие о жизни. Они наши учителя, а один из крупнейших — Максим Горький (подчеркнуто). Пусть же он здравствует! Я давно написал книгу: «Свойства человека». Материалами служила не только наука, но писатели, художники. Ваш К. Циолковский».

Юрий Алексеевич Гагарин чрезвычайно волнуется: он прикоснулся к памяти великого человека, вскрыл прошлое, из которого можно извлечь незначительные фактики и показать миру неизвестное. Он читает письма, дневники А. М. Горького, делает выписки.

Он вчитывается в забытые тексты, непрочитанные или извлеченные счастливыми архивистами, ведет карточки — извечное стремление к безошибочности.

Горький торопится. Мир ошеломлен безграничными возможностями ракет. Незнание порождает фантастические домыслы. Ракета становится популярной, как актриса, как голф. Она сулит баснословные прибыли, новые завоевания соседних астероидов, поселения на планетах, роскошные аттракционы и невиданные зрелища.

Второго октября 1923 года газета «Известия» поместила сообщение о выходе книги профессора Германа Оберта «Ракета к планетам», в которой доказывается возможность полета к другим планетам в недалеком будущем.

Сообщение изумило Горького. Приоритет русского ученого в создании научной теории космических полетов предавался забвению. Имя Циолковского не упоминалось вообще.

Американская пресса усердствовала в прославлении Годдарда, постоянно сообщала о новых успехах «отца космических путешествий», о готовящемся полете его ракеты на Луну.

Итак, в мире существовало три «отца космонавтики»: русский — К. Циолковский, американец — Р. Годдард, немец — Г. Оберт, что, вероятно, противоречило здравому смыслу. Стоило немалых усилий доказать приоритет К. Э. Циолковского. В защиту его научного первенства выступают профессор Н. Рынин, математик Д. Граве, нарком А. Луначарский, писатель М. Горький.

В 1926 году, в Германии ближайший помощник Германа Оберта инженер А. Шершевский публикует признание: «Престарелый русский ученый К. Э. Циолковский является первым, кто научно объяснил проблему космического корабля. Его первые сочинения об этом появились в 1903 году».

В 1924 году в Калуге издается книга К. Э. Циолковского «Ракета в космическом пространстве», издававшаяся в 1903 году под названием «Исследование мировых пространств реактивными приборами».

Алексей Максимович не забывал о своем калужском соотечественнике, стремился по-

мочь ему, подбодрить его. Необходимо было привлечь внимание к научному богатству Циолковского, возбудить интерес к его личности.

В 1930 году Горький обратился к калужскому писателю К. Алтайскому: «Было бы хорошо, если бы Вы дали очерк о К. Э. Циолковском, т. е. о всех его работах, — размером не более листа в 40 т. знаков. Это для «Наших достижений». А затем — пора, давно пора! — написать об этом изумительном человеке книгу листов на 6 — на 10, написать популярно, рассказав подробно о его работах и об условиях, в которых он работал...»

Я, наверное, помог бы Вам издать эту книгу».

Алексей Максимович, получив многие работы Циолковского, внимательно их прочитывает. Он становится неукротимым поборником идей Циолковского, его сторонником, его, пока заочным, другом. Горький с восторгом читает пророчество Циолковского: «Человечество не останется вечно на Земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство».

Горький спустя несколько лет скажет: «Человек создан затем, чтобы идти вперед и выше... Люди ползут еще на Марс, будут переливать моря с одного места на другое, выльют море в пустыню и оросят ее».

В октябре 1927 года из Сорренто Горький, отвечая на письмо инженера завода «Электросталь» И. И. Алексеева, напишет:

«...В небо тоже не мешало бы поглядывать. Не потому, конечно, чтоб искать там кого-то, кто сильнее, разумнее, прекраснее человека, но потому, что оттуда идут к нам космические лучи, обладающие невероятными свойствами, как говорят люди науки. Если мы овладеем этими лучами, как овладели электрической энергией, это — говорит наука — будет чудесно».

Я очень крепко верю в чудеса, творимые разумом и воображением человека. Иных чудес я не знаю...»

...И снова Юрий Алексеевич Гагарин, как всегда волнуясь, возвращается домой из полета. Через день, после домашней адаптации, дела забытые, оставленные, отнесенные ожидают и требуют к себе внимания. Одно из многих дел — незаконченная речь на Горьковском юбилее. Торопливые строки, исправленные разноцветными чернилами: «Невозможно измерить одухотворяющую силу горьковских образов — образов смелых и мужественных людей, людей благородного и высокого свершения. Мы чувствуем проявление этой силы в подвигах Александра Матросова и Зои Космодемьянской, в отваге молодогвардейцев и героев Бреста, в негибаемом мужестве защитников города Ленина, защитников Сталинграда, в решимости бойцов, штурмовавших Рейхстаг...»

Мы убеждены также, что наше сегодняшнее стремление вырваться на просторы Вселенной является органическим продолжением того великого дела нашей эпохи, которое всю жизнь утверждал Горький. Неспроста в «Песне о Соколе» он стремился связать с идеей безумства храбрых мечту о постижении человеком всех тайн мира, мечтал о том, чтобы «трепетные узоры звезд» зазвучали для нас «дивной музыкой откровения».

Гагарину пишется хорошо. Кажется, за эти дни, что он был оторван от своей речи, удалось многое познать, уложить во фразы. Он думает о Горьком, снова и снова вчитывается в его письма.

«В Россию еду около 20-го мая, — пишет Горький Федину. — Сначала — в Москву, затем — вообще. Обязательно — в Калугу. Никогда в этом городе не был, даже как будто сомневался в факте бытия его, и вдруг оказалось, что в этом городе некто Циолковский открыл «Причину Космоса». Вот вам!.. Вообще же наша Русь — самая веселая точка во Вселенной».

...Двадцать шестого марта после предварительной подготовки к полетам Юрий Алексеевич Гагарин вернулся в рабочий кабинет, прочитал вечернюю почту, внес дополнения к своей речи на вечер памяти Горького, положил ее на правую сторону стола. Больше он не войдет в этот кабинет, не притронется к речи, озаглавленной «Певец звездных далей».

Она лежит в музее Звездного городка в мемориальном служебном кабинете летчика-космонавта СССР полковника Юрия Алексеевича Гагарина, среди многочисленных папок, писем на его рабочем столе. Он очень хотел сказать эти слова о Горьком, но не сказал. Не по своей вине. Так распорядилась судьба...

ПУТЕШЕСТВИЕ В ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ

Всякий раз, открывая новую книгу, мы стремимся найти в ней не познанное нами ранее. В издательстве «Молодая гвардия» недавно вышла небольшая по объему книжка «Когда заговорила клинопись»¹. Ее авторы, К. П. Матвеев и А. А. Сазонов, уводят читателя в увлекательное путешествие — в историю народов Древнего Востока.

Видимо, книга рассчитана не только на тех, кто любит вообще историю человечества и ищет в ней истоки современных достижений в различных сферах знаний. Эта книга еще и пробуждает интерес к самой истории древнего мира. Такое своеобразие небольшой книги из одиннадцати глав кроется, очевидно, в ее оригинальном жанре. Дело в том, что авторы собрали по крупицам интереснейшую информацию на заданную тему и в то же время сами побывали в тех странах Востока, о которых они ведут повествование.

«Когда заговорила клинопись» рассказывает о жизни, культуре, традициях, нравах и обычаях существовавшего две с половиной тысячи лет назад государства Ассирии. Тот, кто раньше читал об этой древнейшей цивилизации, безусловно, расширит свои познания о ней, раскрыв новую книгу.

Мы, например, узнаем о том, что у ассирийцев и вавилонян задолго до появления Библии уже были свои сказания и легенды, из которых явно заимствован образ и сюжет Христа. Уже в XII веке до н. э. в Ассирии существовала письменность, имелись библиотеки, велась почтовая переписка, была развита металлургия, медицина, алгебра, астрономия, а теорема, именуемая Пифагоровой, была там известна до его рождения.

Множество захватывающих эпизодов из жизни древних народов, некогда населявших Двуречье (между Тигром и Евфратом), собрано в этой книге, которая отнюдь не является научным исследованием. В том ее и своеобразие, что подлинные, достоверно исторические события преподносятся в форме живого повествования, захватывающего читателя с первых строк.

Наверное, книга не была бы столь увлекательной, если бы авторы не рассказали, как ученые, а порой просто энтузиасты открывали древнюю, неведомую Ассирию. Тысячелетия спустя человек смог прочесть глиняные книги ассирийцев и вавилонян, их медицинскую энциклопедию, их летописи, поэмы и легенды. Как он это сделал, как нашел ключ к разгадке тайн острокопечных шифров древнейшей цивилизации? Книга образно рассказывает об этих открытиях, о сложных путях к ним.

В. КАТИН

¹ К. П. Матвеев, А. А. Сазонов. Когда заговорила клинопись. М., «Молодая гвардия», 1979, 128 с.

МЫСХАКО, 1943

...НА УЧАСТОК, ОБОРОНЯЕМЫЙ ВЗВОДОМ ЛЕЙТЕНАНТА ЛАРИКОВА (83 КБМП), НЕМЦЫ БРОСИЛИ ДО БАТАЛЬОНА ПЕХОТЫ И 11 ТАНКОВ. АВТОМАТЧИКИ И ПУЛЕМЕТЧИКИ-МОРЯКИ ЕЩЕ НА ПОДСТУПАХ ЗАСТАВИЛИ ОТОЙТИ ВРАГА НАЗАД. КРАСНОФЛОТЦЫ СОЛЯНОЙ И ГОРЯИНОВ ИЗ ПРОТИВОТАНКОВОГО ОРУЖИЯ СОЖГЛИ ДВА ТАНКА...

Начальник политотдела 18-й армии
полковник БРЕЖНЕВ

Из донесения политотдела 18-й армии об итогах героической обороны
Малой земли с 17 по 25 апреля 1943 года

Е. ЛАРИКОВ,
Герой Советского Союза,
полковник запаса

И наступил февраль 1943 года. После неудачной попытки нашей 83-й Краснознаменной бригады морской пехоты высадиться на плацдарм в районе Южной Озерейки, западнее Новороссийска, издерганные постоянным ожиданием атак с воздуха и с моря, вывернутые наизнанку качкой и продрогшие до мозга костей, мы в сумерках наконец высадились на берег Геленджика. Я тогда командовал взводом.

Утром в нашу роту пришел командир бригады подполковник Красников. Когда подразделение построилось, подполковник обратился к ротному:

— Нужен взвод добровольцев. Дело рискованное и ответственное. Кого предлагаете?
— Взвод Ларикова.
— Добро!
Командир бригады подошел к нам.
— Готовы?

Я от имени личного состава поблагодарил за доверие.

Роте было приказано разойтись, а мы остались. Подполковник был краток.

— У Станички, на окраине Новороссийска, вот уже двое суток дерутся наши товарищи. Дерутся крепко и стойко. Но плацдарм пока невелик — нам там будет тесновато. Поэтому надо поближе, в районе Мысхако, захватить свой плацдарм и удержать его до высадки бригады. Я хочу, чтобы вы, добровольцы, знали — обратной дороги не будет. Устойте — с вами будет вся бригада. Не устоите — фашисты вас сбросят в море. Все!

6 февраля в 23.00 два «морских охотника» с десантом на борту вышли в открытое море, обогнули тонкий мыс и двинулись в Цемесскую бухту. В тридцати метрах от уреза, между зданием радиостанции и пристанью рыбозавода, катера, обнаруженные противни-

ком, остановились. Десантники попрыгали в ледяную воду. В зависимости от роста, кто вплавь, кто шагом двинулись к берегу. Огонь с обеих сторон нарастал...

До рассвета мы захватили плацдарм: пристань, железнодорожную насыпь в трехстах метрах от берега, здание радиостанции и основание Суджукской косы, замкнув таким образом полукруг у моря.

С рассветом начались атаки противника, к счастью, без танков. Вражеская артиллерия непрерывно долбила «пяточек» тяжелыми снарядами.

Я сегодня не могу сказать, сколько было огневых налетов в тот день и сколько раз враг шел на нашу группу и в лоб и с флангов, потому что и тогда не знал, сколько их было. В моем представлении весь день 7 февраля из этого и состоял.

Но мы удержали плацдарм!

В ночь с 7-го на 8-е на рейде появились транспорты «Тракторист», «Райкомвод», «Судком». Доставленные ими подразделения завязали бои за расширение плацдарма вдоль берега. На вторую ночь — 9 февраля — вся наша бригада была на левой стороне Цемесской бухты.

Вот так началась для меня эпопея Малой земли.

В последующие дни подразделение старшего лейтенанта Дмитрия Мартынова, в которое входил мой взвод, завязало бои за винсовхоз Мысхако. Преследуя противника, рота вышла на вершину хребта, и перед нами открылась долина, которую десантники потом горько нарекли «Долиной смерти».

Вслед за этим начался штурм высоты с отметкой 307,2. Удалось овладеть лишь ее юго-западными скатами. Большого сделать не смогли. 12 февраля при очередной попытке взять высоту я был ранен и отправлен в госпиталь. Через полмесяца рука уже более-менее зажила. Я начал просить о досрочной выписке. И, наконец, 8 марта прибыл в свое подразделение.

Вскоре из штаба бригады, который располагался в штольне за селом Алексино, поступило распоряжение: «Ларикова направить в политотдел для фотографирования на партбилет». Собрание состоялось еще в январе, но пока решение утверждалось в вышестоящих инстанциях, я ушел в десант, потом ранение. Так что теперь, в обороне, к которой мы перешли с 15 февраля, было самое время довести это важное для меня дело до конца.

Через неделю заместитель командира

бригады по политчасти полковник Федор Васильевич Монастырский вручил мне партийный билет, а затем по поручению командования — орден Красного Знамени за бой по захвату плацдарма.

Вводя меня в курс дела после госпиталя, командир роты сообщил, что для улучшения руководства боевыми действиями частей на Малой земле сформированы 16-й стрелковый и 20-й десантно-стрелковый корпуса. В последний влилась и наша 83-я бригада, а оба корпуса вошли в состав 18-й армии, преобразованной в десантную. Армией командует генерал-лейтенант Леселидзе, нашим корпусом — генерал-майор Гречкин.

Вскоре нашу роту отвели на 100—150 метров назад, и траншею заняли воины 51-й стрелковой бригады. Мы же начали оборудовать свои позиции заново, оседлав за лоциной шоссейную дорогу, ведущую из Новороссийска по южным скатам высоты 307,2 на совхоз Мысхако. Ротный сказал, что наша бригада теперь находится как бы в резерве и будет готовиться к наступлению.

Наряду с этим мы регулярно, через день-два, отсылали отделение в погрузочно-разгрузочную команду, которая отправлялась на берег. Во главе этой команды чаще всего ходил комсорг нашего батальона лейтенант Гриша Гутник — жизнерадостный, находчивый, отчаянно-смелый человек.

Не надо думать, что наряд в погрузочно-разгрузочную команду, то есть уход с передовой, означал какое-либо облегчение. Наоборот, если у нас в сумерки иногда наступало затишье, то там, на берегу, как раз и начинался тот крошечный ад, в котором мы теряли своих товарищей.

Дело в том, что днем к Малой земле ни корабли, ни суда пробиться не могли. А с наступлением темноты они шли к определенному участку берега Цемесской бухты — здесь разгружались и принимали на борт раненых. Этот участок противнику был известен, поэтому, когда суда разгружались, фашистские самолеты сбрасывали осветительные, а затем фугасные бомбы, ночь превращалась в день, и начинался ураганный артиллерийский обстрел.

Вернувшись в очередной раз из «порта», наши «грузчики» рассказали, что сюда к нам, на Малую землю, только что прибыл начальник политотдела армии полковник Брежнев. Что сейнер, на котором он шел, наскочил на мину, но полковник, к счастью, остался жив и помогал спасать увешанных боеприпасами и оружием десантников с разбитого судна. И на берегу не кто иной, как наш лейтенант Гутник, снял с себя шинель и отдал ее продрогшему после ледяной купели полковнику.

На Малой земле начальник политотдела 18-й десантной армии Леонид Ильич Брежнев размещался в штабе 83-й бригады. В первый же свой приход на плацдарм он побывал в нашем 16-м батальоне. Обстоятельно поговорил с командиром капитан-лейтенантом Рогальским, с его заместителем по политчасти капитаном Пономаревым, с парторгом капитаном Ложкиным и комсоргом лейтенантом Гутником, которому с благодарностью возвратил шинель. После беседы Леонид Ильич попро-

сил командира батальона проводить его в боевые порядки. В открытых ходах сообщения, над которыми то и дело посвистывали пули, полковник не бравировал — нагибался и шутил:

— Ничего, своей земле кланяемся, она убеждает, матушка.

В траншее начальника политотдела встретил наш командир роты старший лейтенант Мартынов. Он представил Леониду Ильичу своего замполита, парторга и комсорга роты, командиров взводов: младшего лейтенанта Дмитрия Меркулова, старшего сержанта Павла Богданова и меня. Завязалась беседа, пошел откровенный разговор. Начальник политотдела спрашивал нас о самочувствии, о настроении, об отличившихся в боях, о наших нуждах. Вперед выступил один из отважных воинов — командир отделения старшина 1-й статьи Ветров.

— Товарищ полковник, настроение у нас правильное! Моряки-десантники поручили мне доложить вам, что мы будем бить фашистов беспощадно. Ждем приказа о наступлении!

Матросы Л. Барагамян, А. Шинько и рядовой С. Демко заявили, что они просят, чтобы их не считали беспартийными, что в бой хотят идти коммунистами и фашистов будут бить, как коммунисты. Леонид Ильич сказал:

— Ну что же, я одобряю ваше решение, товарищи десантники, и буду рад вручить вам партийные билеты, вижу, что в бою вы не подкачаете. Теперь дело за тобой, — обратился он к парторгу, — оформляй этим товарищам прием, а билеты я вручу.

Переходя из подразделения в подразделение, начальник политотдела тепло здоровался с бойцами, знакомился с ними и вел то деловой, то шуточный, непринужденный разговор. Десантники чувствовали, что с ними говорит внимательный, душевный, близкий человек.

В одном из окопов Леонид Ильич вынул из кармана пачку папирос «Эшери», о существовании которых многие из нас понятия не имели, и предложил ее бойцам. Пачку тут же опустошили. От полковника это не укрылось, и он спросил:

— А как у вас с куревом?

Бойцы замаялись. Тогда он спросил прямо:

— У вас есть курево?

Кто-то ответил, что второй день курева нет и курить приходится сухие листья. Полковник обратился к своему адъютанту — капитану Кравчуку:

— Ваня, запиши это, как возвратимся в штаб, напомним. На месте разберемся. А сейчас доставай свой запас — пусть товарищи курят.

Спустя два-три дня в штаб бригады были вызваны бойцы нашей роты С. Демко, А. Шинько и Л. Барагамян. Их тепло принял полковник Брежнев, поздравил со вступлением в ВКП(б) и вручил партийные билеты. Конечно, в тот раз билеты вручали не только бойцам нашей роты, за тем же прибыли воины и из других подразделений. Леонид Ильич воспользовался этим, выступил перед молодыми коммунистами. Он подчеркнул, что теперь они являются членами великой партии Ленина, что это обязывает их всегда и во всем быть впереди, быть примером для других, пожелал боевых успехов.

В наш 16-й батальон начальник политотдела вскоре пришел снова. Это было не то 12, не то 13 апреля. Днем каждый шаг на Малой земле, как известно, был сопряжен со смертельной опасностью. Либо снайпер снимет, либо огневой налет накроет, либо бомбы посыплются. Начальник политотдела пришел к нам в роту примерно в 23.00 и оставался несколько часов. На этот раз бойцы предложили ему свой табак — теперь курево у нас было. Леонид Ильич сказал:

— Ну что ж, с удовольствием, давайте вашего табачку, а вы берите мои папиросы.

Мы закурили и заговорили о предстоящем наступлении. Я заверил, что себя не пожалеем, а Новороссийск возьмем. Но Леонид Ильич промолчал и повел беседу о положении на фронтах, о борьбе партизан в тылу захватчиков, о том, что союзники все тянут с открытием второго фронта. Перейдя к ротным делам, спросил, как кормят, получаем ли газеты и журналы, как поставляют боеприпасы; внима-

тельно слушал ответы и откровенно, обстоятельно отвечал на наши вопросы. Затем он сказал, что враг, по данным разведки, подтянул резервы и собирается покончить с нашим десантом, что надо готовиться не к наступлению, а к обороне. Леонид Ильич запомнился тогда своей какой-то особенной простотой и обаянием, его слова доходили до сердца каждого. Он понимал душу бойца, заботился о нем. За это полковника и любили в войсках. Начальник политотдела армии был настоящим, наш, солдатский комиссар. С ним мы и пошли в огонь тяжелых апрельских боев.

Прощаясь с нами, Леонид Ильич каждому пожал руку. А потом, словно заканчивая разговор лично со мной, спросил:

— Ты все понял, лейтенант?

— Все, товарищ полковник.

— Ну, тогда постарайся удерживать позицию и сберечь людей.

— Мы не отступим.

На прощание он подал мне руку и вдруг обнял.

Знал ли полковник, какой силы заряд стойкости он влил тогда в наши души?!

Большую работу по подготовке личного состава частей на Малой земле к отражению предстоящего фашистского наступления проделал политический аппарат. По указанию Леонида Ильича в каждой роте, батарее укомплектовались партийные и комсомольские организации. Все парторги и комсорги имели заместителей. Сужу по нашей роте — командиры отделений и расчетов, первые номера станковых пулеметов, ПТР и наводчики минометов, как правило, были коммунистами и комсомольцами. Вот что на деле в тех условиях означала правильная расстановка сил.

На войне нередко сражение выигрывает тот, кто твердо решил его выиграть. И на участь сражения прежде всего влияет та неуловимая сила, которая называется духом войск, их моральным устоем. Леонид Ильич умел укрепить эту силу, бывая в гуще солдатских масс на переднем крае...

Вскоре в подразделение прибыл саперный взвод, и закипела подготовка к обороне. Наши траншеи были прикрыты минным полем, заграждениями из колючей проволоки и малозаметными препятствиями (МЗП) из тонкой и прочной стальной нитки, наброшенной петлями. Она ковром стелется на грунте, но достаточно на нее шагнуть, и петли стянут стопу, не отпуская. Человек падает и окончательно запутывается.

Станковые пулеметы частью были укрыты в дзотах, а частью — в оборудованных пулеметных ячейках траншей, открытых в полный профиль. В нишах был укрыт запас боеприпасов и вода в термосах. Все было наготове.

По ночам гитлеровцы из первой траншеи с намеком выкрикивали:

— Русс... буль... буль...

Это означало, что нас они сбросят в море. На это наши пулеметчики отвечали очередями.

...Солнечное утро 17 апреля 1943 года. К 7 часам ординарцы принесли в землянку термосы с завтраком. Вдруг донесся вой, и несколько мин легло перед самой траншеей, затем еще несколько — за ней, а третья очередь пришлось прямо по траншее. И все стихло. Прибежал Ветров, доложил:

— Минометным огнем убит наблюдатель рядовой Бондарев и ранен матрос Шинько.

Я распорядился быть на чеку, доложил обо всем старшему лейтенанту Мартынову. В это время послышался прерывистый гул самолетов. Мы знали — так гудят только бомбардировщики врага. И точно: из-за Колдун-горы плотными группами по 25—30—40 самолетов шли «юнкерсы». Ротный подал команду:

— Всем по местам, к бою!

Операция противника «Нептун» началась при подавляющем превосходстве немецкой авиации.

1 500 самолетов бомбили в этот день Малую землю, почти не встречая противодействия зенитной артиллерии и наших истребителей. Под такой массовой бомбежкой мне еще никогда не приходилось бывать да и потом за всю войну ничего подобного пережить не довелось. Одновременно с бомбовыми ударами загрохотала и артиллерийско-минометная канонада противника, продолжавшаяся полтора часа. От черного дыма густых разры-

вов день превратился в ночь. Взрывы бомб и гул боя, как потом говорили, были отчетливо слышны даже в Геленджике, куда затем начали поступать раненные с Малой земли, до предела заполняя все его госпитали. С противоположной стороны бухты наши товарищи по оружию с болью и гневом наблюдали эту пляску огня, бушевавшего на Малой земле, но помочь нам ничем не могли.

У нас на плацдарме земля кипела, пылала, дыбила и тысячами фонтанов взлетала в воздух, но осесть не успевала — ее снова и снова взметали вверх взрывные волны. Земля содрогалась и хоронила своих защитников в траншеях, окопах и свежих воронках. Бушующее пламя пожирало все живое на поверхности.

Фашисты рассчитывали, что в результате такой комбинированной авиационно-артиллерийской подготовки десантники не выдержат натиска превосходящих сил пехоты и танков, будут смяты, а остатки их сброшены в море.

В 9.00 со стороны Федотовки, высоты 307,2 и Новороссийска в плотных боевых порядках двумя группировками гитлеровцы двинулись в наступление, сосредоточив основной удар вдоль дороги, идущей из Федотовки к совхозу «Мысхако», мимо «Долины смерти», и второй — с высоты 230,4 на село Мысхако, стремясь расчленив оборону 20-го десантного и 16-го стрелкового корпусов.

В густых разрывах бомб, снарядов и мин, в лязге гусениц танков и трескоте пулеметных и автоматных очередей бесновалась смерть. Она витала над каждым из нас и вырывала из наших рядов то одного, то другого, а то и по несколько человек сразу.

На участке моего взвода вдоль дороги с высоты 307,2 показались одиннадцать танков. Вплотную за ними — до батальона пехоты. Ветров прокричал:

— Командир! Танки и пехота идут на нас.

— Вижу! — А затем командиру взвода ПТР: — Богданов, Паша! Бери танки на себя!

— Понял!

Понял и я — впереди все смято.

Затем последовала команда пулеметчикам Демко и Яковлеву отсекай пехоту от танков и вместе с автоматчиками уничтожить ее, но без приказа не стрелять: скомандую, когда противник будет на рубеже минного поля — здесь старшина 1-й статьи Ветров не растеряется. Бегу направо, к командиру отделения парторгу роты Ивану Редько.

— Ваня, как дела у тебя?

— Да все нормально, товарищ командир, за нас не беспокойтесь — тут фашисты не пройдут, я вам гарантирую.

— Понятно! Я очень надеюсь на твоих ребят.

— Нас мало, но мы в тельняшках, — шутит он.

Я тревожно посмотрел назад, туда, где стояла батарея 76-миллиметровых пушек. Хотелось, чтобы они быстрее вступили в дело, но опытный артиллерист, старший лейтенант Кульчицкий огня не открывал, значит, было еще рано. Танки наугад уже повели огонь из пушек по нашей позиции. Не обращая внимания на их стрельбу, мои десантники затаились в готовности к отражению атаки. Видно было, как сосредоточились бронейщики, пулеметчики, автоматчики, стрелки. Во взводе появились убитые. Легкораненых наскоро перевязывали, и они снова становились в строй. Уже говорилось, что Малая земля тыла не имела, и до ночи уходить им было некуда.

Гитлеровцы вплотную приблизились к минному полю перед проволочным заграждением. Сзади рывкнули орудия батареи Кульчицкого, и я увидел, как один танк, окутавшись дымом, замер на месте. Расчетам противотанковых ружей команду подавать не пришлось. Они были хорошо подготовлены и разом ударили по танку, подошедшему ближе других. Машина замерла на месте. Тут же дружно застучали автоматы и залились длинными очередями пулеметы. Теперь с обеих сторон стреляло все, что способно было стрелять.

Минное поле, уцелевшие малозаметные препятствия и проволочные заграждения в сочетании с хорошо организованной системой огня оказались для врагов полной неожиданностью. После такой ужасающей бомбардировки и минометно-артиллерийского смерча они рассчитывали на легкую победу.

Оставив два танка и около сотни трупов, противник откатился. Но наша радость была преждевременной — со стороны моря снова шли фашистские бомбардировщики. Мы открыли огонь по ним из ручных пулеметов и противотанковых ружей. Но эффекта не достигли. Взрывы бомб заставили нас укрыться поглубже в траншеях.

Отбомбившись, самолеты прочесали позиции из пушек и пулеметов и ушли. А мы, оставшиеся в живых, начали подниматься, стряхивать с себя землю, осматриваться, перевязывать раненых. Многих недосчитывались мы после этого налета.

Опять послышались крики:

— Танки! Танки!

Пришлось поспешить к уцелевшим бронбойщикам, одновременно послав ординарца за командиром отделения старшиной 1-й статьи Иваном Андреевичем Редько. Этот моряк с лидера «Ташкент» был исполнительным и инициативным воином, пользовался любовью подчиненных и старших. Вскоре он доложил о прибытии.

— Велики потери?

Он ответил:

— Убитых нет, раненых — трое, все дедутся.

— Хорошо, Ваня, хорошо. Теперь смотри — на твоё отделение опять идут танки, за ними бронетранспортеры, если прорвутся — много беды наделают. На батарею Кульчицкого не надейся, она разбита. И вот еще что, если танки все же пройдут, то ни в коем случае не пропусти пехоту. Понял?

— Пока я и мои матросы живы — не пройдут.

Бой гремел уже на всей позиции, снаряды из танков ложились то впереди, то позади траншеи, но этой атаки мы уже не боялись. Все, кто мог стрелять, стреляли. У каждого под рукой были бутылки с горючей смесью, гранаты и по два-три автомата. Если у одного ствол становился красным, автомат откладывали и брали другой. Пулеметчики тоже меняли стволы и вновь открывали огонь по противнику. Подминая все под себя гусеницами, нещадно пали из пушек и пулеметов, тяжелой броней на нас шли танки. На этот раз они миновали противопехотное минное поле, порвали заграждение из колючей проволоки. Неожиданно ухнуло одно орудие батареи Кульчицкого. Вырвавшийся вперед танк завертелся на месте, остановился боком к нам и открыл огонь.

Напряженность боя возрастала — несмотря на огромные потери, противник усиливал натиск.

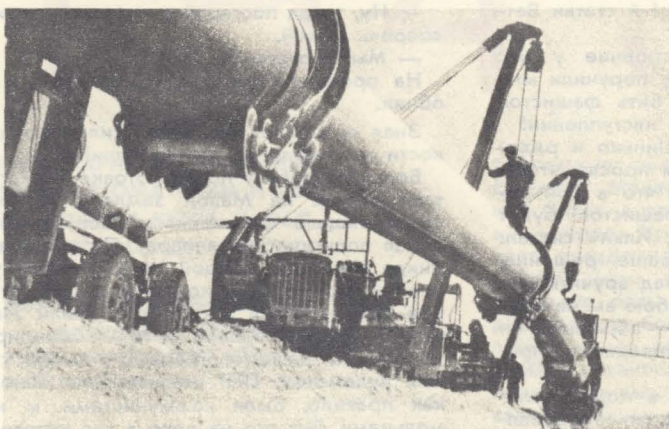
Я встал к противотанковому ружью убитого бронбойщика, прицелился и выстрелил по борту стоявшего боком танка. Из него повалил черный дым. Остальные бронированные машины продолжали приближаться, ведя беспорядочный огонь на ходу. Последнее орудие батареи Кульчицкого замолчало. Опять один из танков вырвался вперед и пошел на отделение Редько. Кто-то из матросов бросился ему навстречу, раздался взрыв, но танк подмял смельчака и продолжал идти дальше. Однако в двадцати метрах от траншеи кто-то еще бросился навстречу лязгающему чудовищу. Перед моряком ударил фонтан разорвавшегося снаряда. Десантник покачнулся и упал. Танк продолжал двигаться. Вдруг рванула противотанковая мина, и бронированная машина завертелась на месте. Откинулся люк, и из него высунулся танкист, но, срезанный очередью, медленно начал оседать обратно, люк остался открытым, больше никто из него не показывался. Вражеская пехота, устремившаяся за танками в проходы в проволочных заграждениях, была встречена таким плотным огнем, что залегла. Мы не давали врагу подняться для броска в нашу траншею. Наконец гитлеровцы не выдержали и, отстреливаясь, начали отходить. Вслед за пехотой повернули назад и танки.

Так закончился первый день немецкого наступления с кодовым названием «Нептун». Не легче для нас были и последующие дни. Но малоземельцы выстояли и в назначенный срок сами перешли в наступление. Нас враг остановить не смог.

Литературная запись Г. КОЗЛОВСКОГО.

Председатель колхоза имени Ленина ходжеилийского района Раджаб Хасанов и механизатор Нурумбет Тураев.

Плато Устюрт. Строительство газопровода.

Под рукой скульптора Дарибая Турениязова даже сухое дерево обретает жизнь.

На Ташкентском гидроузле.

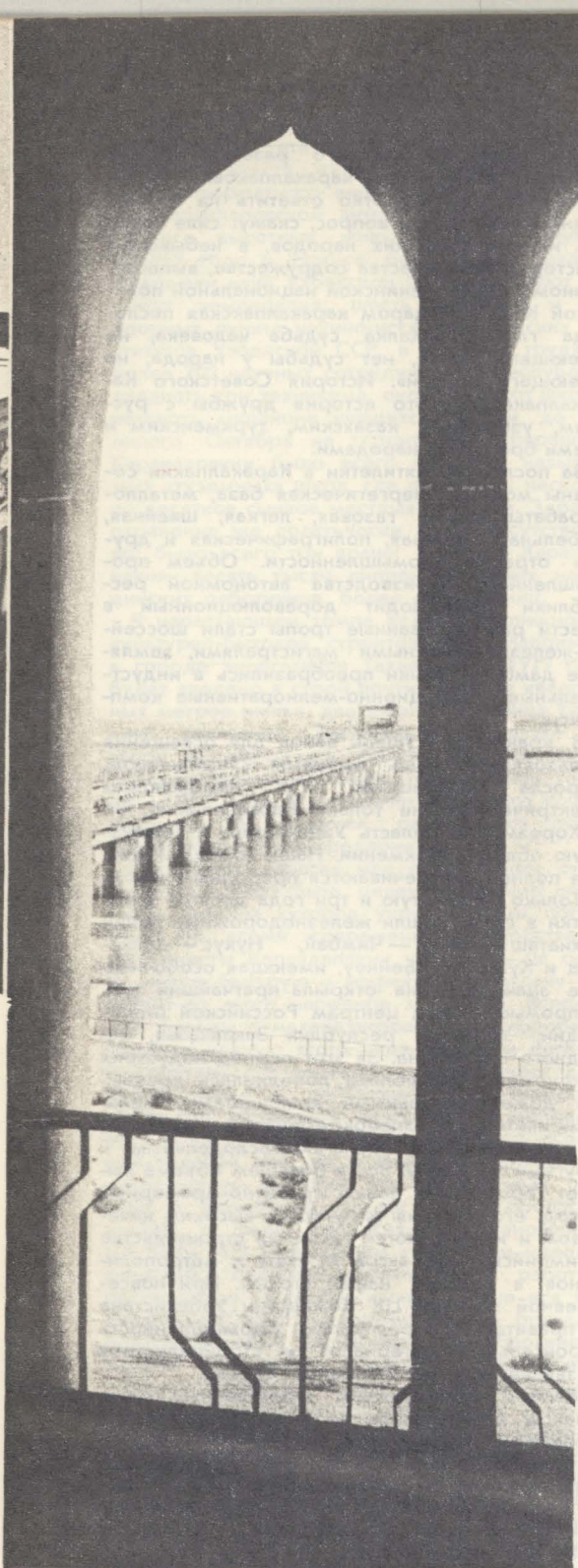
ГРАНИ П

Каллибек КАМАЛОВ,
первый секретарь
Каракалпакского обкома
Компартии Узбекистана,
Герой Социалистического Труда

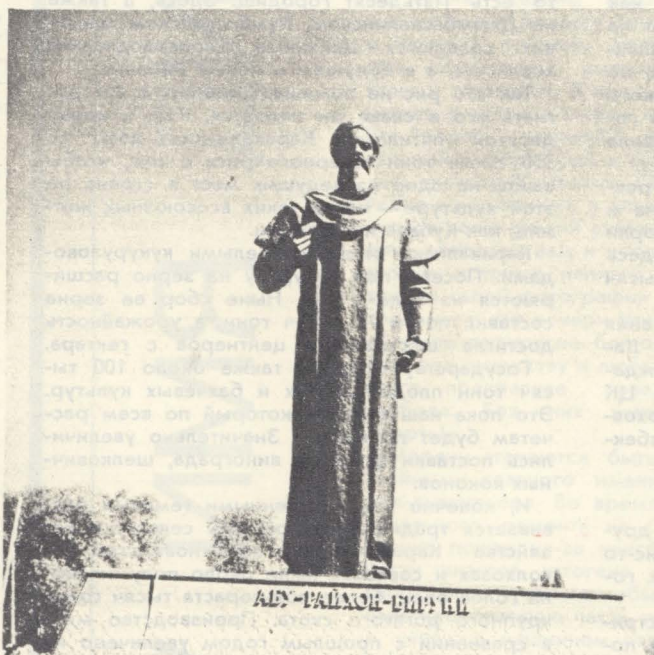
ДВЕ ЦИФРЫ

Даже при беглом взгляде на географическую карту Каракалпакии складывается такое впечатление, что это испокон веков цветущий край. В самом деле, здесь и многоводная Амударья и бирюзовое Аральское море. Как не цвести этой земле под щедрым среднеазиатским солнцем! Но вода аральская солоная, и ею не напоишь отвоеванные у пустыни поля, а пресная влага стремительной, коварно ме-

Элликкала... Земля древнего орошения. Здесь тоже будет расти хлопок!

Памятник великому поэту и мыслителю Бируни в городе, носящем его имя.

Знаменитые ковры с маркой «Ходжейли».

Фото А. ЛИХВАРЯ и В. СВАРИЧЕВСКОГО

У стен древней крепости.

РЕОБРАЖЕНИЯ

няющей русло Амударьи, в переводе «Сумасшедшей реки», из века в век не столько поила плодородную почву, сколько смывала ее начисто, вместе с жильем земледельцев. Побывавший здесь в прошлом веке выдающийся русский филолог Владимир Даль писал: «Кочевой ордынец ранней весной торопливо и боязливо прогоняет по этим местам тощие стада и табуны свои... в Каракумы, и считает сыпучие пески отрядным убежищем в сравнении с этой могилой». До революции на территории Каракалпакии, равной территории Австрии, Голландии и Швейцарии, вместе взятых, производилось в год всего около 8 тысяч тонн хлопка.

И тут, думаю, уместно назвать другую цифру — 450 тысяч тонн «белого золота» Каракалпакской АССР нынешнего года. О многом говорит она. И прежде всего о всестороннем социалистическом преображении нашего края

за годы Советской власти, о возрождении каракалпакского народа, некогда стоявшего на грани вымирания. Спасли его народы-братья во главе с великим русским народом. Ныне он уверенно шагает в светлое коммунистическое завтра, шагает богатырем в шеренге богатырей.

И забота у нас одна: чтоб шаг этот был как можно шире. Несмотря ни на что, в том числе и на сопротивление природы, которое, как известно, в нынешнем году земледельцы ощутили особенно остро. Но при современной энерготехнической вооруженности нам под силу любое испытание. Ведь даже Амударья вынуждена была смириться: ввод в строй первой очереди Тахиаташского гидроузла позволил намного улучшить водозабор из нее. А в конце нынешнего года после перекрытия реки образуется целое море пресной воды для промывных весенних поливов 1980 года —

Туямуюнское водохранилище емкостью около восьми миллиардов кубометров.

«ЛОШАДИНЫЙ» ХЛОПОК

Каракалпаки — прирожденные животноводы. Это отразилось в народном творчестве, сказалось на самом образе мышления. Не потому ли малоурожайный, низкорослый хлопчатник прежних лет называют у нас «овечьим»? Казалось бы, какой другой может произрастать здесь, в самой северной в мире зоне хлопководства? Из-за климатических условий мы сеем почти на месяц позже, чем другие хлопкоробы Узбекистана, осенние заморозки здесь начинаются на месяц раньше. А в этом году положение осложнилось еще и погодными сюрпризами. Были дни, часы, когда из-за дождей, града, холода пасовала даже могучая техника. Оставалась одна надежда — опыт и

самоотверженность людей. Не раз приходилось начинать почти с нуля.

Запомнилась поездка в Ходжейлийский район, в колхоз имени Ленина, где председателем опытной хлопкороб Раджаб Хасанов. Было это в конце июня. Обычно в такую пору хлопчатник дружно вступает в фазу цветения. А тут стоят озябшие кустики ростом с ножку агненка. Только набирают бутоны. Что делать?

Мы собрали семинар мастеров урожая, ученых, руководителей хозяйств из нескольких районов. Было ясно: надеяться только на жаркое солнце в небе нельзя, надо «подогреть» растения снизу, у корней. Кто-то образно заметил: «Ждать, пока плов сварится под солнцем, — голодным остаться... Огонь под котлом разводит!» И тогда было решено применить интенсивный трехкратный шудгар, то есть рыхление почвы, чтобы форсировать доступ к корням тепла, воздуха, удобрений. Были, конечно, и сомневающиеся, но уже после первого шудгара, когда растения начали быстро набирать урожайную силу, скептики сами стали рьяными пропагандистами этого трудоемкого, но действенного приема. Уверен, что теперь он будет широко использоваться и в более благоприятных условиях.

Третий, многодневный августовский шудгар превзошел все наши ожидания. В колхозе имени Ленина, например, в начале сентября на каждом кусте хлопчатника было по 16—18 созревших коробочек, в каждой дольке от 11 до 16 семян вместо 8—11 обычных, по учебникам. Чем не «лошадиный» хлопок, как его называли сами мастера, как бы в ответ на «овечий». Это хозяйство первым в Каракалпакской АССР выполнило не только годовой, но и пятилетний план, а к празднику Великого Октября на его счету было уже полтора годовых плана. Урожайность здесь составила 55 центнеров хлопка с гектара.

Каракалпакские хлопкоробы первыми в республике рапортовали о выполнении плана и первоначальных обязательств. К концу уборки урожайность на круг составила здесь 34,5 центнера с гектара. Причем 290 тысяч тонн было собрано машинами.

По итогам социалистического соревнования на сборе и продаже хлопка государству Каракалпакская АССР несколько раз награждалась переходящим Красным знаменем ЦК Компартии Узбекистана, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Узбекской ССР.

В ДУХЕ ВРЕМЕНИ

Любимое блюдо каракалпаков, как и других среднеазиатских народов, — плов. А рис-то для него всегда, вплоть до шестидесятых годов, был привозным!

Каракалпакский рис! Возросший индустриальный потенциал автономной республики позволил ей взяться за решение и этой новой важной проблемы. Особенно спорно пошло дело после XXV съезда КПСС, указавшего на необходимость продолжить развитие рисосеяния в Каракалпакской АССР.

За четыре года десятой пятилетки произведено 865 тысяч тонн риса, что равно урожаю четырнадцати предшествующих лет. Ныне в северных районах республики посевами риса занято 55 тысяч гектаров, а урожайность его составляет 46,5 центнера на круг. Рубеж 1979 года — 260 тысяч тонн.

Разработана целая система мер по ускорению развития рисоводства с тем, чтобы к 1990 году довести производство «жемчужного зерна» до миллиона тонн. Под эту культуру будет занято 220 тысяч гектаров, а возделывать ее станут двадцать крупных специализированных хозяйств.

За счет чего будут освоены эти сотни тысяч гектаров? Не за счет ли хлопка? Да, частично. За счет той части хлопковых полей, что расположены на самом севере. Сделано это нами в духе времени, в полном соответствии с недавним постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». Учитывая, что на севере Каракалпакии производство хлопка менее рентабельно, чем риса, решено в Тахтакупырском, Караузякском, Кунградском, Ленинадском и вновь создаваемом

мом Кенесском районах интенсивно развивать рисосеяние.

А как же хлопок, тем более что производство его в ближайшее время должно превзойти полумиллионный рубеж? Будет и большой каракалпакский хлопок! Обком партии, правительство и трудящиеся автономной республики глубоко осознают, что всемерное увеличение производства этого ценнейшего сырья — их первейший патриотический и интернациональный долг, материальное выражение нерушимой дружбы и сотрудничества со всеми народами нашей социалистической Отчизны. Наш курс на дальнейшую интенсификацию хлопководства сочетается с освоением целины под эту культуру.

Коммунисты Каракалпакии, исходя из указаний Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева в его выступлениях по вопросам аграрной политики партии, решений июльского и ноябрьского (1978 года) Пленумов ЦК КПСС, а также постановлений ЦК Компартии Узбекистана и Совета Министров Узбекской ССР, разработали конкретные, научно обоснованные планы дальнейшего комплексного развития сельского хозяйства автономной республики, специализации его отраслей по природно-экономическим зонам. Ныне на юге Каракалпакии возрождаются к жизни земли древнего орошения — земельные массивы, превращенные много веков назад менявшей русло Амударьей в пустыню. Один из массивов — Элликала, то есть Пятьдесят городищ. Здесь, а также на Джамбасалинском, Кумбасканском массивах создаются целинные хлопководческие хозяйства, а в будущем и новые районы.

Так что рис не помешает хлопку, а вот догнать его в славе он надеется. Уже к концу десятой пятилетки Каракалпакия даст до 350 тысяч тонн товарного риса с тем, чтобы выйти на одно из ведущих мест в стране по этой культуре — после таких всесоюзных житниц, как Кубань и Казахстан.

Каракалпаки стали и умелыми кукурузоводами. Посевы под кукурузу на зерно расширяются из года в год. Ныне сбор ее зерна составил почти 70 тысяч тонн, а урожайность достигла шестидесяти центнеров с гектара.

Государству продано также около 100 тысяч тонн плодовоовощных и бахчевых культур. Это пока наш рекорд, который по всем расчетам будет превышен. Значительно увеличились поставки фруктов, винограда, шелковичных коконов.

И, конечно же, ускоренными темпами развивается традиционная отрасль сельского хозяйства Каракалпакии — животноводство. В колхозах и совхозах ныне около полумиллиона голов овец, более полутораста тысяч голов крупного рогатого скота. Производство мяса в сравнении с прошлым годом увеличено на двадцать процентов, молока — на одиннадцать. Под особой опекой нашей партийной организации — создание подсобных животноводческих хозяйств на промышленных и транспортных предприятиях, мы всячески поощряем содержание скота в личных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих.

К концу десятой пятилетки в Каракалпакии будет 24 специализированных животноводческих комплекса, что позволит в ближайшие годы удвоить производство мяса и молока. Скоростным методом «хашара», иначе говоря — народной стройки, возводятся десятки птичников.

Поистине гигантский размах приобретают работы по ирригации и мелиорации земель Каракалпакии, борьба с их заболачиванием и засолением.

ОТКУДА СИЛА?

К приведенным выше цифрам можно прибавить немало других, характеризующих новые грани преобразования пустынного в недавнем прошлом края. Откуда же он взял силу, бывший «кочевой ордыней»?

В принятой на X съезде партии резолюции по национальному вопросу были записаны такие слова: «...Помочь трудовым массам великорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию». На съезде отмечалось, что в молодой Советской стране около 30 миллионов человек не прошли еще

стадии капиталистического развития. Среди них были сотни тысяч каракалпаков.

Так вот, если коротко ответить на поставленный в заголовке вопрос, скажу: сила наша, как и всех советских народов, в небывалом в истории человечества содружестве, выпестованном мудрой ленинской национальной политикой КПСС. Недаром каракалпакская пословица гласит: «Жалка судьба человека, не имеющего друга, нет судьбы у народа, не имеющего друзей». История Советского Каракалпакстана — это история дружбы с русским, узбекским, казахским, туркменским и всеми братскими народами.

За последние пятилетки в Каракалпакии созданы мощная энергетическая база, металлообрабатывающая, газовая, легкая, швейная, мебельная, пищевая, полиграфическая и другие отрасли промышленности. Объем промышленного производства автономной республики превосходит дореволюционный в двести раз. Караванные тропы стали шоссейно-железнодорожными магистралями, земляные дамбы и арыки преобразились в индустриальные ирригационно-мелиоративные комплексы.

В краю, где испокон веков для освещения пользовались лишь жировым светильником, выросла Тахияташская ГРЭС, снабжающая электричеством не только Каракалпакию, но и Хорезмскую область Узбекистана и Ташаузскую область Туркмении. Наши города и села все полнее обеспечиваются природным газом.

Только за девятую и три года десятой пятилетки в строй вошли железнодорожные линии Тахияташ — Нукус — Чимбай, Нукус — Халкабад и Кунград — Бейнеу, имеющая особо важное значение: она открыла кратчайший путь к промышленным центрам Российской Федерации, Украины, республик Закавказья, Западного Казахстана. За этот период индустрия автономной республики пополнилась крупными домостроительными комбинатами, мелькомбинатом и хлебокомбинатом, рисовым, комбикормовыми, молочно-маслодельным и другими заводами. Все в большем объеме выдает продукцию новый гранитно-мраморный завод, его изделия отличаются высоким качеством и используются также на строительстве олимпийских объектов Москвы и метрополитенов в городах нашей страны. При повседневной помощи ЦК Компартии Узбекистана и правительства республики промышленность строительных материалов и строительная индустрия развивается у нас особенно быстро.

Веками единственным строительным материалом каракалпаков были глина, хворост и древесина тополя, ивы, карагача! В десятой пятилетке в одно лишь водохозяйственное строительство, ведущее по последнему слову науки и техники, капитальные вложения составляют около 600 миллионов рублей.

В многонациональных трудовых коллективах, преобразующих землю Каракалпакии, — представители 90 народов и народностей страны.

Взаимовыручка, взаимопомощь в большом и малом стали законом жизни братских народов. В напряженные дни начала лета, когда после ливней надо было срочно пересеивать многие поля, оказалось, что для этой операции в автономной республике не хватил семян. Немедленно на помощь пришли братья из Азербайджана. Был создан воздушный мост Баку — Нукус, по которому пошел недостающий посевной материал. Из ряда областей Узбекистана, из других республик мы получили минеральные удобрения, технику. Естественно, что и мы никогда не оставим в беде своих братьев!

Благоустроенное жилье, материальная обеспеченность семей, право на труд, образование, отдых, гарантированные Советской Конституцией, стали повседневной нормой жизни каракалпака. Навсегда ушла из его сердца извечная тревога за свое будущее.

На месте глухих, малолюдных аулов в недавней пустыне поднялись современные поселки и города. Среди них теперь уже хорошо известные — Тахияташ, Кемсомольск-на-Устюрте, Каратау, Кунград, Бируни, заново отстроенный Турткуль, — во время одного из последних буйств Амударьи он был смыт.

На глазах хорошеет столица республики — Нукус. Ее украсили самобытные по архитектурному решению здания первого каракалпак-

НА БОРТУ ИМЯ ДИПКУРЬЕРА

ского университета имени Т. Г. Шевченко, Дворца искусств, железнодорожного вокзала, широкоформатного кинотеатра имени классика каракалпакской литературы Бердаха. Появились высотные жилые дома, гостиница. В 1959 году в Нукусе был открыт филиал Академии наук Узбекской ССР, действуют институт земледелия, шесть филиалов и два опорных пункта научно-исследовательских институтов Узбекской ССР, в которых трудятся более 700 научных сотрудников. В республике двадцать три техникума, около семисот школ — четверть миллиона учащихся. Кстати, до Великого Октября на территории теперешней Каракалпакии было всего пять так называемых «туземных» школ, где обучалось несколько десятков сынов местных богатеев. Здравоохранение же практически вовсе отсутствовало: было всего три врача! Теперь в Каракалпакии десять тысяч дипломированных медицинских работников, более ста больниц.

В нарастающем темпе ведется жилищное и культурно-бытовое строительство. Например, в городе энергетиков Тахияташе в 1979 году будет введено в строй почти 18 тысяч квадратных метров жилья, две школы, больница, баня, клуб, гостиница. Значительные средства для этого выделены из фонда экономического стимулирования главного предприятия города — ГРЭС. Так, в интересах развитого социалистического общества, реализуются права социалистического предприятия.

Постоянно работая над повышением культуры сельского быта, целеустремленно добываясь замены хуторов укрупненными поселками со всеми современными удобствами, коммунисты Каракалпакии убедились на опыте, какую быструю и эффективную отдачу получает от этого народное хозяйство. Вспоминаю беседы с механизаторами, хлопкоробами летом и осенью этого года. С каким интересом читали они листовки, издававшиеся республиканским и районными пресс-центрами во время уборочной кампании. В листовках этих были не только призывы работать с полной отдачей сил, но и яркая информация о сегодняшнем дне села, его перспективах, рассказ о передовом опыте. Сотни пропагандистов в поле разъясняли постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», рассказывали о героях страды. Ныне вся Каракалпакия знает, например, имена бригадиров-хлопкоробов Искандера Аллабергенова, Кабула Джуманова, Пардагуль Розумовой, Юлдаша Шулахова, Казаха Камалова, обеспечивших 60-центнеровую урожайность хлопчатника, бригадира комсомольско-молодежной кукурузоводческой бригады Ширингуль Юсуповой, — она собрала ныне вместе со своими ребятами по 127 центнеров с каждого из шестидесяти бригадных гектаров. Прославились и своим примером вдохновили товарищей механики-водители хлопкоуборочных машин Халкназар Бекназаров, Зухра Маткаримова, Галия Сарсенбаева, Туреш Баймуратов, Курбанбай Абдуллаев, Оракбай Матеев и многие другие гвардейцы полей. У каждого из них на счету по 300 и более тонн «белого золота», собранного за сезон.

Каракалпакские поэты слагают стихи о героях страды, музыкальные ансамбли посвящают им целые программы. Дела и помыслы тружеников полей, подлинных героев нашего времени, в центре внимания профессиональных художественных коллективов, театра, кино, работников телевидения и радио. Очень метко определил Леонид Ильич Брежнев в «Целине»: «Есть хлеб — будет и песня...»

...Каракалпаки говорят: «Чтоб соловей запел — нужна роза». А в нашем краю плодородных полей и садов ныне нет колхозной или совхозной усадьбы, где бы не росли розы. Так что, взглянув на географическую карту Каракалпакской АССР, можно с полным основанием заключить: это цветущий край!

* * *

Конечно, и у нас есть немало нерешенных проблем, недостатков в реализации богатейших возможностей, о которых говорил Леонид Ильич Брежнев на недавнем ноябрьском Пленуме ЦК КПСС. Коммунисты Каракалпакии полны решимости осуществить мудрые указания партии, сделать все для того, чтобы с честью выполнить задания завершающего года пятилетки.

ОТВЕЧАЕМ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫМ

Дорогая редакция «Огонька»!

Как и все, я хорошо знаю стихотворение В. Маяковского «Товарищу Нетте — пароходу и человеку», знаю о подвиге дипкурьеров. Хочется подробнее узнать и о пароходе, о его судьбе. Слышал, что к архангельскому порту приписан дизель-электроход «Теодор Нетте». Расскажите, пожалуйста, обо всем этом.

Л. П. АСТАПКОВИЧ, ст. механик

Невельск,
Сахалинской области.

...Кают-компания дизель-электрохода «Теодор Нетте». Здесь собрались все свободные от вахты. На красном сукне стола — книги, много книг. Это подарок отдела дипломатической связи МИД СССР. Есть в библиотеке и книжка о дипкурьерах, в том числе о Георгии Васильевиче Костюченко, который и привез ценный дар. Отдел дипсвязи не первый раз посылает своих гонцов к «Теодору Нетте», как и к другому океанскому судну, «Иоганн Махмасталь». Капитан «Теодора Нетте» Анатолий Яковлевич Анциферов познакомил гостя с делами экипажа. На судне сделаны альбомы, посвященные подвигу Теодора и Иоганна, собраны фотографии, документы, вырезки из газет и журналов. В них не анкетная сухость, а живые люди. Вот Теодор — волевой и общительный, остроумный и скромный, знающий наизусть Гёте и Гейне в подлиннике и даже сам иногда сочиняющий стихи. Моряки напоминают вам и короткие строки, которые написал Теодор на своей фотографии (она хранится у его дочери Ирины): «В мире прекрасно благодаря природе, искусству и любви, но всего прекраснее правда и свобода. Без них жизнь — смерть!»

Моряки стараются быть достойными славного имени героя-дипкурьера. Во время капитального ремонта на судне возник пожар из-за неисправности шлангов автогена. Газы взорвались, пламя быстро охватило верхнюю часть судна, а внизу, в машинном отделении, — одиннадцать человек! Прорезали автогеном в корпусе отверстие, но людей на том месте уже не оказалось — они спустились ниже. Пробили второе окно. Туда, в горящее, дымящееся чрево, рискуя жизнью, полезли второй механик Г. И. Колесников и электро-механик Н. Г. Чумаченко. Они вырвали из огненного плена товарищей.

У архангельского лесовоза есть тезка в рижском порту — самый современный большой морозильный траулер. И есть еще третье судно — оно на Дальнем Востоке — с таким же именем, то самое, о котором написал знаменитое стихотворение Владимир Маяковский. О старейшине «Теодоров» моряки говорят тепло, знают каждый его рейс, каждого его капитана. Здесь, в Архангельске, в «каюте Маяковского» — так названа кают-компания — многое напоминает о первом «Теодоре Нетте», — и книги, и снимки, и письма. Но самое

волнующее: кусок от корпуса парохода-ветерана — антрацитово-черный брус металла.

Какова же судьба этого исторического парохода? Он был спущен на Неве в 1912 году. Назвали — «Тверь». И отправили во Владивосток. Там трудился он до весны 1920 года. Враги революции намеревались захватить «Тверь». Тогда было решено: уйти от интервентов и белогвардейцев в Одессу. Начался долгий переход — Шанхай, Индийский океан, Цейлон, Аден, Суэцкий канал... На Босфоре засели врагелевцы. Пришлось бросить якорь в Триесте. Белоэмигранты из старого Доброфлота сразу же пронохали про «Тверь» и... продали пароход фирме «Ллойд Триестино». Всю команду во главе с капитаном высадили на берег. «Тверь» окрестили другим именем — «Соррио». Для экипажа, лишенного судна и работы, потянулись мрачные месяцы, пока наконец группа матросов и капитан в 1922 году не пробилась во Владивосток.

А что же с «Тверью»? В феврале 1926 года «Соррио» прибыл в Стамбул, чтобы здесь его приняли настоящие хозяева, представители Советской России. Пароход был возвращен Родине. Ему присвоили имя дипкурьера, героически погибшего несколько дней назад. На борту вывели два слова, ставшие символом мужества и верности Отчизне: «Теодор Нетте». И вот — Одесса. Тогда-то и встретился с пароходом Владимир Маяковский.

Началась новая страница в биографии двухпалубного однотрубного ветерана. Куда только он не ходил! И в Стамбул, и в Яффу, и в Александрию, и в Пирей... Летом 1929 года «Теодор Нетте» снова на Дальнем Востоке. Трудовые, напряженные будни у берегов Чукотки, Камчатки, Сахалина...

В начале сентября тридцатого года «Нетте» появился в бухте Нагаева — он был первым океанским пароходом, принявшим участие в штурме дикой золотой Колымы.

Потом ему довелось быть минным заградителем, затем снова возить людей, грузы. Последний рейс — из Владивостока на Камчатку. Там 17 июля 1947 года его винты были остановлены. Теперь навсегда. Но топки не потухли: котлы давали для бытовых нужд пар и горячую воду. Сейчас пароход — причал для аварийно-спасательных судов.

«Теодор Нетте» — на вечной стоянке.

Вл. РУДИМ

В МОЗАМБИКЕ

А. СОФРОНОВ

ИЗ АФРИКАНСКОГО ДНЕВНИКА

Еще в Москве мы узнали о том, что из Мозамбика в Союз писателей СССР пришло приглашение советским делегатам на VI Конференцию афро-азиатских писателей приехать в Мозамбик. Естественно, приглашение было нами принято. В Луанде мы познакомились с писателем Луисом Онваной — начальником канцелярии президента Мозамбика Саморы Машела. Луис Онвана — автор нескольких романов и рассказов. Один рассказ — «Перерыв на обед» был переведен на русский язык и издан в Москве. Под началом Онваны мы и вошли в самолет Аэрофлота, летевший в Мапуту.

Четыре с половиной часа лета от Луанды до Мапуту... Сколько всего можно вспомнить и передумать за это время! И, конечно же, я вспомнил мозамбикского поэта Марселину Душ Сантуша, с которым мы познакомились много лет назад, когда еще мозамбикские патриоты вели ожесточенную борьбу с португальскими колонизаторами. Не один раз вместе с талантливой переводчицей Лидией Некрасовой бывал Марселину Душ Сантуш в нашей редакции. Мы печатали в журнале его стихи. В «Библиотеке «Огонька» издали первую книгу. Когда два года назад мы снова встретились с ним в Москве, он уже был министром экономики Мозамбика, озабоченным хозяйственным строительством своей родины. Когда я спросил его, пишутся ли стихи — он улыбнулся и ответил: «О, сейчас более насущные вопросы захватили нас... И, конечно, меня».

На этот раз мы впервые должны были встретиться с ним на его родине...

...Обычная посадка. Незнакомая земля. Мы в аэропорту. Мы — это только что избранный на конференции генеральным секретарем Ассоциации писателей стран Азии и Африки Алекс Ла Гума с женой Бланш, испанский писатель Гойтисоло с женой Марией, по профессии учительницей; Олжас Сулейменов, Виктор Рамзес и я, представляющие наш Союз писателей.

Луис Онвана проводил нас в отель, расположенный на берегу Индийского океана. Июль здесь — зимний месяц. Несмотря на заманчивую синеву океана, берег был пуст. Вода в океане слишком студена, чтобы можно было купаться.

...Если в Анголе основное время у нас ушло на работу конференции, то здесь вся неделя была отдана нам для отдыха, который мы отвергли в первую же минуту. Впрочем, наши хозяева, видимо, и рассчитывали на наше нежелание отдыхать и приготовили нам весьма трудоемкую программу.

Фабрика, выпускающая орешки. Интереснейшие встречи на этой фабрике. Посещение музея живописи и скульптур, созданных мозамбикскими мастерами из черного дерева, славящегося на весь мир. Поездка в заповедник, в котором мы издали увидели гуляющих в зарослях слонов и очень близко весьма серьезного носорога, презревшего нас и скрывшегося в джунглях. При въезде в заповедник мы увидели груды белых слоновьих костей, в центре которой лежали череп и бивни. Уже потом, когда мы вернулись из путешествия по заповеднику, небольшой хор солдат спел нам несколько боевых песен. В одной из них были слова: «Сражайся сам, за тебя сражаться никто не будет». Памятные слова.

В этих записках я хочу рассказать о двухдневной поездке в провинцию Газа, ту самую провинцию, которая не так давно подверглась диверсионному нападению банд, формирующихся на земле соседней Родезии...

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Нам не очень повезло с погодой. Если в день прилета и последующие дни было солнечно и сравнительно тепло, то утро нашего отъезда в провинцию Газа ничего хорошего не предвещало. Косматые волны неслись на берег. Низко висели тучи. Гудел ветер. Но расписание есть расписание. Онвана появился рано утром в прорезиненной куртке с капюшоном. Наша сопровождающая, небольшая, хрупкая Орланда, также была в плаще. Мы надели все, что нашли в наших чемоданчиках. Все же мы ехали на юг Африки, там же должно было быть тепло.

Дождь начался сразу за Мапуту. Вначале мы ехали по асфальту. Но часа через полтора, проехав городок Шалуге, оказались на проселочной дороге. Там нас ожидали руководители провинции. Нас пересаживали на мощные вездеходы, и мы отправились дальше. Хижины. Вдоль дороги заросли кустарников. Пешеходы, идущие по узкой тропе, укрывшиеся вывернутыми мешками.

— Это долина реки Лимпопо. Было большое наводнение... Много потерь... — говорил сопровождавший нашу группу товарищ.

Машины проезжали большую деревню. Хижины чередовались с небольшими аккуратными домиками.

— Деревня имени 1-го Мая... Деревня новая... Живет сейчас две тысячи семей... Около четырнадцати тысяч человек... Это родина нашего президента Саморы Машела... Здесь 80 лет назад погиб в борьбе с португальцами легендарный Мягивана... Вот еще когда мы сражались с колонизаторами...

Мимо потянулись зеленые поля, затопленные дождем.

— Рисовые всходы... Сейчас выглядят плохо... Но в будущем мы ожидаем от них хороших урожаев.

Сквозь завесу дождя открылось широкое поле с небольшими кустиками помидоров.

— Это томаты.

Вскоре появились небольшие деревянные домики.

— Кроликовая ферма...

Так мы и ехали по скользкой дороге. Время от времени «лендроверы» тянуло во рвы, наполненные водой. Но все обошлось благополучно.

Где-то круто свернув, машины вышли на широкую дорогу. Вскоре показались городские дома. Возле одного из них машины остановились. Нас ожидали и здесь. Мы вошли в большой двухэтажный дом, внутри которого не было дверей, а только занавески.

— Джордж Тамбо, — представился нам крупный, с волевым лицом человек. — Директор агрокомплекса. — И пригласил нас к столу.

Конечно, нас интересовала история этой провинции.

— Здесь когда-то жило около трех тысяч португальских семей... Это те, кого переселили... Не знаю, как где, но о местных переселенцах, а попросту колонизаторах Португалия не проявляла особых забот... Может, еще и потому, что они не считали Мозамбик своей вечной землей. Ангола — да... Анголу они считали своей колонией. Короче говоря, половина португальцев сбежала еще до нашей победы. Они не видели для себя будущего в долине Лимпопо... Рядом река, а в деревнях воды не было... Португальцы были вооружены... Против нас, конечно... Но иногда они стреляли и друг в друга... Кроме того, они еще и воровали... Друг у друга... А о том, как они эксплуатировали мозамбикцев, говорить не приходится... Кстати, я читал ваш «Тихий Дон». Очень похоже... И еще одну книгу.

— «Поднятую целину»?

— Да, о коллективизации... Очень похоже... Та же классовая борьба... Тамбо улыбнулся. — Условия, конечно, другие... У вас Дон, у нас Лимпопо. Но похоже, очень похоже... И по вашему опыту и по своему мы знаем, что революция идет не по асфальтовой дороге. Наши люди наступают, как волны океана. Их не остановишь. — Тамбо весело посмотрел на нас. — Вы виноваты в этом. Мы не сомневаемся, что победим. То, что вы приехали к нам, еще одно подтверждение этому... Наша страна маленькая, но народ героический. На юге у нас колонизаторы ЮАР, на западе расисты Родезии. Но там идет борьба. А мы боремся и за экономику и с теми, кто пытается поставить нас на колени... Но это им не удастся... Главная задача у нас — ирригация. Рис, кукуруза, хлопок, томаты... Вода... На все нужна вода. Лимпопо, как извещает, впадает в Индийский океан... Столько воды уходит зря. Ирригация, ирригация, ирригация — вот наша главная задача.

...Дождь прекратился. За окнами сначала чуть посветлело, а затем стало смеркаться.

— Ночевать будем в отеле на берегу океана, — сказал Онвана, поднимаясь из-за стола.

Мы от всей души поблагодарили Джорджа Тамбо и его друзей. Они сделали все, что могли, в этот дождливый день.

Уже когда неторопливо ехали среди песчаных холмов, сквозь дремоту мы вдруг услышали грозный рокот океана... Мелькнули огни. Мы въехали во двор большого отеля. Он был почти пуст. Несколько человек сидело в полуосвещенном баре.

В открытое окно дул освежающий сырой ветер.

Грозно гудел океан...

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Под утро я слышал, как затихал океан. Он еще гремел, накатываясь на берег, но словно не так сердито, как вечером. Первое, что я увидел — было голубое небо, где-то со стороны подсвеченное солнцем.

— Нам сегодня повезло. Дождя не будет, а солнце будет нашим провожатым, — сказал Онвана и тут же познакомил с новым для нас человеком. Перевода с португальского не потребовалось.

— Борис Михайлов, — представился незнакомец, протягивая нам руку. — Я из Варны... Агроном по образованию, а здесь заместитель директора госхоза. Я не один... И советские специалисты и болгарские...

Партийный актив одного из сельских коллективов района Газы. * Дорога в Мапуту.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Город Мапуту. * Пока еще так учатся школьники в долине реки Лимпопо. * Индийский океан.

AEBC 1234567891012345

Помогаем нашим друзьям... Кое-что покажем вам сегодня. Люди здесь очень хорошие... Но это вы почувствуете сами... Поедем?

Солнце преобразило природу. Зеленъ стала ярче, гуще... Впрочем, это было заметно еще на берегу океана, где острые ветви пальм, словно вырезанные, поднимались над прибоем.

— Наводнение здесь было опустошающим. Тут ведь все создается пока руками... Для сравнения две цифры. В 1976 году было под посевами 1000 га, а в 1977-м — 40 000... Но наводнение погубило плантации... Из 360 гектаров томатов осталось всего два... Понимаете, всего два гектара? Но вот какие люди здесь, все восстановили, что погибло... Еще посадили 1500 банановых деревьев... Рис — и это еще не все — будет возделываться на 4500 гектарах...

Мы ехали узкой, просохшей за ночь проселочной дорогой. Увидели нескольких женщин возле большого сарая.

— Наша птицеводческая ферма, — сказала женщина средних лет. — Сейчас куры несут 70 дюжин яиц в день. Наша задача — 120 дюжин... Чтобы каждый ребенок мог получить по яйцу в день...

В сарае слышалось кудахтанье. Кур было несколько сот. Птичницы кормили их зерном. Делали они это серьезно, с полным чувством ответственности.

— Нам хотят показать школу, — сказал Онвана. — Школа эта... А впрочем, вы сами увидите, какая она.

Через несколько минут машины остановились возле камышовых прямоугольников, внутри которых были поставлены скамьи. За спиной учительницы на камышовой же стенке висела черная доска. На ней было что-то написано мелом. Крыши не было. Над головами ребятшек висело казавшееся здесь прозрачным небо. Посреди класса стояла девочка лет десяти и что-то читала. Шел обычный урок. Смотреть на это без волнения было невозможно.

— К сожалению, пока не хватает школьных помещений, — сказала Марина Мгаби, директор школы.

Конечно, детям было интересно смотреть на незнакомых людей. Но, видимо, они получили строгий наказ показать нам, какие они дисциплинированные. И они героически выполняли это. Но вот раздался звонок... И что же началось? Звонкие голоса. Звонкий смех. Сверкающие глаза. Дети выпалили из своих камышовых стен на волю, обступив нас... Испанка Мария Гойтисоло с влажными глазами фотографировала ребятшек...

— Нас ожидают в партийной организации кооператива, — снова отрегулировал наше расписание, так же, как и мы, довольный всем увиденным Луис Онвана. — Раз ждут — значит, надо ехать.

...Возле похожего не то на украинскую, не то на кубанскую хату белого простого домика стояли женщины и мужчины, члены местной парторганизации ФРЕЛИМО. Это были члены сельскохозяйственного кооператива, гостями которого мы оказались сегодня.

— Здравствуй, дорогие гости, — сказала немолодая женщина с серьезным, озабоченным лицом.

— Это Мерилина Бимла — председатель кооператива, — сказал Борис Михайлов и тихо добавил: — Замечательный человек она...

— Прошу, — пригласила нас широким жестом Мерилина. Посреди комнаты стоял длинный, чуть овальный стол. У стен — скамейки и стулья.

Секретарь парторганизации Дельфина Полина обратилась к нам с короткой речью:

— У кооператива нашего еще много трудностей. Вы видели... Не хватает школьных помещений, но они будут... В кооператив входит восемь деревень. Не в каждой из них еще есть магазины... Их надо строить. У нас уже есть клиника... Заболеваемость малярией снизилась, но еще немало... Мы ведем большую работу по ликвидации неграмотности... Вы же знаете, народ наш был почти весь неграмотным... Нам нужны комбайны для уборки риса...

...И тут я вспомнил, что возле дороги на поле я заметил голубой комбайн.

— Откуда к вам поступают комбайны?
— Из Советского Союза... Вдруг неожиданно Мерилина остановилась, сделала какой-то жест, и сразу появились женщины с подносами, на которых лежали яйца, а следом — мужчины, с трудом несущие срезынные ветви бананов.

— Примите от нас подарки, которые мы делаем от всего сердца. Женщины поставили перед каждым из нас блюдо. Мужчины поднесли к столу бананы.

Все это было неожиданно. Мы попросили от всех нас Алекса Ла Гуму сказать слова благодарности.

— Спасибо вам, — сказал Алекс. — Мы глубоко тронуты... Но просим эти блюда передать вашим школьникам... А бананы...

— А бананы вы возьмите с собой. Не забывайте, что они из Мозамбика.

Ла Гума поднял руки и сказал:

— Мы счастливы, что побывали у вас. Увидели вашу жизнь. Вы действительно строите новую жизнь. Меня это трогает особенно, так как я сам из Южной Африки. Моя родина находится всего в нескольких десятках километров от вас. К сожалению, я сейчас не могу жить на родине, но я так же, как и вы, знаю, что такое расизм и колониализм! Помните, что мы все с вами. Успехов вам и побед! — Алекс Ла Гума крепко пожал руки Мерилине. — Будьте счастливы!

...Уже на заходе солнца мы остановились на мосту реки Лимпопо, чтобы запомнить ее, а вместе с ней и эти два незабываемых дня.

У входа в заповедник. * Во дворе ореховой фабрики. * Один из жителей заповедника. * Профсоюзные руководители фабрики. * Уголок заповедника. * В художественном музее Мапуту.

Так вот и пролетели семь дней в Мозамбике, дней памятных, насыщенных волнующими встречами. Разве можно забыть встречу в молодежном кафе, куда нас вместе с Олбисом Сулейменовым пригласил южноафриканский писатель Олби Сакс. В этом кафе на маленькой эстраде было все: и песни, и стихи, и современный джаз-оркестр, и просто выступления. Быть на этом вечере гостями и не выступить? Но кто переведет наши слова на португальский? Возле нас оказался молодой красивый человек.

— Не беспокойтесь, я переведу вас, — сказал он почти на чистом русском языке. — Я учился в Москве, в университете имени Патриса Лумумбы. Я чилиец... Нас здесь немало... Вот моя жена, познакомьтесь — Ирена.

К нам подошла молодая красивая женщина и смущенно протянула руку.

— Вы тоже говорите по-русски?

— О, конечно, — ответила Ирена. — Я тоже училась в Москве.

Я спросил своего переводчика:

— А ваше... Ваше имя?

— Оскар Каро Кампос.

...Перед самым отъездом неутомимый Олби Сакс пригласил нас к себе домой. «Там будут разные люди...» — сказал он. — В основном южноафриканцы».

Именно в этот день мы вернулись из провинции Газа. Чувствовалась дорожная усталость. Но едва мы переступили порог, усталость улетучилась. Возле меня оказалось несколько юношей и девушек из Южной Африки. Все они учились в университете Мапуту. И снова — язык? С нами не было португальского переводчика.

— Можно, я помогу вам? — спросил меня по-русски молодой смуглый человек лет двадцати пяти.

— Конечно.

— Не удивляйтесь... Я учился в Советском Союзе...

— В Москве?

— Нет... В Киеве, а затем в Ростове, в институте инженеров железнодорожного транспорта.

— Ростов — мой родной город.

— Тем более я могу быть вашим переводчиком. И Киев и Ростов мне очень понравились...

И, конечно же, мы повидались с Марселину Душ Сантушем. Много с ним вспомнили. Нет, стихи он так и не пишет. Невозможно. Но как же в этом случае не вспомнить его «старые», но не стареющие стихи?

О Мозамбик,
О край любимый мой!
Одеты пурпуром свободы,
Сыны твои подхватывают песню,
И вот она уже летит по свету,
По Африке летит во все концы!
Та песня рождена
Великой ненавистью к рабству,
И к нищете,
И к голоду!
Та песня —
Песнь Надежды,
И песня Веры,
И песня Истинной любви!

Марселину Душ Сантуш навсегда останется одним из выдающихся африканских поэтов, внесших весь жар своего сердца в поэзию борющихся народов Африки. Памятной останется и встреча под его председательством с мозамбикскими писателями, на которой Марселину Душ Сантуш сказал: «Пора создать в Мозамбике свой Союз писателей». Эти слова были горячо поддержаны новыми друзьями, писателями Мозамбика.

...Провождаемые нашими сердечными и внимательными аэрофлотами, в солнечный полдень мы улетали из Мапуту. Сердечно прощались мы с писателями, со всеми, кто сделал эти семь дней действительно познавательными. Крепко обнялись с Луисом Онваной. С нашими советскими работниками, кто так же сердечно принял нас.

Уже позже, в конце июля 1979 года, мы прочли одно из интервью президента Саморы Машела. В нем говорилось:

«Марксизм-ленинизм не является для Мозамбика импортированной теорией. Он завоеван борьбой мозамбикских рабочих и крестьян против гнета и эксплуатации. Именно классовая борьба трудящихся способствовала принятию и осознанию ими основ научного социализма. Она вносит свой вклад в развитие и обогащение учения Маркса, Энгельса, Ленина».

Только социализм может разрешить стоящие перед Мозамбиком проблемы. Развитие социализма с его плановой экономикой дает полную занятость и подлинное исполнение права на труд, которое гарантировано гражданам НРМ конституцией страны. Именно плановая экономика способна обеспечить удовлетворение наших материальных, культурных и духовных нужд».

И еще было им сказано:

«...В области образования — также значительные успехи. Если в 1973 году в начальных школах обучалось 588 869 учащихся, то в 1978 году их число достигло 1 419 279 человек. Кроме того, более 82 тысяч учатся в средних школах и более одной тысячи — в университете Мапуту».

Увеличение числа учащихся потребовало большего числа преподавателей. Для решения этой задачи были образованы 10 центров по подготовке учителей и четыре центра по их переподготовке. К 1978 году было подготовлено более 3400 новых учителей и более 12 000 прошли переподготовку.

В развитии здравоохранения наши успехи скромнее. Пока мы можем обеспечить лишь минимальное медицинское обслуживание. В то же время наряду с подготовкой медицинских кадров была проведена успешная национальная кампания вакцинации населения от туберкулеза, кори, столбняка и оспы. В результате полностью ликвидирована оспа, достигнут большой прогресс в борьбе против кори. Если при колониализме ежегодно 20 000 детей умирали от кори, то в 1978 году зафиксировано лишь 100 смертельных случаев...

Да, это все так. Мы все это видели своими глазами, почувствовали сердцем.

И это не забудется.

Мапуту — Москва.

МОЙ НИКОЛА

Олег ШЕСТИНСКИЙ

ПОЭМА

*Жить хочу талантливо на свете,
как живет Пирин, гора моя.
Евтим Евтимов*

Пирин, болгарская гора,
как будто бы я лишь вчера
бродил в лесах Пирина,
там диких слив пьянящий дух,
на ветках соколиный пух,
а травы, как перина.
Изогнуто крыло орла,
крылом венчается скала,
готовая к полету;
где б мне взбираться ни пришлось,
отыскивал я горных коз
по стуку и помету.
Там, где ручьи бегут, звеня,
к воде склонялся я,
входила, как стрела, в меня
пиринская струя.

Здесь под орлиной высотой
какие люди родились!
С какой красиво мечтой
они взмывали в эту высь!
Паисий¹, сын пиринских гор,
пронзая боль, недолю, гнет,
пророком длань свою простер:
«Восстань от сна, болгарский род!»
И одержимый Неофит²,
сам истончаясь, как свеча,
сзывает отроков в свой скит,
болгарской азбуке уча.

Есть в Банско³ дом,
есть в Банско дом —
склонюсь перед его окном.
О, люлька, схожая с гнездом,
из комя явора, с резьбой,
качаясь со своим птенцом,
гордилась ли его судьбой?
Из деревянной глубины
той колыбели вышел он,
как будто из морской волны,
волною к звездам вознесен.
Жизнь наша — горсть.
Но он в горсти
до ранней смерти смог нести
такую мысль, такую страсть,
такую над собою власть!

¹ Паисий Хилендарский и

² Неофит Рильский — замечательные деятели болгарского Возрождения.

³ Банско — родной город Н. Вапцарова.

Я юношею стал сверять
с его дорогою
свой путь,
но честно повторю опять:
мне не достичь ее ничуть.
Но понимаю твердо я:
он, сын иного языка,
стал совести моей судья,
навек, как пуля у виска.

Синее небо,
синие горы,
красные кровли —
Банско.
Вот и вхожу я
путником пыльным,
братом по крови —
братски.
Снеги по склонам,
скользящая осыпь,
серые серны —
броско!
Мелкие чувства
пылью отрину,
честью венчаюсь —
в Банско!

Первый партизан Иван Козáрев,
легендарный первый партизан,
самым первым по врагу ударив,
он в горах
растаял, как туман.
Посылает из лесов Пирина
в стольный град Софию
он гонца,
и спешит гонец без карабина,
не зашив в папаху письмеца.
Конспиратор ловок и учен,
просто он плывет в кругах житейских,
он еще на смерть не обречен,
он избегнет стражей полицейских,
он минует меж облав искусно,
на виду у всех пройдет вокзал,
а потом
Николe скажет устно
то, что воевода наказал:
— Вырыта тебе землянка,
недоступна для врагов,
в ней растопленный очаг,
сена пряная усадка.
Воевода ждет лишь знак,
выйдет сам встречать, как брата...
Вслушиваться спозаранку
будем в хруст твоих шагов...
Воевода говорит:
«Друг Пирин в гайдучком гуле,
здесь Никола сотворит
песни, что страшнее пули.
А к весне, из темноты,
вместе
выверим удар мы
на фашистские посты,
на жандармские казармы!»

Ах, как дохнуло Пиринoм в софийской
квартире!

Ласковы личики лютиков...
Лиловые шири...
Грозный гранит сверкает кристаллами
кварца,

нелюдям царским за ним не скрываться,
он не подпустит стражников, потных
от страха,

неколебима друга-Пирина папаха!
Ах, как хотелось бы
скулою прижаться к прикладу,
в села врываться,
срезая засаду,
и на майдане,
под красным полотнищем стоя,

пахарям,
плотникам,
пастухам,
виноградарям

с хода
вымолвить слово,
святое,
простое:
СВОБОДА!

Он отвечает:
— Не могу.
Он повторяет:
— Не могу.
(А видит травы на лугу,
подснежники на берегу.)
Он отвечает:
— Здесь дела.
Он повторяет:
— Здесь дела.
(А перед ним белым-бела
тень одуванчиков легла.)
Он отвечает:
— Будет срок.
Он повторяет:
— Будет срок.
(А перед ним весенний сок,
как слезы, по стволу потек.)
Он отвечает:
— Друг Иван...
Он повторяет:
— Друг Иван...
(А перед ним с лесных полей
на Банско движется туман.)
Он говорит:
— Партийный долг.
Он говорит:
— Партийный долг.
(А слышит птичий перещелк,
а видит папоротника шелк.)

Синее небо,
синие горы,
красные кровли —
Банско.
Вот и вхожу я
путником пыльным,
братом по крови —
братски.
Снеги по склонам,
скользящая осыпь,
серые серны —
броско!
Мелкие чувства
пылью отрину,
честью венчаюсь —
в Банско!

А знал он, что петля
над головою свищет,
уже с ладонь земля,
где провокатор рыщет.
Не знал он только срок...
А две недели срока —
и кованый сапог
под ребра метит в бок,
по-дьявольски жестоко...
Бессмертия порог.
В Бессмертие дорога.

Из воспоминаний земляка
Константина Сирлетова:

«Обичаше много Пирина. Заговори ли се за Пирина, той целият сияеше»⁴.

⁴ «Очень любил Пирин. Пойдет ли речь о Пирине, он весь сиял».

ВАПЦАРОВ

*
Вспоминает он весну,
хвойные леса по склонам...
В горы он ведет жену
лесом добрым и зеленым.
Шишки падают у ног,
милы беличьи забавы,
буреломные завалы,
светит из-под пня вьюнок.
В платье голубом жена.
— Ты сегодня незабудка,
не забудь меня...
А шутка
неожиданно грустна.
Ах, как взгляд ее лучист!
Глаз овалы, как орехи...
Жаворонок смотрит вниз,
мир пустынен, ясен, чист —
поцелуйтесь без помехи...
Ах, как он ее любил!
Мир узнал об этом позже,
когда начал крапать дождик
на сухую пыль могил.
Ах, как он ее любил!
Люди, не судите жен,
коль их гении любили!
Если жены грешны были,
грех мужьями их прощен.
Люди, не судите жен,
коль их гении любили!
Вспоминает он весну,
яблони в цветенье белом...
Отчий край да свет-жену
вспомнит он перед расстрелом.

Стихи Н. Вапцарова,
написанные за час до расстрела

*Как неожиданный и дальний гость
приду, когда заснешь ты невзначай.
и, чтобы ждать мне долго не пришлось,—
дверей не закрывай.*

*Не нарушая тишину ночную,
тебя во мраке комнаты найду
и, наглядявшись на мою родную,
я нежно поцелую и уйду.*

*
Анафема

Постигла предателя кара,
скора
и яра.
Там, где зарыт он,—
не растут
ни бурьян,
ни лопух,
ни болотные дудки,
ни блошинный чесоточный мох...
Только бурые лишаи,
как коровьи лепешки,
расползаются по раскисшей земле.
Там, где зарыт он,—
не летают
ни ворон,
ни ястреб,
ни стервятник,
ни филин...
Только мерзкий шакал, озираясь,
разрывает вонючую яму
и падаль терзает...

А едкий углекислый газ
восходит пузырями
из тьмы,
где тело, разложась
и превратившись
в жижу, грязь,
исчезло под корнями.

*
Рассветные блики в тоннеле
тускнели,

его расстреляли в тоннеле.
И камень тоннеля был склизок от сырости
ночи.

И втопанный след сапога был на кромке
земли у тоннеля,

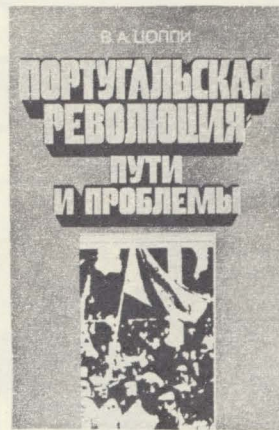
а не синие, нежные травы.
И где-то вдали убивались
несчастные маки
и скорбные сосны,
предчувствуя нюхом природы...
А птицы,
беспомощно птицы
кружили, кружили, кружили,
и падали перья
обуглившимися свечами.
Как страшно родным ожидать
глухие и краткие звуки!..
Как в вату...
Не в вату, а в сердце...

*
Я, мальчик, над Невой
тех выстрелов не слышал...
В час ранний, заревой
я за съестной травой
с дружкой из дома вышел.
Но позже
эхо их
в мой город долетело —
в час взрывов бомбовых,
в кровавый час обстрела.
От эха
боль-игла
прошла по сердцу разом,—
так режут зеркала
безжалостным алмазом.

*
Когда я встречаюсь с Младеном¹
с соратником, другом героя,
воздушные замки не строя,
все ж кажется мне,
что нас трое,
что с ним я — с живым, неизменным.
Не можем ли мы по Софии,
под мягкою сенью каштана,
живые, живые, живые
все трое пройтись необманно?
Из ясной улыбки Младена,
открытой улыбки солдата
я образ леплю постепенно
Николы, живого когда-то.
Своею единственной книгой,
единственной жизнью своею
дружить со странною великой
призвал он, навеки светлея.
А дружбу он видел такую:
не просто словцо,
не для вида,
но честной, святою, простою,
как в Банско скала из гранита.

*
Синее небо,
синие горы,
красные кровли —
Банско.
Вот и вхожу я
путником пылким
братом по крови —
братски.
Снеги по склонам,
скользя осыпь,
серые серны —
броско!
Мелкие чувства
пылью отрину,
честью венчаюсь —
в Банско!

¹ Младен Исаев — видный современный
поэт, дважды Герой Социалистического Тру-
да, друг Н. Вапцарова; был арестован вмес-
те с ним в 1942 году.

ВСЛЕД ЗА ПОРТУГАЛЬСКОЙ ВЕСНОЙ

Кудрявый мальчуган с гвоздикой в кулаке пытается дотянуться до дула винтовки, чтобы вставить в него цветок... Этот плакат сегодня известен каждому, кто с волнением и радостью читал первые сообщения о празднике освобождения португальского народа от фашизма, о знаменитой «революции гвоздик» 25 апреля 1974 года.

В те дни мы начали заново открывать для себя страну, незаметно и незаслуженно «потерявшуюся» на карте Европы. Почти столетия салазаровский режим искусственно изолировал Португалию от внешнего мира, к нам доходили лишь приглушенные отголоски происходивших в ней событий. И вдруг — лавина информации, целые потоки сообщений о том, что же случилось в этой стране. В полноводье новостей подчас было нелегко разобраться. Сложной и противоречивой была сама обстановка, в которой началась ломка прогнившего режима.

Недавно в издательстве «Международные отношения» вышла книга известного журналиста-международника Виктора Цоппи, которая на основе огромного фактического материала обстоятельно анализирует причины и особенности развития португальской революции. Автор умело и увлекательно рассказывает о напряженной политической борьбе в этой стране, объясняя ее характер и серьезно исследуя расстановку и взаимодействие различных политических сил.

...Казалось, все произошло тогда быстро, просто: военный переворот в один день принес полный и неоспоримый успех Движению вооруженных сил. Но на самом деле революция только-только начиналась. Вопреки воле и расчетам крупной португальской буржуазии, заокеанских и натовских стратегов, которые готовы были снисходительно посмотреть на замену одряхлевшего и неэффективного салазаровского режима властью более энергичной, но при этом четко ограниченной узкими рамками традиционной демократии, события приняли иной оборот. Португалия решительно заявила, что косметические приемы никого не удовлетворят — стране нужны коренные перемены. В книге «Португальская революция: пути и проблемы» В. Цоппи уделяет особое внимание борьбе народа за осуществление социально-экономических преобразований, которую возглавила вышедшая из подполья Португальская коммунистическая партия.

В ответ последовала попытка правого переворота, затем реакции подыграли представители левых элементов, также попытавшиеся насильственным путем сдвинуть в сторону еще не устоявшуюся ось политической жизни страны. Шантаж международных монополий, неприкрытый нажим НАТО, грубые окрики из-за океана, закулисные интриги деятелей европейской социал-демократии и подстрекательство со стороны церкви к антикоммунистическим вылазкам — в ход было пущено все, что могло бы затормозить или повернуть вспять движение Португалии к подлинной демократии и независимости. В. Цоппи обстоятельно анализирует каждую из этих попыток, разоблачая истинные планы и цели «друзей» Португалии, которые под разными предлогами упорно пытались внести свои поправки в ход революции. Мастерство, с которым журналист ведет этот рассказ, придает книге характер политической хроники.

И. ЕГОРОВ

Виктор Цоппи. Португальская революция: пути и проблемы. М., «Международные отношения», 1979.

Лекцию на медицинском факультете читает декан С. Павилонис.

Вильнюсский университет.

СТАРЕЙШИЙ

Вильнюсскому университету, старейшему в стране, четыреста лет. Старинные его своды хранят память о Мелетии Смотрицком, чья «Грамматика» была «вратами учености» для Михаила Ломоносова. Тут преподавал поэт-гуманист М. Сарбевский, увенчанный лаврами в Риме. «Логикой» профессора Смиглевского пользовались доктора Оксфорда и Сорбонны. В XVII веке К. Семеновичус написал трактат «Великое искусство артиллерии». Здесь учились Адам Мицкевич и Тарас Шевченко...

Славные традиции университета множатся в наши дни. Повсеместно известны его математическая, физическая, медицинская, лингвистическая школы. Работы бывшего выпускника университета, а ныне ректора, Героя Социалистического Труда Я. Кубилюса, по словам академика Ю. Линника, «представляют крупный вклад на стыке двух направлений математической науки — теории вероятностей и теории чисел... Теперь им построена глубокая, стройная и далеко продвинутая теория». Славится школа теоретической физики А. Юциса и исследования физических свойств полупроводников П. Бразджюнаса.

Проходят здесь конференции по теории вероятностей и математической статистике, по строению атомов и молекул. В прошлом году

на физическом факультете работала первая международная школа по применению лазеров. Инициатором ее проведения был академик Рем Викторович Хохлов, и посвящена она была его памяти.

— Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов» — для нас прямое руководство к действию, — говорит бывший выпускник и нынешний проректор университета Я. Григонис. — Успех учебного процесса во многом зависит от уровня научных исследований. В университете, где рядом с математиком — генетик, а рядом с физиком — химик, создаются благоприятные условия для работы на стыке наук.

Сейчас в университете 16,5 тысячи студентов и 1400 научных сотрудников и преподавателей, 13 факультетов и более ста кафедр. Ежегодно две с половиной тысячи дипломированных специалистов идут отсюда в народное хозяйство, в науку, в школы республики. Университет сотрудничает со многими научными центрами нашей страны и с зарубежными университетами — Пражским, Краковским, Грейфсвальдским, Дебреценским, Браззавильским.

И. МИХЕЕВА

Фото В. НАУЙКАСА

...Старый Вильнюс. Тесные улочки, булыжные мостовые, окна, узкие, как бойницы, обитые красным плющом. А вот и улица Сруога, названная именем университетского профессора, испытавшего ужасы фашистского концентрационного лагеря. Здесь, в центре города, находится главное здание университета. Выглядит оно так молодо, что поневоле удивляешься, почему же годы не оставили на нем разрушительных следов. Это заслуга современных художников-реставраторов — они не только вернули зданию былой об-

лик, но и сделали все, чтобы работать и учиться тут было удобно.

На фасаде главного корпуса — математические и астрономические атрибуты. По широкой мраморной лестнице, минуя коридоры с крестовыми сводами, попадаешь в овальные дышания веков залы, аудитории, учебные кабинеты. Темная деревянная мебель сработана по эскизам современных литовских художников, много картин, витражей.

Малая аула — зал для торжественных заседаний ученого совета. Белый овальный стол, кресла, обитые коричневым бархатом. Здесь вручаются дипломы, идет защита докторских диссертаций.

В зале с цилиндрическими сводами, расписанными профессором Смулявичюсом в начале XIX века, а ныне носящем его имя, когда-то размещалась столовая, затем музей древностей. Теперь это читальный зал древних руко-

писей. На высоких столах под стеклом — том Коперника «О вращении небесных тел», «Метаморфозы» Овидия, первая книга на литовском языке — «Катехизис» Мажвидаса. В университетской библиотеке хранится более 300 бесценных инкунабул. А всего в ее фондах — около четырех миллионов книг.

Работы ученых Вильнюсского университета теснейшим образом связаны с народным хозяйством. Заведующий кафедрой прикладной математики профессор А. Бикялис рассказывал нам о том, как проводились здесь исследования по теории вероятностей и математической статистике помогают контролировать качество продукции. Если у вас дома есть продукция Каунасского радиозавода, то знаете: к ее производству причастны и ученые Вильнюсского университета.

В цехах радиозавода стоит

сложная аппаратура, контролирующая качество переключателей каналов телевизоров. Эталона для проверки точности измерительных стенов до сих пор не было. Приходилось проверять работу стенов косвенно. На помощь пришли сотрудники университетской кафедры — вместе с инженерами завода предложили «статистический эталон». Как это понять? В один день замеряют параметры одного изделия сразу на двадцати стендах и статистически сравнивают полученные результаты между собой. И те стеноды, на которых показатели отклоняются от средних, отправляют на ремонт. Инженер завода А. Неманис защитил на эту тему кандидатскую диссертацию. Получен значительный экономический эффект.

На физическом факультете сконструированы дефектоскопы, предназначенные для высокопро-

Ректор, академик АН Литовской ССР И. Кубилюс на международной конференции по теории вероятностей.

изводительного контроля монолитности крупногабаритных изделий. Они очень надежны, высокочувствительны и к тому же невелики по размерам.

А естественники университета? Нет, они ни в чем не уступают своим коллегам — физикам, математикам, химикам. Заслуженной славой пользуется университетская клиника. Сложные операции на сердце делает профессор А. Марцинкявичюс, его коллеги и ученики.

Мы попали туда, когда шли приготовления к одной такой операции: предстояла замена сразу трех сердечных клапанов. Шесть долгих часов боролись хирурги за жизнь больного. А потом... Потом врачи неторопливо мыли руки, спокойно, хотя и устало переговаривались, и стало ясно: редкая эта операция прошла удачно...

В клинике оперируют на сердце, кровеносных сосудах, производят пересадку почек, ликвидируют легочную эмболию... Медики университета в постоянном поиске. Вот некоторые их «находки»: аортальный клапан, аппарат искусственного кровообращения с большим набором насосов — он позволил расширить возможности лечения самых сложных заболеваний.

Ученые с кафедры генетики занимаются проблемами охраны окружающей среды, приспособления организма к вредным факторам, ищут пути повышения урожайности сельскохозяйственных культур. Доцент Р. Лекавичюс изучает действие химических веществ на наследственность животных и человека. Работают тут и над другой важной проблемой: в сельском хозяйстве приходится применять много азотных удобрений, и тут очень важно соблюдать меры предосторожности, чтобы не повредить здоровью человека. На кафедре разработаны рекомендации: как хранить удобрения, как с ними работать.

Или еще такой актуальный вопрос: влияние на организм инсек-

тицидов, в частности широко известного порошка ДДТ — он разрушается трудно и накапливается в окружающей среде. Проведенные исследования, наблюдения за водоплавающими птицами позволили установить связь между загрязнением водоема ДДТ и гибелью птиц, нарушениями их наследственного аппарата.

Работают генетики и над улучшением сельскохозяйственных культур. Большие площади засеяны ячменем — культурой номер один в республике. Известно, что ячмень — это перловая и ячневая крупы, концентрированные корма, сырье для текстильной, фармацевтической и кондитерской промышленности. Заведующему кафедрой В. Ранчалиусу удалось получить мутант этой культуры — ячмень неполегающий, с повышенным содержанием белка.

Стоит рассказать и о гуманитариях. Вот, скажем, языковедение способно удивить человека, далекого от этой науки. Оказывается, литовский язык имеет много общего с санскритом — и в фонетике, и в словарном составе, и в грамматике. Он архаичен, как и санскрит, и поэтому весьма важен для сравнительного языковедения. А знаете ли вы, что история славянских языков связана с историей балтистики, включающей изучение литовского, латышского и древнепрусского языков?

— Литовские диалекты отличаются один от другого гораздо больше, чем, например, русский и белорусский языки, — рассказывает профессор З. Зинкявичюс. — Иногда деревни находятся совсем рядом, а различия в диалектах огромные. В чем дело? Оказывается, в прошлом здесь проходила граница двух княжеств. Для изучения диалектов литовского языка организуя совместные экспедиции Академии наук республики и университета. Сейчас эти диалекты хорошо изучены и описаны. Это особенно важно потому, что балтийские языки не имеют древних письменных памятников.

Центром исследований в области баллистики стал Вильнюс. В университете выходит международный журнал «Балтистика», и редколлегия его в основном состоит из преподавателей университета. Стажироваться на кафедре филологического факультета приезжают из Польши, Чехословакии, Болгарии, ФРГ, Англии и даже Исландии.

Как многообразна деятельность старейшего университета страны, какой это сложный и большой организм! Неудивительно, что ему давно уже стало тесно в старых стенах главного здания и всех остальных корпусов, разбросанных по городу. Поэтому он растет в самом прямом смысле слова. Сейчас в Антакальнисе, новом районе столицы Литвы, поднимается университетский городок. Уже высятся три восьмизатяжных факультетских корпуса. В каждом из них — лаборатории, оснащенные современным оборудованием, аудитории, столовые и, конечно же, библиотеки.

Физический факультет уже стал новоселом этого городка. Входим в одну из аудиторий. По внутреннему двухканальному телевидению демонстрируются микросхемы, которые без микроскопа рассмотреть трудно. Пульт позволяет мгновенно затемнить аудиторию, спустить экран, сменить слайды...

В старинном университете в учебный процесс активно вторгается современная техника. Лингафонные кабинеты филологического факультета уже получили не одну медаль на Выставке достижений народного хозяйства. Заниматься здесь очень удобно. А вот и новшество — аудиовизуальный зал. Это большой кабинет со столом посередине, в который вмонтировано сенсорное устройство. Тут же и закрытые кабинеты.

Под старинными сводами кипит полнокровная жизнь. Здесь заботятся о быте студентов, о физической закалке и о духовном богатстве. В новом студенческом городке самыми высокими здани-

ями будут 16-этажные общежития. В соединяющих их корпусах расположатся спортивные залы и бытовые помещения. Построены и четырех-пятиэтажные общежития. Отделанные желтым кирпичом, с разноцветными балконами, дома эти выглядят очень живописно на фоне зелени. Будет тут и спортивный комплекс.

А студенческий театр и его своеобразный зал с деревянными перекрытиями и деревянным же балконом! Любому студенту непременно сообщат вам, что этот театр — едва ли не первый в Литве. Сейчас в университете несколько театров: Поэтический, основателем которого считается Адам Мицкевич, Миниатюр, Студенческий, где студенты не только режиссеры, актеры, но и авторы пьес; и единственный в Литве Театр двора, культивирующий мистериальную форму. Руководит им выпускник ГИТИСа В. Лимантас. На юбилее университета в большом дворе играли пьесы Ю. Марцинкявичюса и В. Креве. Играли ночью, при свете прожекторов. И это придавало спектаклям особую прелесть. На представлениях, естественно, приходили не только студенты, но и их родные, знакомые, просто почитатели таланта молодых, гости Вильнюса. Сейчас театр готовит «Мистерию-буфф» В. Маяковского. А в трехгодичной студии студенты учатся актерскому мастерству, сценической речи, движению.

* * *

...Старинные часы бьют пять раз. В это время по понедельникам в университете начинается научный семинар по математике: докладывают о новых теоретических исследованиях. Сегодня на семинаре с докладами выступают специалисты по статистике из Индии — доктора Р. Брад и С. Адке.

...Обычный день дважды орденосного Вильнюсского университета имени В. Капсукаса.

М И Р Х О Р О Ш

Виктор ЛОГИНОВ

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Тропа пересекала Берендеево болото.

Летом по тропе ходили на станцию. Приносили мануфактуру, керосин, а заодно и петушков на палочках. Петушки были разноцветные: красные и зеленые. Их ставили в кружку и запирали в буфет. Они заманчиво поблескивали сквозь стекла. Чтобы получше разглядеть их, Витюшка старался подпрыгивать повыше. Дед Василий Кузьмич грозил ему пальцем: «Ишь, завидуешь! Погоди, все твои будут!» Он выдавал Витюшке по петушку в день. Витюшка каждый день радовался. Наигравшись с петушком, подбегал к деду: «Лизни, дедушка!» Дед Василий Кузьмич лизал кончик петушиного хвоста, зажимившись и говорил: «Слаще сладкого! Отдашь весь?» «Да бери, бери, не жалко!» — соглашался Витюшка. Дед Василий Кузьмич, довольный, улыбался и качал головой: «У меня, внучок, зубы болят».

В те годы петушки на палочках были самым знаменитым лакомством. Такие крепенькие, такие прозрачные — надолго запомнил их Витюшка. Петушки снились ему в юности. Они да еще тропа, пересекающая Берендеево болото, снились чаще всего. Вернее, с петушков да с тропы начинались все воспоминания.

Светлые цветные сны воскрешали в памяти детство: село, над которым возвышалась белая праздничная колокольня, людей, любивших Витюшку, ребячьи забавы и разные необыкновенные случаи. Но сны, воскрешая детство, приукрашивали жизнь, являли прошлое в розовом свете. И чтобы не нарушалась правда, нужно было в утренний час все припомнить сначала, прибавить яви, перемешать сны с явью. Это верный способ, спотыкаясь на дороге — а память та же дорога, — донести правду живой, не безмолвной.

С разноцветных петушков да с тропы начинались воспоминания... С этого, именно с этого и началось у Витюшки детство.

Это было пятьдесят лет назад. Значит, полвека с тех пор прошло. Полвека? Странное дело... Отчего же так зелена, вся в солнечной вязи, тропа через болото, так озорно хохочет, валяясь на лужку, дядя Мишкишка, так живо смотрят на тебя из-под седых бровей глаза деда Василия Кузьмича? Какое чудо эта память!

Так вот, Берендеево болото делило землю на две части, наверняка неравные: по одну сторону лежало село с пашнями да с малыми

перелесками, по другую сторону были станция и весь остальной мир. И туда, на станцию, и еще дальше, на край света, за моря да за океаны, вела зыбкая узенькая тропка. Начинаясь она за селом, петляла в черном, словно обгоревшем снизу ельнике, потом сбегала под горку и там, в низинке, с каждым шагом становилась все мягче и мягче. Травянистый дерн начинал пружинить под ногами, стоило только попрыгать на одном месте, сквозь траву просачивалась коричневая вода, из-под земли слышалось какое-то утробное чавканье. Витюшка это загадочное чавканье пугало. Попрыгав на тропе, он стремглав мчался по взгорку в ельник, иногда с диким криком, и долго потом не решался спуститься еще разок. А тропа чем-то притягивала, манила, звала. Притягивали взгляд серебристые и легкие, как пар из чашки, дымки над болотом. Они поднимались то в одном месте, то в другом, волнисто струились в воздухе и таяли бесследно. Витюшка подолгу сидел на взгорке, там были старые пни, глядел на тропу и на все болото, золотисто-рябое, словно подрумяненное. Со взгорка было далеко видно, чуть не до самой станции. В ясные дни станцию обозначали темные дымы, стелющиеся по горизонту. Доносились оттуда протяжные звуки — паровозные гудки...

Нет, Витюшка не думал тогда о железной дороге, он ее еще не видел. Не думал он и о станции, просто не мог ее представить. Его воображение было захвачено одной тропой, петляющей в траве и в кустарниках. Дед Василий Кузьмич говорил, что под нею, как подо льдом, глубокая вода. А вокруг тропы — страшные хляби: ноги провалятся, затанет трясина, только пузыри пойдут. И все-таки люди ходят по тропе, ходят каждый божий день и не проваливаются. Как же так?.. «А так, — объяснял дед Василий Кузьмич, — очень просто. Шагай себе по тропе, ни вправо, ни влево, все по тропе да по тропе — и не провалишься. Тропа пешего выдержит». «И меня выдержит?» — с затаенным страхом спрашивал Витюшка. Дед Василий Кузьмич хитровато смотрел на него и, качая головой, говорил: «Тебя? Нет, одного не выдержит. Засосет трясина, и поминай как звали». «И не найдут потом?» «Никогда не найдут, Витюшка. Так что, вот, заруби себе на носу».

Не зря так сурово говорил дедушка. От таких слов призадумался. И Витюшка думал, думал, присев на пенек. Он думал, как рассердится дед Василий Кузьмич, если узнает про его шалости, и как жутко очутиться на тропе одному, а тропа, пересекающая Берендеево болото, все звала, все заманивала...

Витюшка хорошо помнил своих одноклассов. Только на том краю села, где он жил, их было не меньше десятка. Беленькие, рябенькие, рыжие, мал мала меньше, «бесштанна кавалерия», как говорил один чудной мужик по имени Мишкишка. На десяток пацанят — две или три девочки. На другом краю села то же самое.

Село белое, избы высокие... Новые избы, новые заборы и палисадники, новенькие мостки для стирки белья на пруду. Рябинки, и те росли под окнами новые, молодые. От бревен, из которых дед Василий Кузьмич сложил избу, от ступенек и перил крыльца еще пахло по-весеннему — свежим, сочным. Еще кудрявые стружки разносились ветерком по улице. Радостно было догонять их, потом бежать маленькой оравой к пруду, к церкви, оттуда поворачивать налево и снова бежать по зеленой улице, по бархатной травке на другой конец села, где всегда шумели, как будто разговаривали друг с дружкой, высоченные березы. Под ними пахло грибами и было пасмурно, в самый солнечный день.

Мальчишки и, конечно, Витюшка вместе с

ними бегали наперегонки. С криком, с визгом срывались с места, а поустан, только пыхтели, стараясь не отстать от Сережки Сонкова. Куда там, Сережка отрывался от остальных и прибегал под березы всегда первым. Да он и постарше был, поголенастее, в своих длинных, до пят, холщовых штанцах, застегнутых на одну пуговку. С трудом припоминая, Витюшка видит этого мальчишку рослым и глазастым, с копной овсяных волос на голове. Глаза посверкивают, как маленькие фонарики. Озорник и драчун, этот Сережка Сонков, Витюшкин сосед. Настоящий это портрет или больше придуманный — теперь сказать трудно. Единственное, за что можно ручаться: пожалуй, бегал Сережка действительно быстрее всех. И еще волосы... Да, волосы у Сережки были пышные, овсяные. И пуговица... Костяную пуговицу на Сережкиных штанах Витюшка тоже не придумал. Память много сохранила, по кусочку, по крошечке, а то и целиком, с самыми малыми подробностями, и стоит поднапрячь ее, память, как освещается прошлое и возникают картины одна другой отчетливее.

А теперь надо обязательно рассказать про Мишкишку.

Этот человек родился и жил в том селе, где родился и рос Витюшка.

Он был... А кем он был?

Спустя много лет, когда Витюшка вырос и стал совсем взрослым, он мог бы назвать Мишкишку деревенским шутом, скоморохом, несостоявшимся артистом. Но во времена Витюшкиного детства, кажется, все без исключения считали Мишкишку бездельником, пустым человеком. Над ним смеялись, его беззлобно презирали. Зато детвора просто увивалась вокруг этого заманчивого и забавного человека. Случалось, он кричал на ребятишек, когда они особенно досаждали ему, и даже драл за уши, и притом пренебрежно, но никто не сердился на него за это. Каждый мог подбежать к нему, повиснуть на руке или, если позволяла ловкость, взобраться на спину: «Дядя Мишкишка, вези!» И он вез, беззлобно поругиваясь. «Дядя Мишкишка, сделай свистульку!» Мишкишка вел ораву мальчишек в кусты, ломал прутья и для всех вырезывал свистки и дудочки. Он делал это очень быстро и умело. «Дядя Мишкишка, сыграй нам!» — просили ребятишки. И он соглашался: «Бегите, пострелята, за моей балалайкой!»

Витюшка не раз бегал за Мишкишкиной балалайкой.

Мишкишка со своей женой, толстой рябой теткой, жил в избе, окошки которой чуть ли не наполовину вросли в землю. Надо сказать, ветховата была избушечка. И ни заборчика вокруг нее, ни огорода не было; сзади, за глухой стеной избы, росла крапива...

Сени у Мишкишки были просторные, темные и скрипучие. Оттуда вела дверь в единственную комнату с печкой посередине. По одну сторону печи были полаты, по другую на голой закопченной стене висела балалайка. Витюшка хватал эту балалайку и опрометью кидался на улицу.

Витюшка до сих пор помнит серую, в черных пятнах, печку, просторные полаты под потолком, в сумрачной глубине которых, по детским понятиям, вполне мог прятаться усатый, как кот, весь в шерсти, домовый. Витюшка видит почерневшую от копоти стену, гвоздь в ней и балалайку на гвозде — единственное богатство и предмет горячей любви дяди Мишкишки. Играл он на этой балалаечке виртуозно. Она по-птичьи летала у него в руках, и летали, били по струнам длинные Мишкишкины пальцы...

Среди взрослых (больших) у Мишкишки не было друзей. Он сторонился, может быть, да-

И И

же побаивался их. Зато с ребяташками чувствовал себя как рыба в воде.

— Гей, гей, бесштанна кавалерия!

Услышав призывный клич, ребяташки выбегали на улицу и со всех ног бросались к дяде Микишке. И начиналась потеха!

Сначала дядя Микишка пускался плясать присядку. Бренкая на своей балалайке, он так ловко и так забавно выбрасывал в стороны босые ноги в коротких портках, что ребяташки восторженно ревели и покатывались со смеху. Самые озорные и смелые, а уж Сережка Сонков обязательно, принимались подражать дяде Микишке, да только неуклюже падали на спину, задирая ноги. Дядя Микишка весело подзадоривал их, подмигивал и, отталкиваясь пятками, взлетал над лужайкой, как мячик.

— Я ить и по проволоке бегать могу, — поустав, хвастался он. — Натяни мне проволоку от дома до дома — пробегу, как по мосткам, не сорвусь, ей-богу!

Оглядывая ребяташек, спрашивал:

— Кто натянет? Охотников нет? А поглядеть хочца, бесенята?

— Хочца, хочца-а!..

— Ну вот...

Дядя Микишка лениво подымался (обычно он полеживал на спине, скрестив полусогнутые ноги) и, привстав на цыпочки, раскинув в стороны руки, быстро семенял от одной рябины к другой.

— Во, все одно, что по проволоке. Чистая работа! Натяни мне проволоку — сделаю то же самое. И не сумлевайтесь: все будет точно так!

Очень любил дядя Микишка показывать лешего. Он поджимал под себя ноги и сосредоточенно замирал. И вдруг лицо его, заросшее мелким серым волосом, начинало помаленьку меняться. Борода отчего-то прогибалась в

сторону, а одна из бровей становилась все шире и шире, превращалась в хохолок и вытягивалась, нависая над глазом. Этот глаз прятался, другой же выпячивался и светлел, в нем начинали прыгать зайцы. Рот растягивался в ухмылке, между красных губ появлялся белый клык. При этом волосатые уши дяди Микишки приходили в движение: одно мелко подрагивало, другое сжималось и разжималось.

— Кхе-кхе, — раздавалось скрипучее покашливание. — А кого из вас, пострелята, ко мне посылали? А ну-ка?

От такого фокуса ребяташки шарахались прочь. Тогда дядя Микишка верещал позаячи, проводил ладонью по лицу и, став самым собой, доверительно говорил:

— Чай, боязно? Здря, бесенята, здря, пра слово. Он не страшный, леший. Он вроде бы меня, живет не тужит. Я ить с ним, как с вами. И мед-пиво пивал. По бороде текло, а в рот не попало.

Когда пляски под балалайку и разные другие невинные забавы ребяташкам надоедали и дядя Микишка это замечал, он чесал пятерней в затылке и, как будто нехотя, спрашивал:

— За огурками, что ли, бесенята, слазить?

— Слазить, слазить! — возбужденно кричали все.

— Только чтобы... это... — Не договаривая, дядя Микишка грозно оглядывал всех до одного.

Ребяташки согласно кивали головами, прекрасно его понимая. Ведь полезет дядя Микишка в огород к кому-нибудь из них. Огурцы растут в любом огороде. У всех есть свои огурцы. Но ворованные, конечно, вкуснее. И дядя Микишка лучше всех это знает.

Разве Витюшке забыть, как они, маленькие, сидят, прижавшись друг к дружке, в какой-нибудь канаве, а дядя Микишка, их верховод, по-змеиному ползет в траве вдоль забора. Подходящую дыру он находит или проламывает и, как хорь, исчезает в зеленом сумраке огорода. Бесконечно бегут секунды, ребяташки устают наконец и вытягивают шеи: где там дядя Микишка? Скоро ли он появится?.. А он тут как тут, сваливается в канаву, вываливает огурчики из-за пазухи, вытаскивает репу и морковь из карманов, подмигивает своим друзьям, хрустит сочным огурцом. И все хрустят, торопятся, делают вид, что голодны, и чувствуют себя героями. Всем море по колено, когда рядом дядя Микишка!

От игр и шалостей, от веселой возни с ре-

бяташками иногда отвлекала дядю Микишку его рябая жена. Она всегда была какая-то сонная, измятая, словно полупьяная.

— Микишка-а, — тянула она, как маленькая, — вот слушай, поисть бы чо-о?

— Проще простого, — отвечал дядя Микишка, — пошарь на печи.

В другой раз он дружелюбно предлагал жене поискать на полатах.

— Так ить там нет ничего, — плаксиво говорила тетка.

— А было! — авторитетно заявлял дядя Микишка. — Точно тебе говорю. Куда девалось? А? Ступай теперь к соседям: они штец дадут. У них сегодня, я знаю, шти с мясом. Да мне принеси. Ложку, смотри, не забудь!

— Пошел бы ты-ы, — тянула рябая Микишкина жена.

— Я?! — оскорблялся дядя Микишка. — Когда мне ходить-то? Я делом занят!

Тетка укоризненно качала головой. Иногда она сердилась, и тогда сонное выражение слетало у нее с лица, глаза хищно загорались.

— Мотри! — кричала она, грозя мужу пальцем. — Мотри, нечистый дух, побью я твою балалаю! В щепы измочалю!

— Попробуй только.

— А вот и попробую!

— А попробуй!

— Да уж попробую!

— А я, поклеванная, коли так, избу подожду!

— Ты? Подождешь? — не верила тетка. — А жить-то где, демон, будешь? В крапиве?

— Я? Вона-а что! Чего мне печалиться-то? Я где хошь проживу! На насесте, как петух, с курами — и вся недолга!

Дядя Микишка садился на корточки, сжимался в комок, вытягивал голову и отупело глядел на свою жену, показывая, как он устроится рядом с курами на насесте. Этим он сражал рябую тетку наповал. Она отмахивалась, как от нечистой силы, и убегала. А дядя Микишка вдогонку орал петухом.

Он подражал всем животным и птицам, умел передавать громы грома, свист ветра, плеск и журчание воды. Все он умел делать, даже стоять на голове и ходить на руках.

— Я ить и летать умею, — по секрету признавался он ребяташкам. — Один день в году.

— А ну полетай! Дядя Микишка, полетай маненько! — принимались упрашивать его ребяташки и Витюшка тоже.

Дядя Микишка озадаченно почесывал в затылке.

— Это вам легко говорить, бесенята: полетай да полетай. А как я день угадаю? Ну пораскиньте своей мозгой. Вроде бы чего проще, снялся с крыши да полетел. А день-то, гляди, не тот. Об землю хрястнешься — и снесут на погост, поминай как звали дядю Мишкишку!

Он оглядывал затаивших дыхание слушателей и скорбно осведомлялся:

— Али все ж полететь?

И ребятишки хором отвечали:

— Не надо, дядя Мишкишка, мы не хотим!

— Ну ладно, — соглашался он, — не полечу.

Но однажды Сережка Сонков заставил-таки дядю Мишкишку залезть на крышу.

Сонковы были родственниками Витяковых. Витюшкина бабушка приходилась двоюродной сестрой деду Сонкову, мрачному одноглазому старику с красной, пересеченной шрамом щекой. Этот одноглазый дед Потап вызывал у Витюшки непонятный ужас. А Сережка Сонков доводился этому деду внуком.

Отца у Сережки не было. Давным-давно Сережкин отец уехал в город и пропал. В городах, которые лежали за Берендеевым болотом, люди, по словам бабушки, пропадали часто. Уйдет человек из дому, глядь, и пропал. Вот так же ушел однажды и пропал Сережкин отец. Скорее всего уязв в Берендеевом болоте. А иначе куда же он мог бы подеваться? Витюшка был уверен, что Сережкиного отца засосала трясина. Правда, сам Сережка с этим не соглашался. Он считал, что его отец уехал в Сибирь за золотом. Сибирь далеко, три года туда ехать. Именно три года, так уверял Сережка. А всего отец был в отъезде уже пять лет. Значит, три года он ехал туда, потом набрал золота — в Сибири золота, между прочим, целые горы, Сережкин отец набрал его два мешка, — а теперь едет с золотом обратно. Скоро привезет — и тогда он, Сережка, всем задаст! «Вот посмотрите, какой я буду, — грозился он, — когда отец привезет сразу два мешка золота! Меня никто не тронет! И дед тоже не тронет!»

Дед Потап драл Сережку за уши.

Сережка же драл за уши ребятишек, своих двоюродных братьев. Доставалось от него и чужим. Вцепившись кому-нибудь в ухо, он говорил: «Меня дерут, а я что, терпеть буду?»

Чужие, кто послабее, спасались пронзительным визгом и ревом. Громкого крика Сережка не переносил. Сильные и бойкие не давали себя в обиду. Витюшка не принадлежал к их числу. Но он и не заверещал, когда Сережка пребольно схватил его за ухо. Скривился, запрыгал на одной ноге, но не выдавил сквозь зубы ни звука.

— Ты чего молчишь? — удивился Сережка.

Витюшка упрямо молчал, только прыгал.

— Не закричишь — ухо оторву!

Витюшка молчал.

— Ну и дурак! — обиженно сказал Сережка, оттапливая Витюшку. — Я тебе с мясом ухо вырву!

Поглаживая ухо ладошкой, Витюшка и сам пригрозил:

— А я с тобой водиться не стану, вот помотришь.

На Сережку это подействовало сильнее всякого рева. Больше он Витюшку не трогал. А с дядей Мишкишкой вот что случилось.

Сережка Сонков дядю Мишкишку все время передразнивал. Тот скорчит рожу или как-нибудь смешно усядется, Сережка тотчас же пробует сделать то же самое. Да еще показывает всем своим видом, что делает не хуже. Но ребятишкам ясно, что это не так, Сережкины потуги ни у кого не вызывают смеха, и лишь дядя Мишкишка поощрительно улыбается. Сережка из кожи вон лезет, лицо у него становится красным, на облупившемся носу выступает прозрачными росинками пот. Стараются изо всех сил, а толку никакого. «И-и, бесенок! Отдохни маненько, — сострадательно скажет дядя Мишкишка. — Устал, чай?» Сережка отойдет в сторонку и, насупившись, смотрит исподлобья. Все смеются, а он хмурит свои рыжие бровки и что-то бормочет себе под нос, бледнея от обиды. Проходит минута — и на него перестают обращать вни-

мание. И, кажется, это обижает его пуще прежнего.

Так вот, Сережка-то чуть было не заставил дядю Мишкишку прыгнуть с высокой крыши овина.

— А врешь ты все, — сказал он, когда дядя Мишкишка, хитровато прищурившись, опять похвастался, что умеет летать. — Вот бы и полетал.

— Так ить я говорю: день угадать надо, — напомнил дядя Мишкишка. — Зимой али летом — я не знаю. А то осенью. Когда? Ты мне скажешь?

— Не скажу! — Сережка упрямо затряс головой, как будто знал день, но открыть не хотел. — Ты сам угадай.

— А ты помоги, если просишь.

— Помоги, Сережка, помоги! — закричали ребятишки.

— Отвяжитесь вы! — огрызнулся тот. Но вдруг призадумался, плутовато стрельнул глазами и проворчал: — Чего помогать, вот час пускай и летит. Этот день.

— Этот день, этот день! — обрадовались ребятишки.

— Это? — усомнился дядя Мишкишка.

— Чего, боишься? — спросил Сережка. — Умеешь, так полетай. А то нечего... Не умеет он — и все!

— Ну раз так, — сказал дядя Мишкишка, подымаясь с земли. — Раз этот день, значит, надо. Пошли, ежели ты, Серега Сонков, угадал. Мне-то что, я прыгну. Мотри только, как бы плакать не стал. Не боишься?

— Чего мне бояться-то? Это ты... А я чего?

— За мной, бесштанна кавалерия! — скомандовал дядя Мишкишка. — Туда, — указал он рукой в сторону старого замшелого овина. — Не угадал Серега Сонков нужный день — там и смерть приму. Плакать будете, бесенята?

— Не будем, не будем! — радостно откликнулись ребятишки.

— Не будете? — остановился дядя Мишкишка. — А тогда помирать-то зачем?

— Будем, будем-е!

Выбрасывая руки вперед, дядя Мишкишка широким торжественным шагом направился к овину. Рядом с ним, жадно заглядывая ему в лицо, семенил Сережка Сонков. А за ним, не отставая, гурьбой валили охваченные волнением ребятишки. Никто не кричал, лишь временами слышалось восторженное повизгивание.

Вместе со всеми бежал и Витюшка. Он поглядывал на овин и старался угадать, как полетит дядя Мишкишка. И куда он полетит? Прямо в небо? Или над землей станет кружиться, как грач?..

Не дойдя до овина шагов двадцать, дядя Мишкишка остановился.

— Ну, Серега, — сказал он, — тот день?

— Тот, — дерзко ответил Сережка.

Дядя Мишкишка картинно перекрестился.

— Не поминайте лихом, бесенята!

Он огляделся по сторонам, словно прощаясь со всеми, остановил взгляд на крыше овина.

— А как залезть? Полететь с крыши — раз плюнуть. Как на крышу забраться?

— По лестнице, — подсказал Сережка. — В овине лестница есть. Я знаю.

Может быть, Сережка знал все. Во всяком случае, он знал много такого, о чем Витюшка и не догадывался.

Дядя Мишкишка молча нырнул в овин, и оттуда через минуту раздался его голос:

— Ну, Серега, енералом будешь!

Он появился, весь в паутине, с лестницей в руках.

— Истинный святой дух — енералом станешь, не иначе.

Приставив лестницу к стене овина, дядя Мишкишка зачем-то поплевал на руки и проворно полез на крышу. Скоро Витюшка увидел его стоящим во весь рост на краю.

Дядя Мишкишка стоял молча. Ветер шевелил у него на голове волосы, лениво вздымал подол широкой ситцевой красной, в белый горох рубахи. Затаив дыхание молчали и ребятишки. Здрава головенки, они безотрывно смотрели на дядю Мишкишку. А он не шеве-

лился, лишь медленно, совсем медленно поводил головой, озирая окрестности.

Витюшке вдруг стало страшно. Взлетит дядя Мишкишка с крыши овина, пропадет в синеве неба, и больше его никто никогда не увидит. Не будет дяди Мишкишки, не с кем станет играть детворе. А рябая тетка, жена дяди Мишкишки, горько заплачет. «Куда вы дели моего Мишкишку?» — спросит она ребятишек. А кто ей ответит? Сережка Сонков — и тот не ответит. Не будет дяди Мишкишки, не будет его никогда! И совсем страшно стало Витюшке. «Не надо, дядя Мишкишка, не улетай от нас!» — захотелось ему закричать.

В этот миг дядя Мишкишка стал медленно поднимать руки. Он подержал их перед собой, а потом развел в стороны и помахал кистями. Руки у него были как крылья. На таких руках можно было долететь и до солнца!

— Не поминайте лихом! Прощайте! Не плачь, Серега! — печально донеслось сверху, и дядя Мишкишка присел, чтобы оттолкнуться ногами и взлететь высоко-высоко.

И он оттолкнулся бы и взлетел, Витюшка в этом и не сомневался, если бы его не остановил пронзительный, дикий крик. Дядя Мишкишка замер на короточках. Витюшка с ужасом оглянулся. Из деревни бежала к овину рябая жена дяди Мишкишки. Рот у нее от крика был большой и круглый, распущенные волосы взвивались, как грива у лошади, синяя кофта вздувалась пузырями.

— Мишкишка-а-а! — исторгла рябая тетка душераздирающий вопль.

— Ну вот, — сказал дядя Мишкишка и пригрозил на крыше. — Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Я ее звал сюда? Я ее не звал. Он склонил голову набок, наблюдая за подбегающей женой.

— Ну чего, пожар али чо?

— Слазь, Мишкишка! Сойди, непутевый, на землю! — взмолилась тетка, протягивая к мужу руки.

— Вона что! Только и всего? А я думал — земля треснула.

— Не прыгай! — убиесся! Я одна останусь.

— Проживе-ешь.

— Помру, Мишкишка! Куда мне одной?

— Кабы все такие помирали, погостов не хватило бы. Иди спать.

Тетка повалилась на колени, стала рвать на голове волосы.

— Горе мне с тобой, горе-е! Ну куды ты залез, куды, проклята-ай!

— А чего, — зло ввязался Сережка, — он полетать обещал. Ничего, пускай летит!

— Слыхала? — спросил дядя Мишкишка. — Лететь должен. Сойди с места, Маланья, а то зашибу.

— Не надо, не надо! — не выдержав, закричал Витюшка. — Дядя Мишкишка, не этот день, другой день, потом полетишь!

— Нет, этот! — стоял на своем Сережка. — Ты не знаешь. Этот день. Пускай летит, а то, значит, врет — не может! И нечего тогда!..

Рябая тетка проворно вскочила, прыгнула к Сережке и вцепилась в его овсяные волосы. Сережка остервенело заверещал.

— Маланья! — гаркнул с крыши дядя Мишкишка. — Отпусти бесенка! Отпусти, тебе говорят! — И, видя, что жена все еще держит отчаянно отбивающегося Сережку, прибавил: — Я спущаюсь, твоя взяла.

— Спускайся, спускайся! — нестройным хором откликнулись перепуганные ребятишки. Рябая тетка пнула Сережку, пригрозила:

— Мотри, удавлю в другой раз!

Дядя Мишкишка подобрался к лестнице и стал спускаться лицом вперед, как с крылечка. На последней ступеньке он остановился и, оглядев всех, подмигнул кому-то и сказал:

— Не вышло, бесенята, я не виноват.

— Пойдем домой, — потянула его за штанину жена.

Он недоуменно посмотрел на нее, словно впервые увидел.

— Не время. Ты что, аль не знаешь? Куры на насест не сели. Беги в избу, поклеванная, не пугай людей.

— Ой, демон, демо-он! — застонала тетка. — Голодная я, во рту и росинки с утра не было, ты бы поисть прине-е-с!

Г. Агапишвили. Род. 1949. СБОР ФРУКТОВ. 1979.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

Г. Кичигин. Род. 1951. Из серии «ОКНА». ДОЖДЬ. 1977.

Она заплакала и, махнув рукой, засемила прочь.

— Поспи, принесу,— вдогонку ей пообещал дядя Мишкишка. Он уныло покачал головой и вздохнул.— А вы тоже бегите домой, бесенята: спектакль больше сегодня не будет.

Почти все ребята уже разбежались, испугавшись рябой тетки. Возле лестницы стояли человека четыре. Среди них был и Витюшка. Дядя Мишкишка поманил его к себе. Витюшка подошел.

— Ты добрый,— сказал дядя Мишкишка, поглажив Витюшку по голове.— А жить как станешь? Добрым сладенького меньше достается. Я знаю.

— Достается,— возразил Витюшка.— Хочешь, я тебе петушка на палочке принесу, дядя Мишкишка?

— А принеси. Жоне петушка отдам. Вишь она, бедная...

— Обязательно принесу! Красного!

— Вот я и говорю: добрый. Весь в деда. Дед у тебя — золото, а не человек. Таких ба поболее.— Дядя Мишкишка помолчал и, улынувшись, прибавил: — Солнце для них светит, для добрых. Не все это знают. Солнце для добрых — золотое. Для злых — черное. Я знаю!

— Черное ночью,— сказал Витюшка.

— Для злых и днем черное. А земля черствая, как сухарь. Вырастешь — узнаешь, если добрым останешься.

Витюшка не понял этих слов. Но он их запомнил. И когда стал вспоминать — взрослым, большим — согласился с дядей Мишкишкой: все на земле, все хорошее — для добрых, и земля создана для добрых людей и добрых дел. Это самый главный земной закон. Хорошо знал это дядя Мишкишка. Знал дед, знали другие хорошие люди. На них-то и держалась все время земля. И будет держаться. Поговорив с Витюшкой, дядя Мишкишка спохватился:

— А где же наш Серега-енерал?

Из-за овина слышались редкие всхлипывания.

— Он,— сказал дядя Мишкишка и горестно покачал головой.

Сережка Сонков лежал на траве лицом вниз. Спина у него вздрагивала от рыданий. Вздрагивали даже темно-коричневые пятки.

По-прежнему горестно качая головой, дядя Мишкишка склонился над обиженным.

— Серега, а Серега?

Сережка не отзывался, словно не услышал.

— Ну погоди,— грустно сказал дядя Мишкишка, присев рядышком,— не удалось на этот раз, удасться в другой. Ты не унывай, добьешься своего. А вырастешь, енералом станешь, самым большим, это я тебе точно говорю.

— Уйди-и-и,— провыл Сережка, и тело его стало вздрагивать чаще и сильнее.

— Уйду, уйду,— мягко заверил дядя Мишкишка.— А ты вставай да домой беги. Может, папана твой приехал. С золотом.

— И прие-е-едет!

— Да, да. Ты здесь слезами обливаешься, а он на мешке золота сидит, тебя ждет. Где же мой сынок гуляет, думает папана, я его сейчас золотом осыплю, он всех в бараний рог свернет.

— И сверну-у-у!

— Верно, свернешь. С золотом ты нас всех в один миг осилишь, а навикнешь — и папано с маманей туда же, в бараний. А, Серега? С золотом-то, чай, хорошо будет?

Сережка приподнял голову. Блеснули мокрые злые глаза.

— Лучше, чем тебе. А ты врун!

— Ну какой я врун. Другие-то больше врут, а никто и слова против не скажет. А я правду говорю: полечу. И ты, может, полетишь и вон Витюшка тоже. В старину и то летали люди. Не веришь? Правда,— убежденно сказал дядя Мишкишка.— Один с колокольни сиганул и опустился невредим. А то другой шар теплым дымом надул, повис на лямках и полете-ел! На шару-то далеко улететь можно, за село, за лес. Летит, а под тобой дома, люди, деревья внизу стоят, болотце белеет. На водиче — утка. Глядит на тебя и думает: какой это

чудак по небу на шару летит? А ты знай себе летишь, в облачко воткнешься, посидишь и дальше полетишь.

Дядя Мишкишка замолчал и засмотрелся на белое пушистое облако, словно примеривался, с какой стороны воткнуться в него, чтобы отдохнуть на высоте. Сережка с Витюшкой тоже уставились на это облако, только смотрели по-разному — Сережка недоверчиво, а Витюшка завороченно: он верил каждому слову дяди Мишкишки.

— Попробуй полети,— наконец, проворчал Сережка.— Я посмотрю, как ты шмякнешься.

— Не шмякнись,— возразил дядя Мишкишка,— шар не даст.

— На шару каждый дурак полетит.

— Дураков не сажают. Умным не хватает местов,— сказал дядя Мишкишка и снова задрал голову, присматриваясь к облаку.

Сережке надоел этот разговор, он вскочил.

— Ну тебя!

И ушел, ругаясь на ходу, обзывая дядю Мишкишку вруном. Он и Витюшку хотел утащить за собой, но тот увернулся. Ему жалко было оставлять возле овина пригорюнившегося дядю Мишкишку.

— Руку сунешь — мокро там али нет? — тихонько разговаривал с собой дядя Мишкишка.— А из самой середки землю видать? Кто скажет? Ить никто и не бывал там.

Он увидел Витюшку, улыбнулся.

— Ты не ушел? Мотри, побьет тебя Серега.

— Я не дамся.

— Пымает.

— Ну и пусть, я не боюсь.

— Малец ты еще,— почему-то вздохнул дядя Мишкишка.— Не понимаешь всего... И я не все еще разобрал умом, не доходит все-то.— Он снова задрал голову.— Вот, к примеру, облако... Стоит себе на месте. А как туда забраться? Жаворонком, что ли, стая, а? — И дядя Мишкишка рассмеялся, видимо, представив, как он обернулся быстрым жаворонком и весело летит к облаку.

Это рассмешило и Витюшку, и они посмеялись немного вдвоем.

— Станем, а, Витюшка? — предложил дядя Мишкишка, вытирая слезящиеся глаза.

— Станем! — радостно откликнулся Витюшка.

Ему казалось, что стать жаворонком совсем легко, просто. После он убедился, что это так и есть. Можно стать и жаворонком, и деревом, и тем же самым белым пушистым облаком, если знать секрет или же сильно этого захотеть. Хорошо придуманный мир не хуже живого. А очень хорошо придуманное становится даже живее живого. Став взрослым, Витюшка столько раз убеждался в этом. А дядя Мишкишка еще тогда владел секретом чудесных превращений. Но и это Витюшка понял лишь годы и годы спустя.

Бежит, бежит по селу стайка ребятешек, с птичьего полета взглянуть — горстка пшена катится. И чуть ли не ежедневный пробег этот, эта невинная младенческая игра теперь заставляет замирать на полуслове, затихать и не только вглядываться, но и вслушиваться в детство с его свежими яркими красками и с такими же первородными звуками. И светится и звучит оно, как будто тут, рядом, за углом, поверни — и вот она, сельская улица, вот он, лужок за околицей, вот наконец и тропа через ельничек и вниз, в траву по горлышко и в кусты, где кто-то бьет крылом и что-то шуршит и почавкивает...

И все это где-то на границе памяти, по эту сторону черты, за которой как будто и не было ничего. За нею ночь — и лишь случайные сполохи, высвечивающие не мир, нет, отдельные его предметы, все зыбко, все текущее, как во сне. Да, как во сне, в яви же — вся деревня, вдруг сразу вся, с новыми белыми избами, с березами на том краю, где жил дядя Александр, с белой колокольней, с прудом и с облаками, никогда не закрывающими солнца. Плынут над этим миром облака, роняют дожди, журчит вода возле крыльца, сверкают капли на траве, душистые капли летят с рябин.

Хороший мир в хорошие время.

ПРИЗ

У ДОБЫТЧИКОВ ГАЗА

«ОГОНЕК»
В ОРЕНБУРГСКОЙ
ОБЛАСТИ

Большой зал Дома политпросвещения в Оренбурге переполнен. Торжественно вручаются премии редакции журнала «Огонек» победителям соревнования среди газетчиков Оренбуржья под девизом «Эффективность и качество», начатого осенью 1978 года. Об этом, открывая вечер, напомнил Б. И. Прогинмак, секретарь парткома Всесоюзного промышленного объединения (ВПО) «Оренбурггазпром».

Начальник ВПО, Герой Социалистического Труда Ю. Ф. Вышеславцев рассказал о работе и жизни многотысячного коллектива, объединяющего в своих рядах буровые и вышкомонтажные бригады, работников оперативно-производственных служб, технологических установок и компрессорных станций, питающих газом магистраль семи флагов «Союза», идущую в страны СЭВ, Москву, десятки советских городов и сел. Итоги радостные: превышена проектная производительность технологического оборудования. С начала десятой пятилетки добыто и переработано сверх плана более 11 миллиардов кубических метров газа, 260 тысяч тонн газового конденсата, выработано около 160 тысяч тонн серы. Производительность труда возросла на 36 процентов, что на 9 процентов превышает уровень, запланированный на конец пятилетки. Двадцать кварталов подряд газетчики Оренбуржья удерживают первенство среди предприятий нефтяной и газовой промышленности.

Роль социалистического соревнования тут особенно велика. Приз журнала «Огонек» оспаривали 60 коллективов буровиков, добытчиков, переработчиков, транспортников, энергетиков. Не однажды заседало строгое жюри под председательством главного инженера ВПО Р. И. Выхрева, прежде чем были определены победители.

Играет оркестр, на сцену поднимаются представители коллектива установки УКПГ-12, добившейся наилучших результатов. Переходящий приз «Огонька» принимает Николай Нестерович Галля, начальник установки. Приз изготовлен стеклодувами Дятковского хрустального завода по специальному заказу. Кроме того, представители коллектива в течение недели будут гостями редакции в Москве.

Второй премии и вымпела «Огонька» удостоен коллектив технологической установки газоперерабатывающего завода, возглавляемый Юрием Федоровичем Тимошенко.

Во встрече с газетчиками Оренбуржья приняли участие С. А. Высоцкий, заместитель главного редактора, В. П. Енишерлов, заведующий отделом критики и библиографии, и специальный корреспондент журнала Г. В. Куликовская. Поэтесса Людмила Щипахина, тепло встреченная присутствующими, прочитала новые стихи, композитор Николай Писаренко познакомил собравшихся со своими песнями. Успех сопутствовал солистам Московской государственной филармонии, лауреату международного конкурса вокалистов в Вене Ольге Бузиной и концертмейстеру Ирине Соловьевой, лауреату конкурса имени В. Андреева гитаристу Игорю Климову, местному иллюзионисту инженеру Вячеславу Рыжкову. Вел программу сменный диспетчер одной из установок Виктор Самаринцев.

Редакция выражает благодарность всем, кто принял участие в концерте.

На другой день состоялась читательская конференция. Вела ее заместитель председателя горисполкома Л. П. Татаринцева. В конференции приняло участие свыше пятисот студентов оренбургских вузов.

На снимке: промысловики оперативно-производственной службы № 12 «Оренбурггаздобычи», завоевавшие переходящий приз.

Фото Е. Ершова

ЖИТЬ ПО ПРА

Виктор ПРОНИН

Заголовком этого обзора послужили слова из письма Надежды Дементьевны Жмурко — нашей читательницы из Харьковской области. Она прислала его после опубликования публицистических заметок «Второе счастье?», где речь шла о воспитании детей, о сомнениях матери, которая так прямо и написала: хорошо ли она поступает, воспитывая своих детей хорошими? И не лучше ли было бы для нее и для самих детей, если бы они выросли удачливыми и ловкими приспособленцами, не беззаботнее была бы у них жизнь?

Письмо Надежды Дементьевны одно из многих, пришедших в редакцию. Большинство писем — от читателей, которые почувствовали себя задетыми, поскольку речь шла о жизненной позиции человека, о его отношении к нравственным, духовным ценностям нашего общества. И о своих убеждениях, болях, обидах, о своих разочарованиях читатели написали горячо и откровенно, не подыскивая обтекаемых слов и выражений.

Почти в каждом письме ощущается четкая гражданская позиция читателей, их неприятие мелочности и торгашества, уничительной погони за вещами, которые частенько покупаются вовсе не потому, что действительно нужны, — они приобретаются, чтобы поразить, озадачить, «поставить на место» соседей, сослуживцев, знакомых, возвыситься в кругу ближних диковинными вещами, которые не каждому по карману, раздобыть которые сложно, хлопотно.

Наша читательница И. Минаева из подмосковного города Одинцово с горькой иронией рассказала о случае, свидетелем которого ей пришлось быть. Ее приятельница выстояла в очереди несколько часов, чтобы купить заморские комнатные тапочки. Три пары купила — яркие, расшитые стекляшками и цветными нитками, притом, что качество их было неважное: сквозь ткань прощупывался ломкий, рыхлый картон. Тапочки женщина выставила в прихожей и запретила кому бы то ни было из домашних прикасаться к ним. Они предназначались исключительно для уважаемых, нечастых гостей.

«Картины, оказывается, не только на стены вешают, — пишет И. Минаева, — их, оказывается, можно и на пол в прихожей ставить. Не в том беда, что

моя знакомая потеряла несколько часов жизни, половину месячной зарплаты, переругалась с половиной очереди, поскольку очередь требовала, чтобы давали только по одной паре тапочек. В конце концов это ее дело. Беда, как мне кажется, в другом: моя знакомая — да только ли она — на все явления вокруг себя смотрит вот с этой колокольни: поразит ли она своих приятельниц или же они поразят ее, одержит она победу или потерпит поражение. Конечно же, ради этой своей победы она окажет любую услугу, сунет посылочку взятку, лишь бы вырваться вперед в той странной, непонятной гонке, в которую включилось за последнее время немало людей. И забыта порядочность, отброшена совесть, гордость размывается на тапочки, фужеры, светильники. А если человек так легко отказывается от собственного достоинства, то он ведь не очень задумается и перед тем, чтобы чужое достоинство унижить из-за сущего пустяка».

Наверно, многие могут припомнить похожие случаи. Мне, например, известен скандал, серьезный скандал, дело дошло до валерьяновых капелек: гость, вызвавшийся помочь хозяевам убрать со стола, по простоте душевной соскочил со стаканов импортные золотистые этикеточки и тем самым начисто обесценил их, низвел до уровня обычных, которые можно купить в любой хозяйственной лавке. И хозяйка в истерике даже грохнула один стакан об пол: на кой он мне, дескать, без фирменной наклепки?!

Во всем этом есть одно обстоятельство, которое, видимо, важнее прочих, — подрастают дети, впитывающие с молоком матери подобные замашки, принимающие их как нечто естественное, единственно возможное. Пишут супруги из города Зеленодольска: «Когда мы были молоды, шла война, жили все примерно одинаково, некому было завидовать, да и понимали, что главное происходит на фронте, там решается судьба каждого из нас. А сейчас что-то изменилось. Однажды сын заявляет: «Мама, почему мы живем плохо? Я спрашиваю у него: что же плохого в нашей жизни? У нас есть пища, есть одежда, дом, живем дружно, семьей, здоровье позволяет нам с отцом работать, есть чем полакомиться, заготовили на зиму грибов и маринованных, и соевых, и сушеных, варений разных наварили. Говорю сыну: если тебе что нужно, скажи — обсудим, возможно, купим. А он мне отвечает: вон, мол, у Валеры в доме ковры, хрусталь... Мы всегда жили просто, не стремились пустить пыль в глаза, достать вещи, которые нам не нужны, обходились без них легко и спокойно. Откуда же у сына сознание неполноценности перед людьми, имеющими ковры и хрусталь? Зачем мальчишке ковры и хрусталь? Выходит, дело не только в родительском примере, значит, что-то изменилось в общественном сознании? Или все-таки мы с отцом упустили что-то важное?»

«Ковры и хрусталь» — это сочетание встречается во многих письмах наших читателей. Отношение к ним различное, от

восхищения до полного пренебрежения, но тем не менее многие именно эти вещи используют в своих рассуждениях и как олицетворение благополучия, жизненного успеха и как зыбкое прибежище людей, неспособных поставить перед собой целей более значительных. Ну что ж, в конце концов и ковры и хрусталь — вещи хорошие, добротные, красивые, иметь их в доме приятно, да и бесполезными не назовешь. Но если к ним сводятся все стремления, если они становятся мерилом человеческого достоинства, некоей системой счисления — это в самом деле наводит на грустные размышления.

Вот что пишет об этом Таня Ивановна Короткова из Вязьмы: «Живу материально неплохо, имею ковры, хрусталь, но разве суть жизни в этом? И в самой роскошной квартире можно быть глубоко несчастным. Я многое испытала, есть и на моей совести черные пятна, но я буду горда, если мой единственный сын вырастет честным гражданином своей Родины. Уважаемая, милая Зинаида Тимофеевна! Хочу обратиться именно к вам: гордитесь, пожалуйста, своими честными детьми! Это так ужасно, если они вырастут пройдохами, хамами, взяточниками! С подобными людьми мне достаточно приходилось сталкиваться в жизни, по работе. Их не назовешь бедными, у них много хороших вещей, но, ради бога, не завидуйте им! Поверьте мне на слово — они того не стоят».

«А может, будет естественнее, если я им позавидую?» — спрашивает А. Смирнова из Приморского края. И дальше она пишет так: «Мне двадцать три года. Работая швеей. Могу сказать, что за свою не такую уж долгую жизнь никогда не шла против совести, что честность ценила превыше всего. Но знаете, нужно мужество, чтобы заставить себя не смотреть на плохое как на нечто само собой разумеющееся. И как часто нам этого мужества недостает! Мне тоже. Поэтому я давно уже не уверена, что мои убеждения, за которые я все еще держусь, правильны. Советуете презирать тех бесцеремонных доставал, что плюют на совесть и честность? Но тогда мне пришлось бы презирать кое-кого из тех, которых я должна вроде уважать согласно их положению. Как быть? Как поступить, когда жизнь ставит меня перед выбором: отстаивать принципы или доставать мужу туфли?»

Наша читательница не сообщила, как она поступила: осталась ли верна своим принципам или все-таки, отодвинув их в сторону, пошла на поклон к спекулянту. И интересна сама постановка вопроса: принципы — это хорошо, а в носках, на босу ногу на улицу не выйдешь. Положение сознательно обострено. Ведь на самом деле жизнь не ставит нас перед столь жестким выбором: совесть или туфли. Обычно туфли покупают, ничем не жертвуя, не становясь каблуком на собственную совесть. Другое

дело, если захотелось купить обувь необычную, редкой формы, сверхвысокого качества. Да, такими вещами у нас пока может похвастать далеко не каждый магазин. Но давайте согласимся и с тем, что всегда, при любом обеспечении обязательно найдется вещь, которую страх как захочется приобрести, но сделать это будет непросто. И, наверно, всегда будет повод поставить вопрос так же, как это делает А. Смирнова, только речь уже будет идти не о модных туфлях, а о чем-то другом.

В письме нашей читательницы промелькнула еще одна интересная мысль: она несколько озадаченно пишет о том, что, оказывается, для честной и достойной жизни требуется мужество. Да, нам во многих случаях требуется мужество, чтобы отстаивать свою точку зрения, мужество, чтобы отказаться от дешевых соблазнов, мужество, чтобы сказать правду в глаза человеку, которому она не понравится. Да, при этом приходится кое-чем riskовать, вносить в свою жизнь хлопоты, а иногда прибегать к крайним мерам — отказываться от модных туфель. И тут опять возникает соображение, о котором говорилось в заметках «Второе счастье?», — достаточно ли отдачу мы получаем за нашу добропорядочность? Не доходнее ли стать ханугой? Не слишком ли разорительна наша принципиальность?

И проskalывается, может быть, не до конца осознанное желание, чтобы жертвы, приносимые нами во имя справедливости, хлопоты, связанные с отстаиванием чего-то доброго имени, неприятности, свалившиеся на нашу голову после того, как мы резали кому-то правду-матку в глаза, чтобы все это обязательно окупалось. А когда этого не происходит, кое-кто готов усомниться в правильности своих убеждений, тут же начинает искать виновников и, конечно же, находит их. Здесь уместно привести слова из письма нашего читателя, который живет в Чехословакии, он приводит мысль Джозефа Конрада: добродетель должна быть наградой сама по себе, если она вообще чего-нибудь стоит. Другими словами, если за нашей добродетелью стоит зыбкая надежда или жесткий расчет получить достойную компенсацию, то она перестает быть таковой.

Разумеется, в мире мудрых мыслей можно найти подтверждение любой точке зрения, и частенько эти самые мудрые мысли расположены весьма далеко от житейских неурядиц, от забот о хлебе насущном.

Юрий ЗУБКОВ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

СУД УДАЛЯЕТСЯ НА СОВЕЩАНИЕ...

Возвращаясь к письмам наших читателей, хочу привести слова Ивана Степановича Кочуркова. Ветерана Великой Отечественной войны. «Я пережил ленинградскую блокаду. Имею контузии и ранения. Живу не в роскоши, но имею хорошую библиотеку. Никогда в жизни не терпел и сейчас не терплю несправедливостей, черствости, корыстливости. Никогда не отсиживался в кустах — ни на фронте, ни после победы. И если, к примеру, спросят меня: счастливы ли вы, Иван Степанович Кочурков? — я без всяких колебаний, так же, как и Анна Васильевна Романова, письмо которой приведено в заметках «Второе счастье?», отвечу: да, счастлив! Жизнь у меня была интересная, напряженная, и я доволен ею. Довольны ли будут своим жизненным итогом те, кто нынче мечется между очередями, кто утверждался на земле коврами и хрусталем, не знаю; не уверен. Если они находят счастье и утеху в приобретательстве, пусть их. Надо только отдавать себе отчет в том, чего ты хочешь в жизни, что для тебя в ней главное».

О жизненном итоге упомянула в своем письме и Вера Ивановна Федорец из Свердловска. Она описала, как умирала ее родственница, которая никому в своей жизни не сделала добра, которая всю свою жизнь посвятила себе самой и в последние минуты «смогла вспомнить только черные свои поступки, иных у нее не было». И, собравшись с силами, она задала пришедшим близким людям один только вопрос: «Простите, а вы пойдете меня провожать?» Другими словами: пойдете ли вы за моим гробом? Судя по всему, она вовсе не была в этом уверена...

Закончить хочу письмом, с которого начал, письмом Надежды Деметьевны Жмурко... «Не знаю, женат ли сын Зинаиды Тимофеевны, а мой вот хотя и женат, но с женой своей давно не живет. Она как-то сказала ему: не умеешь зарабатывать — умей воровать. Я ответила ей, что воровству своих детей не обучала. Сейчас эта его бывшая жена на Камчатке, не знаю, по какой причине, но не по своей воле, и задержится она там еще на несколько лет. Конечно, грех чужой беде радоваться, но, с другой стороны, еще раз убедилась: жить надо честно. Может, хотелось бы и лучше жить, но все равно — жить по правде».

И вот еще что надо сказать: прислали в редакцию письма люди честные, совестливые. Да, не все из них довольны своей жизнью, своим достатком, но именно честность дает им право отстаивать себя и свои убеждения, говорить открыто о своих заботах, мечтах, обидах да и о тех, кто им эти обиды наносит. Возможно, найдутся такие, кто скажет: возьмите у меня это право, а взамен дайте мне и еще вон те вещи. Но таких будет немного. И характер писем, пришедших в редакцию, еще раз подтверждает это.

Не раз по ходу этого спектакля в зрительном зале вспыхивают аплодисменты. Горячие, дружные, они звучат как поддержка главного героя спектакля — председателя колхоза Сагадеева. Поддержка тех, ради кого он жил, действовал, шел на риск. Сегодня они, колхозники и колхозницы из «Красного луча», выступают свидетелями на суде над Сагадеевым. Но это с точки зрения юридической они — свидетели, а по сути дела — его опора, защита, выразители мнения народного по самым важным, существенным проблемам современной колхозной жизни.

Итак, Сагадеев — главный герой пьесы Азата Абдуллина «Тринадцатый председатель», поставленной в Театре имени Евг. Вахтангова В. Шалевичем и О. Форостенко (руководитель постановки Е. Симонов), — оказался на скамье подсудимых... Несправедливо? Незаконно? Это как смотреть... Смело идя на риск, он порой отступал от буквы закона: переплатил из общественных средств строительному-монтажному управлению за работы в колхозных домах, яслях, детском саду... Подарил лучшей доярке корову. Широко развернул подсобное производство, используя для этого не только овощи и фрукты своего «Красного луча», но закупая их и в других колхозах. Лучших колхозников отправил отдыхать на юг, сохранив им зарплату... Но ведь все это делал Сагадеев не для себя, а ради людей, ради их счастья. Ни одного решения не принял он единолично, без правления колхоза, без совета с колхозниками. И за каждым своим решением, за каждым поступком видел живых людей — их заботы, переживания, судьбы...

Удивительный спектакль! Два часа действие идет без антракта, а зрители затаив дыхание буквально ловят каждую реплику, каждое слово героев. Мы видим, как Сагадеев и его соратники решают важные вопросы современной колхозной действительности, экономические и социальные. Но почему же они нас-то, горожан, заполнивших зрительный зал, так остро и горячо волнуют? Да потому, что в основе своей это вопросы нравственные, а значит, касающиеся каждого из нас. Потому, что в пьесе и спектакле, как и в самой жизни, экономическое и социальное, идеологическое и нравственное нераздельны между собой, сливаются воедино.

Мысль нравственная — вот главная движущая сила пьесы А. Абдуллина и спектакля вахтанговцев. Все яснее и яснее становится в ходе заседания нравственная и деловая, а если хотите, и государственная работа Сагадеева... И уже не только председатель суда (А. Граве), который не может не быть беспристрастным и строгим блюстителем закона, не скрывает своего душевного расположения к этому самоотверженному человеку, а еще и молодой — кажется, сухой и неумолимый — прокурор Улин (Е. Карельских) тоже постепенно утрачивает металл в своем голосе, утрачивает убежденность в справедливости обвинительного заключения... На суде как бы заново открывается, что есть еще в жизни — и немало — нерешенных, трудных вопросов. И люди, которые, подобно Сагадееву, берутся за их решение, заслуживают внимания, уважения и поддержки...

Не случайно в программке не обозначена фамилия художника: оформление спектакля крайне лаконично. Мы видим просто зал для заседаний, притом в самом обыкновенном, не столичном и даже не областном, а районном суде. И режиссерских изысков, ухищрений тоже нельзя отыскать в спектакле. Все внимание режиссуры сосредоточено на актерах, смело могу сказать, сроднившихся с пьесой Абдуллина, пропустивших ее через свои сердца. Подкупает правдивость внутренней жизни героев, всего поведения, в которой не вкралась

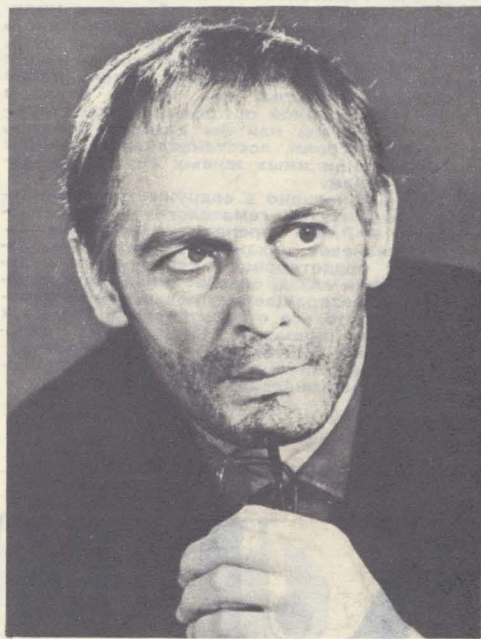
ни одна искусственная, а тем более фальшивая нота.

Можно подробно говорить об образах свидетелей — столь не схожи они между собой, неповторимы. По-разному относятся они к Сагадееву: многодетная Халида (Г. Пашкова), та женщина, которой он подарил корову, предотвратив беду семьи; старая заведующая фермой Саубан-апа (М. Синельникова), в недавнем прошлом ответственный работник обкома партии, по доброй воле пошедшая на низовую работу — ох, как хотелось бы иметь ей именно такого сына, бесстрашного и доброго, как этот «тринадцатый председатель»; молодой агроном Кадрия (Е. Райкина), чье чувство к Сагадееву так непосредственно и свежо, что трудно скрывать его от людей даже здесь, на суде... Тут бывший фронтовик Вьюгин (Ю. Волынцев), едва не сбившийся с пути и вновь обретший его благодаря Сагадееву; внешне сдержанный, вдумчивый, кажется, заново на суде проживающий всю свою — общую с Сагадеевым — жизнь, вожак колхозных коммунистов Закиров (В. Коваль); трактористка Харисова (Е. Коровина) — прямая, смелая, непреклонная в защите правды и справедливости... Все они, такие разные, представляют собой обобщенный, коллективный портрет людей современной деревни, вобравший лучшие, типические черты нынешнего человека — труженика, гуманиста, борца.

Что касается Сагадеева — его играет В. Лановой, — то он, уступив слово свидетелям в самом начале заседания, почти обречен на молчание. Но сколь же молчание это красноречиво! Сколь много говорит взгляд председателя, устремленный на выступающих!.. Трудный экзамен держит герой Лановой. Экзамен на нравственную прочность, целостность, чистоту... В ходе заседания проверяется каждый из тех, ради кого Сагадеев жил, рисковал честью своей, добрым именем. Трудный это экзамен, но и радостный, потому что никто не подвел председателя: каждый оправдал его доверие, его усилия.

Давно не было на нашей столичной сцене такого страстного, захватывающего спектакля!.. Невольно вспоминается сыгранный в военные годы на этой же вахтанговской сцене «Фронт» А. Корнейчука. Вспоминается довоенная постановка в Театре Революции пьесы Б. Войтехова и Л. Ленча «Павел Греков». Это были спектакли активного идейного вмешательства в жизнь, говорящие со зрителем о самых острых вопросах времени.

В финале спектакля суд удаляется на совещание. Но никто не сомневается в том, каким будет приговор. Вместе с автором и театром, вместе с главными героями пьесы мы уже вынесли его.

В. Лановой в роли Сагадеева.

Фото М. Чернова

О. ЧАЙКА,
главный инженер завода
медицинских препаратов

Фото Б. КУЗЬМИНА

Занедужившие люди испокон веков мечтали о «живой воде», «эликсире жизни», прочих волшебных снадобьях, которые бы возвращали человеку бодрость, энергию, хорошее настроение. Короче, спрос на препараты здоровья всегда был; велик он и в наше время нешуточных нервных и физических перегрузок. Так вот, наш завод, его экспериментальная лаборатория, в содружестве с учеными ищет и выпускает эффективные препараты, такие, как кровезаменители, ферменты, ряд гормональных препаратов, которые мы делаем из сырья животного происхождения. Проще сказать, сырье мы получаем после убоя скота на мясокомбинатах. Дело в том, что живая природа, как и химия, широко использует явление катализа, то есть активного ускорения реакций, происходящих в живом или растительном организме. Да, почти все процессы, протекающие в живой клетке, требуют участия биологических катализаторов — ферментов.

Там, где жизненные процессы по тем или иным причинам затухают, где ощущается недостаток жизненной энергии — там нужны ферменты. И мы научились их делать, они известны: трипсин, химотрипсин, химопсин, рибонуклеаза, дезоксирибонуклеаза, лидаза. Конечно, наша продукция — устойчивые, стерильные, в красивой и удобной упаковке ферменты и гормоны, без которых не может живой организм функционировать молодо, энергично, без усталости. Все наши препараты жизненно необходимы для борьбы с очень широким кругом недугов.

Поэтому завод постоянно совершенствует технологию производства тех или иных препаратов. Например, в этом году освоены мощности по выпуску дефицитных препаратов АТФ и стекловидного тела. Автоматизация позволила нам за последние два года увеличить выпуск рибонуклеазы, эффективного средства при лечении клещевого энцефалита. Мы разработали и рекомендовали другим предприятиям технологическую схему производства говяжьего пепсина. Дорабатываем схему производства новых иммуно-биологических препаратов, таких, как тималин и эпителин.

Всегда хочется ободрить нуждающихся в наших препаратах и подробно рассказать о новинках медицины, о новых лекарствах. Но, с другой стороны, я понимаю, как осторожно следует обещать эти новинки больным, какое это ответственное дело — объявить о новом «эликсире жизни». На завод сразу же после сообщений печати приходят тысячи писем с просьбой срочно выслать полученный препарат, нет числа и ходок у заводской проходной... А ведь у нас предприятие, и мы лекарств не продаем, да и нельзя их без рецепта врача-специалиста рассылать по первому требованию... И все же хочется рассказать о нашей новинке — эффективном препарате «Цитохром С».

Воздействуя на различные системы живого организма, можно отодвинуть болезнь. Ферменты — ключи к долголетию. Важно, чтобы живая клетка как можно дольше вырабатывала именно антивзные ферменты. Не терять способность производить ферменты — значит не стареть. Но если эту способность с годами долгой жизни теряет организм, то ему могут помочь такие современные средства, как наши. Вводя в уставший или больной организм соответствующие ферменты, мы как бы атакуем болезнь, отодвигаем ее сроки, восстанавливаем важные функции тех или иных живых систем, омолаживаем организм.

Полученный недавно в содружестве с Ленинградским институтом гематологии и переливания крови и ЛХФИ препарат «Цитохром С» улучшает тканевое дыхание при различных заболеваниях: предотвращает слепоту при старческой атрофии глаза, спасает жизнь при печеночной коме, возвращает здоровье при инфаркте миокарда. Это все относится пока только к жидкой форме препарата. Разработана технология получения «Цитохрома С» и в таблетках. В настоящее время чудесный препарат проходит широкие клинические исследования.

Ленинград.

Опытный цех, где получают новый препарат.

Профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Л. Г. Богомолова и заведующая заводской экспериментальной лабораторией, кандидат биологических наук Н. Д. Сидорова.

К Л Ю Ч И К Д О

Инженеры-химики В. К. Хотянович и Г. Н. Ардашева.

Людмила Запонкина возглавляет цех АТФ.

ЛЮДИ И Ю

Юрий МАКУНИН

Фото А. Бочинина

ОТ КРЫЛАТСКОГО ДО ЭЛЬБРУСА

ЗАМЕТКИ ГОРНОЛЫЖНИКА-ЛЮБИТЕЛЯ

Очень трудно объяснить, что такое горные лыжи. Многие, например, считают, что среди зимних видов спорта они главнее равнинных лыж, санок, хоккея. Не будем об этом спорить — в конце концов это дело вкуса. Но если и коньки, и беговые лыжи, и игры на льду давно заняли подобающие места в расписании нашего зимнего отдыха, то горные лыжи...

Присмотритесь воскресным утром к толпе людей на каком-нибудь столичном вокзале, например, Савеловском. Без всяких статистических выкладок станет ясно: большинство пассажиров едет кататься с гор. По перронам течет река пестрых курток и шапочек, колышется лес разноцветных, разнокалиберных слаломных лыж. То же самое — на Белорусском, Рижском, Ленинградском вокзалах. Вы бывали зимой в знаменитом олимпийском Крылатском, в двух шагах от станции московского метро? Трудно поверить — в выходные здесь катаются тысячи горнолыжников! А какие в Подмосковье горы? Так себе — холмики, пригорки, склоны оврагов да крутые берега речушек и рек. И все-таки десятки тысяч — да, десятки тысяч! — москвичей, никем не подгоняемые, никакой рекламой не соблазненные, часами едут в электричках, потом по снежным тропинкам с тяжелыми

лыжами и рюкзаками пробираются на склоны Туриста, Яхромы, Чернева, Планерной и до темноты утюжат снежные трассы. Вверх-вниз, вверх-вниз, а подъем почти всегда — своими ногами... Кто-то соорудил правдами и неправдами простенький подъемник и «чужих» к нему близко не подпускает, кто-то организовал на горе целый кооператив добровольцев и царствует в своем «удельном княжестве», кто-то без ведома районных властей «врезал» свои электромоторы в государственную электросеть — и вот вспыхивают на склонах мимолетные, а иногда и затяжные скандалы, ничего общего со спортом и отдыхом не имеющие. Да, проблем у самодеятельного горнолыжника — хоть отбавляй...

А ведь горные лыжи — один из самых насыщенных в техническом и эмоциональном отношении видов спорта. Самодеятельность хороша до известного предела, после которого хорошо бы подумать о более серьезном отношении к массовым запросам. Массы — это сотни и сотни тысяч горнолыжных любителей Москвы и Ленинграда, Харькова и Каунаса, Нижнего Тагила и Норильска, Красноярска, Магадана, Южно-Сахалинска (посмотрите на карту — вся страна увлеклась горными лыжами!). Массы хотят пользоваться совре-

менными двухкорпусными ботинками и безопасными автоматическими креплениями, подниматься в гору с помощью подъемника и спускаться по подготовленной снежной трассе на хороших, отвечающих современным требованиям лыжах. И совершенно необходимо присутствие медицины на горе, и необходимо помещение, где можно переодеться (в современных горнолыжных ботинках пешком и ста метров не пройдешь), согреться чайком, и многое, многое другое.

Да, времена лыж-досочек и бамбуковых палок безвозвратно миновали. И развитие этой отрасли отдыха явно вступило в противоречие с его материальным обеспечением. Этому и посвящены некоторые мои заметки.

Эльбрус! Эльбрус! Сколько сочинено в твою честь возвышенной прозы и взволнованных поэм! Однако в последние десятилетия об Эльбрусе все чаще сочиняются не стихи, а докладные записки. Сложи их вместе — получится хоть и не Эльбрус, но гора немалая. Однако при чем же здесь скучные записки?

Поднявшись с помощью подъемника на горную вершину и скатываясь с нее на лыжах, становишься птицей, исчезающей в

снежно-солнечном пространстве, растворяешься в стерильной голубизне. Крутизна склонов увлекает тебя вниз, а широкие снежные поля щедро позволяют маневрировать, вздымать кантами искристые шлейфы снега.

Но вот ты тормозишь на пологой площадке, а рядом группа девушек остановилась передохнуть перед очередным броском вниз. До чего ж они красивы на этом солнце, на искрящемся снегу! Утверждают, что горы молодят каждую женщину лет на десять. А мимо проносятся без остановки горнолыжники Швеции. Приехали же люди на Эльбрус из Скандинавии! Случайно? Никакой случайности. Сюда мечтают попасть поклонники горных лыж из США, Франции, Японии, ФРГ, Австрии, здесь на каждом шагу встретишь наших друзей из социалистических стран.

Но догоним ребят из Швеции. Воспользуемся тем, что среди нас есть человек, знающий шведский. И эти белозубые, уже бронзовые от кавказского солнца скандинавы охотно вступают в разговор. Среди них — рабочие, служащие, молодые ученые. Кто-то из них сказал, что катание с Эльбруса хорошо бы назвать одним словом: во-сторг!!! Деньги на эту поездку они собирали в течение всего года, во многом отказывая себе. Но, если

представится возможность повторить визит, то (громко смеются) готовы на все лишения!

У шведов изумительная экипировка. И дело не только в том, что каждый из них похож на новенький разноцветный фломастер. Все оборудование тончайшим образом приспособлено к катанию именно в высокогорье. Все крайне удобно, надежно, элегантно и современно. И красота эта, ох, как дорога. Лыжи, например, стоят до 500 долларов, хорошие ботинки — не менее 200, крепления — до 100 долларов.

Что ж, давайте сравнивать. У нас в стране тоже есть целая армия рыцарей горных лыж, и путевки на зимние курорты достать, например, не легче, чем летом в Ялту. Я встречал многих людей, которые приезжают в отпуск на снежные склоны Кавказа из Архангельска, Ленинграда, Перми, Норильска, а поездка сюда из Норильска, наверное, стоит не дешевле, чем из Швеции. Кто сюда едет? Кто угодно: студенты, рабочие, ученые, моряки, художники — продолжать перечень просто нет смысла. Да и катаются теперь уже многие наши рядовые любители не хуже мастеров или, скажем, иностранных гостей. Смелости, лихости, удали нам не занимать. Но, увы, другое бросается в глаза: нашего брата-туриста легко отличить по блеклой, малоприглядной одежде, по посредственной экипировке. Казалось бы, какая разница, в чем кататься! Но в горнолыжном спорте не только качество лыж и ботинок, даже светофильтры в защитных очках имеют огромное значение. Плохой инвентарь — это неудобство, раздражение, это в конце концов серьезная опасность! Пока в нашей стране производство горнолыжных изделий налажено очень плохо, и тысячи людей вынуждены учиться не катанию, а «доставанию» инвентаря.

Нельзя сказать, что энтузиасты горных лыж бездействуют. Вот известный ученый — он как бы шефствует над подъемниками, делом и советом помогает работникам службы канатно-кресельных дорог. Вот рядовой инженер — он в свободное время изготавливает пластмассовые лыжи-самокаты для обучения детей. Можно встретить конструкторов, собравших на общественных началах группу по созданию наших отечественных лыж. А это автор новых, опять же самодельных креплений...

Я хорошо знаю таких людей. Они немалого добиваются.

Чтобы строить горнолыжную базу в Приэльбрусье, отказался от жизни в Москве Алексей Александрович Маленинов. Заслуженный мастер спорта СССР, он по праву считается одним из создателей нынешнего зимнего комплекса в Терсколе. Придите к нему в любое время дня и ночи — разговор у него один: о развитии района, о проблемах зимнего отдыха трудящихся, о судьбах горнолыжного дела.

Борис Самодуров, Борис Абрамов, Павел Захаров, Валентин Каргин, Хабибула Курданов, Зейтун Залиханов, Евгения Творилова, Осман Тилов — этих и многих других нельзя не назвать, если говорить об энтузиастах Приэльбрусья. Однако каждый из них, беседуя на горнолыжные темы, обязательно поведет разговор об организации зимнего досуга в масштабе всей страны.

Из таких разговоров вывод один — да он и в прессе повторяется многократно: надо налаживать в нашей стране индустрию зимнего отдыха, переходить наконец от разговоров к реальному производству хороших — именно хороших! — лыж, ботинок, креплений, к установке в горах многочисленных канатных дорог, к широкому строительству зимних баз в горах, а возможностей для этого у нас, у самой большой снежной державы мира, сколько угодно!

Речь идет не только о горах Кавказа, Карпат, Хибин, где горнолыжные базы медленно, с трудом, но все же появляются. Есть еще огромные, никак не используемые резервы. О них просто нельзя не сказать.

...Примерно на середине трассы от «Мира» до «Старого кругозора» я не удержался при повороте на глубоком снегу и упал. Упал удачно, пролетел всего метров пятнадцать. Пока отряхивался от снега, ладил лыжи, нагнала меня группа новичков, совершающих спуск под наблюдением опытного инструктора. И, наблюдая за ними, я подумал о том, что изучать азы можно и не только на склонах Эльбруса. Любая горка Подмосковья может стать ступенькой многоэтажного Эльбруса, ступенькой к скоростным трассам Чегета, Кохты, Трастану...

Пропадают у нас сотни тысяч небольших, длиной метров в двести — триста зимних микростадионов. Взять хотя бы самые популярные подмосковные горки — я упоминал о них в начале разговора. Так вот, для заравнивания ям, на строительство самых примитивных теплушек или простейших подъемников не выделено ни рубля! А рублей-то этих, строго говоря, нужно совсем немного. Горку оборудовать — это не спортзал строить: подсыпать земли, очистить склон от камней и пеньков, укрепить трассу, где в этом есть необходимость, — вот и вся забота! Теплушка — тоже не проблема. Проблема — подъемник...

Отечественных типовых подъемников у нас нет. Думается, сложность не в том, чтобы сконструировать систему, состоящую из электромотора, пары блоков, оттяжек и колец троса длиной метров в 50—200. Сложность, как нам говорят, в том, что нет заказчика, хотя нам, сотням и тысячам горнолыжников, трудно в это поверить. С каким удовольствием купили бы такие подъемники многие школы, совхозы, производственно-технические училища, техникумы, спортколлективы!

В средней полосе страны много домов отдыха. Они немислимы без массовиков-затейников. Этих людей наряду с обучением музыке необходимо обучать и пониманию спорта. Почему массовик, который работает в доме отдыха, где есть снежные горки, не знает азов горнолыжного дела?

Огромным не использованным пока резервом пропаганды зимнего спорта остаются инструкторы ПТУ, преподаватели сельских школ. Сегодня тысячи горнолыжников-энтузиастов готовы передать свои знания молодежи. Но... Снова пришла зима, а многие горы по-прежнему пусты. Не используется и в тысячную долю та огромная трасса здоровья, радости и спортивного мастерства, которая могла бы пройти по малым и большим склонам — от Крылатского до самого Эльбруса.

В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

10 ноября 1792 года знаменитый полководец генерал-аншеф А. В. Суворов был назначен командующим сухопутными силами, расположенными в огромной Екатеринославской губернии, в Крыму и в районе Очакова. Он направился в Херсон, место своей штаб-квартиры.

Войска на юге России, противостоявшие все еще грозной Османской порте, оказались до крайности изнуренными болезнями, ослабленными дезертирством, недовольством начальников и лихорадочным инстинктом. Совершенно недостаточными выглядели и немногочисленные укрепления, особенно после присоединения по Ясскому миру к России земель между Бугом и Днестром. Надо было действовать, и действовать по-суворовски.

Размах инженерно-строительной деятельности Суворова поражает и сегодня. Сохранились подписанные им планы: проект Фанагорийской крепости, три проекта укрепления Кинбурнской косы и Днепропольского лимана, план крепости Кинбурна, форта Гаджидера (Овидиополя) на Днестровском лимане, Гаджибейского укрепления (Одессы), Севастопольских укреплений (Одессы), «главного депо» (базы), получившего вскоре имя Тирасполь.

Часть укреплений строилась при нем и продвинулась вперед ощутительно, другая только начата, были и оставшиеся в проекте за краткостью времени и недостатком денег. В Севастополе строились четыре форта, в том числе два казематированных, то есть из особо прочных материалов. В Гаджибее (Одессе) под высшим надзором Суворова устроилась военная гавань с купеческой пристанью. Тирасполь мыслился как базовый центр войск.

Между тем главная трудность заключалась в безденежье. Чтобы не пропадало самое дорогое — время, Суворов заключил контракты с подрядчиками, а так как заданных денег не было, то он давал им векселей. Из Петербурга посыпались отказы, отказы, подрядчики несли убытки и даже разорение. Суворов решился на отчаянный шаг и написал своему родственнику Хвостову: «Подрядчикам выданы деньги из казны, я должен буду взнест и, чтобы не отвечать богу в их разорении, остальные им дополнить. Чего ради извольте продать мои новгородские деревни не ниже 100 000 рублей; людей перевезть в Суздаль». Все же дело обошлось благополучно, прибегать к крайним средствам не пришлось, но Суворов и здесь проявил неукротимость своей натуры.

В обширном регионе, где под османским игмом томились народы Молдавии, Валахии, Румелии, Болгарии, Суворов воевал уже дважды. Вообще главная его деятельность была связана с югом страны, с возвращением России северного побережья Черного моря, которое ей было жизненно необходимо как государству. Туртукай, Гирсово, Козлуджи прославили имя Суворова в русско-турецкой войне 1768—1774 годов. На успехи россиян с надеждой взирали подневольные народы Османской порты. К ним обратился в 1773 году со специ-

альным манифестом командующий Дунайской армией П. А. Румянцев, торжественно заверяя, что «любопытство и грабление никогда не были и не будут свойством российских войск, что меч казни и отпущения простираем мы только на одних противящихся неприятелей и благодетелей, напротив, всякому, прибегающему под защиту российского оружия и оному повинующемуся». Болгары и валахи восторженно встречали русских братьев. В Дунайской армии были учреждены специальные войска — арнауты, набираемые из жителей Молдавии и Валахии.

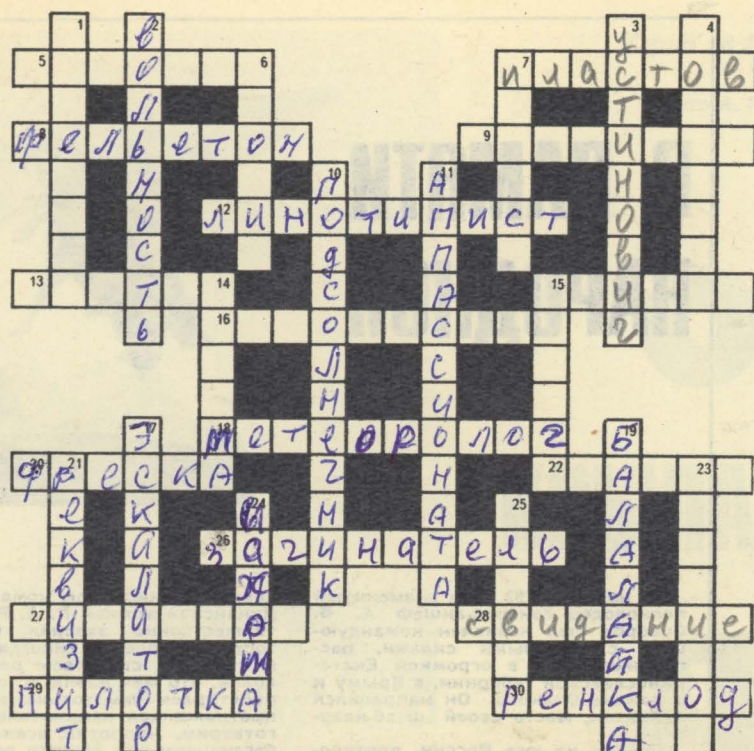
Победы русского оружия, в частности русско-турецкая война 1787—1791 годов, в исходе которой решающую роль сыграли выигранные Суворовым сражения при Кинбурне, Фокшанах, Рымнике, наконец, легендарный штурм Измаила исторически приближали обретение национальной независимости угнетенным народам Османской империи. Снова с самой лучшей стороны зарекомендовали себя легкие нерегулярные войска — арнауты, совершавшие разведывательные, добывавшие ценные сведения о положении турецкой армии.

Находясь в 1792—1794 годах на юге России, Суворов использовал арнаутов вместе с казачьими частями в землях между Днестром и Бугом. Он узнавал о положении на границе от многочисленных перебежчиков-молдаван, ходатайствовал перед императрицей о принятии в русское подданство видных лиц тогдашней Молдавии и строжайшим образом пресекать отдельные случаи недисциплинированности солдат в отношении местного населения. Сообщая об одном из таких инцидентов на молдавской границе Екатерине II 28 февраля 1793 года, Суворов сообщал: «Я лично при обозрении тамошних пределов (куда вскоре прибуду) проверю и обиженные во всем удовольствованы, а виновные на основании законов наказаны быть имеют».

Он неоднократно бывал в новоустроенном Тирасполе и в пору командования войсками на юге Украины в 1796—1798 годах заботился о состоянии казарм, в которых размещался в ту пору Полоцкий полк, следил за продолжением и расширением строительных работ, которые велись «в главном депо крепости Тираспольской» (приказ от 13 июня 1796 года).

23 ноября 1979 года, накануне дня рождения славного полководца, на центральной площади Тирасполя, одного из крупнейших городов Советской Молдавии, был открыт памятник Суворову. Его бронзовая фигура верхом на вздыбленном коне установлена недалеко от того места, где в 1792 году им была заложена крепость. Авторы памятника — скульпторы Владимир и Валентин Артамоновы, архитекторы — Ярослав Дружинин и Юрий Чистяков. Тираспольцы гордятся, что в их городе сооружен памятник одному из великих сынов России. Суворов живет в благодарной памяти братской социалистической Молдавии, всей нашей многонациональной страны.

Олег МИХАЙЛОВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Минерал, поделочный камень. 7. Народный художник СССР. 8. Злободневная газетная или журнальная статья. 9. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». 12. Наборщик, работающий на типографской машине. 13. Венгерский композитор, пианист, музыкальный этнограф. 15. Ритмическая фигура в музыке. 16. Повесть Л. Н. Толстого. 18. Специалист, изучающий земную атмосферу, синоптик. 20. Живопись водяными красками по штукатурке. 22. Город в Японии на острове Хонсю. 26. Инициатор, основоположник. 27. Певец, бас, народный артист СССР. 28. Картина художника-передвижника В. Е. Маковского. 29. Форменный головной убор военнослужащего. 30. Сорт слив.

По вертикали: 1. Раздел языкознания. 2. Ода А. С. Пушкина. 3. Действующее лицо романа Н. Островского «Как закалялась сталь». 4. Самодвижущаяся двух- или трехколесная транспортная машина. 6. Условный круг на поверхности земного шара, параллельный экватору. 7. Южное созвездие. 10. Масличная культура. 11. Соната Л. Бетховена. 14. Река, впадающая в Восточно-Сибирское море. 15. Остров в Вест-Индии. 17. Лестница с движущимися ступенями. 19. Русский музыкальный инструмент. 21. Вещи, употребляемые в театральных постановках. 23. Писатель, автор книги «Крылатые слова». 24. Обработка земли плугом. 25. Переложение партитуры оперы, оратории для фортепиано или пения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали: 5. Телетайп. 7. Стаханов. 8. Карнавал. 9. Алюминий. 10. Архангельск. 13. Колбе. 14. Мокша. 15. Катер. 17. Азербайджан. 18. Талон. 20. Ампер. 22. Рампа. 25. Верстовский. 28. Ассонанс. 29. Ресторан. 30. Манитоба. 31. Астроном.

По вертикали: 1. Печатник. 2. Чернотал. 3. Наличник. 4. Борисова. 6. Палех. 7. Сталь. 10. Александров. 11. Грот. 12. Комментарий. 15. Карат. 16. «Рудин». 19. «Лето». 20. Аттестат. 21. Прототип. 23. Микрофон. 24. Айтматов. 26. Рисна. 27. Карта.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Дети Мозамбика (см. в номере материал «В Мозамбике»).

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Памятник А. В. Суворову на центральной площади в Тирасполе. Авторы: скульпторы Владимир и Валентин Артамоновы, архитекторы Ярослав Дружинин и Юрий Чистяков.

Фото Г. Розова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 19.11.79. Подписано к печати 4.12.79. А 00763.
Формат 70х108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 762 000 экз. Изд. № 3005. Заказ № 1502.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото А. БОЧИННИНА

Международные соревнования на приз газеты «Нувель де Моску» давно уже стали своеобразным сигналом к началу нового спортивного сезона. А в нынешнем году этот турнир проходил в особенно знаменательной обстановке, ведь он открыл не просто новый сезон, а сезон олимпийский — в феврале лучшие из тех, кто испытывал свои силы во Дворце спорта в Лужниках, должны будут встретиться под сводами Дворца спорта в Лейк-Плэсиде.

Этот дворец выстроен рядом с обветшавшей ледяной ареной, на которой в 1932 году замечательная норвежская фигуристка Соня Хени завоевала свою золотую олимпийскую медаль. Кому из лучших фигуристок мира достанется эта медаль на белой Олимпиаде 1980 года? Ответить на этот вопрос сейчас трудно. В Европе почти не появилось за последнее время многообещающих фигуристок, и победа Кирры Ивановой — чемпионки СССР, хоть и очень приятна, но не внушает надежд на то, что ей удастся противостоять в Лейк-Плэсиде сильным заокеанским спортсменкам.

В отличие от того перелома, которого нам в последние годы удалось добиться в мужском одиночном катании, женское катание по-прежнему редко радует болельщиков. Ну, а что же показали на турнире «Нувель де Моску» мужчины? Чемпион мира Владимир Ковалев хоть и лидировал после обязательной и короткой программы, не выступил в произвольной, и его спор с заметно прогрессирующим Игорем Бобриным остался незавершенным. Двадцатилетний ленинградец по праву завоевал приз турнира и вселил в нас надежду на свое успешное выступление в Лейк-Плэсиде.

С особенным интересом ждали зрители выступлений дуэтов. И это ожидание полностью оправдалось. После годового перерыва мы снова увидели на льду общепризнанных лидеров парного катания Ирину Роднину и Александра Зайцева, и их многочисленные болельщики смогли с облегчением перевести дыхание. Роднина и Зайцев, видимо, сумели наверстать пропущенное. Они прекрасно выступили и в обязательной и в короткой программе, но, так же как и Ковалев, отказались от выступления в произвольной, отдав первое место Ирине Воробьевой и Игорю Лисовскому (в произвольной программе не выступали также Марина Черкасова и Сергей Шахрай).

Ну, а настоящим украшением соревнований стали, как и следовало ожидать, выступления танцоров. Вот где у нас поистине «полная чаша». Нет ничего удивительного, что именно здесь таилась главная сенсация турнира. Даже отсутствие на льду Ирины Моисеевой и Андрея Миненкова не снизило накала борьбы, которая разгорелась между двукратными чемпионами мира Натальей Линичук и Геннадием Карпоносовым и Натальей Бестемьяновой и Андреем Букиным.

Если выступление неизменных победителей всех крупнейших соревнований последних лет Н. Линичук — Г. Карпоносова было в полном смысле слова олимпийским, то молодая пара поразила всех своим поистине оригинальным, ярким произвольным танцем, который и позволил ей обогнать другую, претендующую на второе место пару — Наталью Карамышеву и Ростислава Синицына...

Читатели могут задать сам собой напрашивающийся вопрос: почему же на первом в сезоне международном турнире отсутствовал целый ряд наших ведущих фигуристов, а некоторые из них, начав турнир, отказались от дальнейшей борьбы? Объясняется это, как всегда, индивидуальными планами спортсменов. Ох, уж эти «индивидуальные планы». Как они обediaют наши соревнования! И что же удивительного в том, что на турнир «Нувель де Моску» с каждым годом приезжает все меньше и меньше известных фигуристов мира. Если мы пренебрегаем своими соревнованиями, то чего же можем ждать от гостей?

В. ВИКТОРОВ

ВОКРУГ

Ирина Роднина и Александр Зайцев.

Танцевальные пары на разминке. Габриэла Ремпорт — Шандор Надь (Венгрия); Анна Писанска — Юри Мусил (Чехословакия); Джина Окойн — Ханс Питер Понино (Канада); Наталья Линичук — Геннадий Карпоносов (СССР).

ХРУСТАЛЬНОГО КОНЬКА

Игорь Бобрин.

Наталья Бестемьянова и Андрей Букин.

Кира Иванова.

Показательное выступление. На льду Марина Чернасова — Сергей Шахрай, Марина Пестова и Станислав Леонович.

Победители в парном катании на пьедестале почета. В центре: Ирина Воробьева и Игорь Лисовский.

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

